

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

6

1970



ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

6

1 9 7 0

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. Кандель.</i> Ф. Энгельс и социалистическое движение в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 80—90-х годах XIX века	3
<i>Л. Я. Гибианский, В. В. Зеленин.</i> СССР и борьба югославских трудящихся за народную республику (1941—1945)	7
<i>И. Б. Греков.</i> О первоначальном варианте «Сказания о Мамаевом побоище»	27
<i>Г. Я. Ильина.</i> Проблематика экспрессионизма в современном югославском литературоведении	37
<i>Г. П. Соколянская.</i> К вопросу об историзме трилогии Вл. Реймонта «1794 год»	43
<i>С. Н. Азбелев.</i> Отзвуки Куликовской битвы в сербском и русском фольклоре	50
<i>М. Янакиев (НРБ), Н. В. Котова.</i> О некоторых принципах эдиционной палеославистики	58

ПУБЛИКАЦИИ

<i>В. М. Ендакова, М. М. Сумарокова.</i> Документы Дмитрия Благоева	65
<i>С. Балза.</i> К истории русских переводов Мицкевича	67

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>Н. Прокофьева, И. И. Шипкин</i> о чешских художниках	74
---	----

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Г. В. Попов.</i> Русская икона из Национального музея в Белграде	81
---	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>С. Н. Злупко.</i> Idee Lenina — źródło przyjaźni narodów	84
<i>В. Д. Королюк.</i> Советское византиноведение и проблемы истории славяно-византийских отношений	86

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>А. Каждан.</i> Васил Гюзелев. Княз Борис Първи	89
<i>Ф. А. Молок.</i> Книга о деятельности прогрессивного учительства в Чехословакии	90
<i>И. Козьменко.</i> Сборник статей и материалов к 90-летию освобождения Болгарии	92
<i>В. И. Фрейдзон.</i> Талантливое исследование югославского историка	93
<i>С. А. Малевич.</i> Новые исследования по истории марксистско-ленинской мысли в Польше	98
<i>А. Мильников.</i> Новая публикация чешской лирической поэзии XVII века	99
<i>В. К. Петузов.</i> Издание трудов П. А. Ровинского в Югославии	100
<i>Я. С. Мельничук.</i> Michał Komarzyński. Polska w polityce gospodarczej Wersalu (1661—1715)	101
<i>В. И. Шевчук.</i> «Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения (конец XVIII — начало XX в.)».	102
<i>Л. К.</i> VI Mezinárodní sjezd slavistů v Praze 1968	104
<i>Ю. А. Карпенко.</i> А. Е. Супрун. Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи	105
<i>Р. В. Булатова.</i> Новисадский лингвистический ежегодник	108

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1970 г. (продолжение)	111
Содержание иностранных журналов	116

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>М. Гольберг.</i> О курсе истории славянских литератур	118
<i>Е. Макова.</i> Защита дипломных работ на кафедре истории южных и западных славян	119
<i>И. Шультгейс</i> (ГДР). Коллоквиум по ономастике, посвященный Ленинскому юбилею	120
<i>Ежи Сливинский</i> (ПНР). О работе сектора западно- и южнославянских литератур Института славяноведения ПАН	121
<i>Я. С. Мельничук.</i> <u>Эмма Ильинична Чудиновских</u>	123
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1970 г.	124

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕНТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ
 Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон 290-27-40



Е. КАНДЕЛЬ

Ф. ЭНГЕЛЬС И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В 80—90-х ГОДАХ XIX ВЕКА

Огромное, всемирно-историческое значение грядущей русской революции Ф. Энгельс видел в том, что она явится сигналом для освобождения многих национально угнетенных народов на Востоке и Юго-Востоке Европы. Он предвидел, что низвержение русского царизма будет способствовать национальному возрождению угнетенных народов: освобождению Польши, пробуждению революционного и национального движения венгров, чехов, болгар и других народов Юго-Восточной Европы. Одновременно с национальным возрождением ранее угнетенных народов в новых национальных государствах возникнут благоприятные условия для развития идей научного коммунизма.

Уже с 80-х годов многие социалисты Юго-Восточной Европы обращаются к Энгельсу с просьбой высказаться по вопросу о путях развития их стран и перспектив социалистического движения в них. Они также просят его написать новые предисловия для выпускаемых у них изданий его и К. Маркса произведений. В специальном предисловии, написанном по просьбе польских социалистов к изданию «Коммунистического Манифеста» в 1892 г., Энгельс отмечает быстрое развитие в этой стране промышленности и пролетариата, которому предстояло теперь сыграть особую роль в национально-освободительной борьбе своего народа. Проследившая роль различных классов в освободительном движении, Энгельс писал, что шляхта «не сумела ни отстоять, ни вновь завоевать независимость Польши; для буржуазии эта независимость в настоящее время по меньшей мере безразлична»¹.

Рассматривая восстановление независимой и сильной Польши как дело, которое касается также всех европейских наций, заинтересованных в победе прогресса, Энгельс писал, что «независимость эту может завоевать только молодой польский пролетариат, и в его руках она вполне обеспечена». Таким образом, Энгельс связывает теперь дело национального освобождения страны с революционной борьбой ее молодого пролетариата. При этом он подчеркивает, что для рабочих всей остальной Европы «независимость Польши так же необходима, как и для самих польских рабочих»².

Большая заслуга принадлежит Энгельсу в распространении среди польского пролетариата идей научного коммунизма. Уже в 40-х годах польским демократам и социалистам были известны некоторые работы Маркса и Энгельса. Однако подлинная пропаганда идей научного комму-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 290.

² Там же.

низма и распространение произведений основоположников марксизма среди польских социалистов начались в 80-х годах. С 1881 по 1895 г. были переведены на польский язык и опубликованы многие важнейшие произведения Маркса и Энгельса.

В 1882 г. группа польских социалистов — Крживицкий, Сосновский и другие, ознакомившись к этому времени с русским изданием I тома «Капитала», приступила к подготовке перевода. В январе 1884 г. они обратились к Энгельсу за разрешением осуществить это издание. Инициатива поляков встретила самую горячую поддержку с его стороны. «Перевод „Капитала“ Маркса на польский язык, — писал он 28 января 1884 г., — мы можем только с радостью приветствовать и с удовольствием готовы по мере сил содействовать устранению всех препятствий, которые могут встретиться при опубликовании этого издания»³. Польское издание «Капитала», вышедшее тремя выпусками, было завершено в 1890 г. В октябре этого года Крживицкий сообщил Энгельсу о посылке ему и дочери К. Маркса Элеоноре Эвелинг экземпляров польского перевода «Капитала». На письме, полученном от Крживицкого, Энгельс написал следующие слова: «Это, действительно, проявление полнокровной жизни, если, с одной стороны, выходит в свет польское издание „Капитала“, а с другой — партейтаг в Галле выносит решение об издании печатного органа на польском языке»⁴. Издание «Капитала» сыграло значительную роль в распространении марксизма в Польше, явилось источником, из которого в течение десятилетий польские социалисты черпали свои знания по экономической теории марксизма.

Энгельс был тесно связан со многими польскими демократами и социалистами. Еще со времен I Интернационала он находился в дружеских отношениях с генералом Парижской Коммуны Валерием Врублевским. Энгельс систематически переписывался с Врублевским, оказывал ему постоянную материальную помощь. В дружеских отношениях находился Энгельс и со Станиславом и Марией Мендельсонами, с Витольдом Йодко-Наркевичем, которые систематически информировали его о всех важнейших событиях революционного и социалистического движения Польши, а также присылали различные листовки и другие материалы, выходившие в Польше. Получив от Марии Мендельсон сообщение об аресте в Париже пяти польских революционеров-эмигрантов, Энгельс тотчас же откликнулся на это статьей «По поводу недавней проделки парижской полиции», которую он опубликовал в органе германской социал-демократии — газете «Форвертс» 13 января 1893 г.⁵

Он с радостью откликается на выход все новых изданий произведений Маркса на чешском языке, в частности, выражает большое удовлетворение по случаю выхода в свет чешского издания «Манифеста Коммунистической партии». В своих письмах к В. Адлеру Энгельс настоятельно требовал, чтобы австрийская социал-демократия активно поддерживала справедливые национальные требования чешского народа. Большое внимание он уделял воспитанию у австрийских и чешских рабочих чувства пролетарского интернационализма, братской солидарности. Приветствуя австрийскую социалистическую газету «Фольксфрейнд», Энгельс писал: «Я не могу закончить эти строки, не выразив еще раз своей великой радости по поводу того, что в то время как младочешские и старонемецкие буржуа повсюду враждуют между собой, чешские и немецкие рабочие единодушно, плечо к плечу ведут борьбу за освобождение всего пролетариата»⁶.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 82.

⁴ См.: А. В. Уроева. Книга, живущая в веках. М., 1967, стр. 200.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 369—370.

⁶ Там же, стр. 266.

Ту же мысль отстаивал Энгельс и в своем обращении «Чешским товарищам к Первому мая», написанном им по просьбе редакции чешской газеты «Социал-демократ». В этом обращении Энгельс указывает, что национальные распри возможны только при господстве крупных феодалов и капиталистов, что они служат лишь для увековечения их господства; а у чешских и немецких рабочих одни и те же общие интересы, и «как только рабочий класс добьется политического господства, будет устранен всякий повод к национальной розни. Ибо рабочий класс по самой своей природе интернационален...» ⁷.

Радовали Энгельса также и первые успехи венгерского пролетариата в формировании классовой организации. Организаторы Учредительного съезда венгерской социал-демократии послали приветствие Энгельсу по случаю его семидесятилетия и пригласили его принять участие в работе съезда венгерской социал-демократии. В своем ответе редакциям газет «Арбайтер-Вохен-Хроник» и «Непсава» Энгельс выразил свою радость по поводу укрепления партии и ее последовательной интернационалистской позиции. «... Я вижу из вашей любезно присланной мне газеты „Arbeiter-Wochen-Chronik“, эта рабочая партия развивается и становится все сильнее; при этом она имеет то преимущество, что с самого начала является интернациональной, объединяя в своих рядах мадьяр, немцев, румын, сербов и словаков» ⁸.

Однако Энгельс видел и серьезные недостатки в деятельности венгерской социал-демократической партии. Пробравшиеся к ее руководству реформистские элементы повели ожесточенную борьбу против левого крыла партии, систематически сея распри и изгоняя из ее рядов наиболее революционные элементы. Получив от Правления социал-демократической партии Венгрии приглашение принять участие в работе ее второго съезда, Энгельс, поблагодарив за приглашение, писал: «Посылая вам эти строки, я не могу не выразить своего глубокого сожаления по поводу раздоров, вспыхнувших в ваших рядах. Я далек от того, чтобы вмешиваться в дела, решать которые я не только не призван, но и не имею возможности из-за недостаточного знакомства с ними. Я могу только высказать пожелание, чтобы на партийном съезде удалось уладить разногласия и устранить опасность раскола» ⁹.

Оппортунистическое руководство партии не вняло голосу Энгельса, оно даже скрыло от съезда присланное им приветствие. Однако третий съезд венгерской социал-демократии, состоявшийся в мае 1894 г., устранил этот раскол. Объединение произошло на основе признания революционных принципов и отстранения от руководства реформистских элементов. В связи с третьим партийным съездом Энгельс в письме Правлению социал-демократической партии выразил удовлетворение по поводу ликвидации раскола в венгерском рабочем движении и веру в победу венгерского пролетариата. Говоря об успехах капиталистической индустриальной революции в Венгрии, он писал: «Она несет с собой невыразимые страдания для огромной массы народа, но только она и порождает те условия, которые делают возможным новый общественный строй, а также тех людей, мужчин и женщин, которые одни будут обладать достаточной силой и волей, чтобы строить это новое, лучшее общество» ¹⁰.

Энгельс с большим удовлетворением встретил появление солидного марксистского журнала «Контемпоранул» в Румынии. В интервью корреспонденту английской газеты «Дейли кроникл» Энгельс в подтвер-

⁷ Там же, стр. 420.

⁸ Там же, стр. 93—94.

⁹ Там же, стр. 368.

¹⁰ Там же, стр. 463—464.

ждение своего тезиса о быстром распространении идей научного коммунизма по всей Европе продемонстрировал «Контемпоранул»: «Вот,— он достал увесистый том,— наш новый журнал для Румынии. Такой же у нас имеется для Болгарии. Рабочие всего мира быстро обучаются искусству объединяться»¹¹.

Ознакомившись со статьями и брошюрами первых румынских марксистов, в частности, с работами Доброджану—Геря: «Чего хотят румынские социалисты и К°», «Маркс и наши экономисты», Энгельс писал Иону Нэежде 4 января 1888 г.: «К большому своему удовлетворению я смог убедиться, что социалисты Вашей страны принимают в своей программе основные принципы той теории, которой удалось сплотить в едином отряде бойцов огромное большинство европейских и американских социалистов,— теории, созданной моим покойным другом Карлом Марксом»¹². Публикуя это письмо в журнале «Контемпоранул», редакция писала, что оно является доказательством правильности ее политики, что «пользуется поддержкой теоретического главы социал-демократической партии всего мира, поддержкой Фридриха Энгельса». Большой приток румынской социалистической литературы побудил Энгельса приняться в конце 80-х годов за изучение румынского языка. «Помимо остальных социалистических газет, мне присылают сейчас также румынскую („Мунса“) и болгарскую (бывший „Работник“ („Arbeiter“), теперь „Социалист“), и я понемногу осваиваюсь с этими языками»¹³.

Энгельс живо интересовался деятельностью социалистической партии Румынии, переписывался с некоторыми видными румынскими социалистами (И. Нэежде, П. Мусою), а с отдельными социалистами встречался лично.

Энгельс выразил свое глубокое удовлетворение в связи с проникновением идей научного коммунизма в страны Юго-Восточной Европы. Говоря о Румынии и Болгарии, Энгельс писал: «...мы на Западе от души радуемся этим нашим юго-восточным форпостам на границе Азии, которые несут к берегам Черного и Эгейского морей развернутое Марксом знамя, современного пролетариата—о, если бы Маркс сам дожил до этого!»¹⁴.

Его глубоко радовали успехи социализма в Болгарии. В 1893 г. он писал: «До 1848 г. можно было удовлетворяться тем, что в известной мере знаешь основные языки Западной и Центральной Европы, теперь же дело дошло до того, что мне на старости лет приходится еще изучать даже румынский и болгарский языки, чтобы следить за продвижением социализма на Восток и Юго-Восток»¹⁵.

Вместе с успехами социалистической пропаганды в Болгарии имя Энгельса, как и имя Маркса, приобретало широкую известность среди передовых рабочих. Когда 1 мая 1895 г. в Софии в театре «Зора» собрались на торжественном собрании более тысячи рабочих, то они первым делом направили приветствие Фридриху Энгельсу¹⁶.

Многочисленные встречи Энгельса с социалистами стран Центральной и Юго-Восточной Европы, его письма к ним и приветственные обращения к редакциям печатных органов и к партийным съездам, а также возвращенные теоретические статьи — все это служило серьезным подспорьем для молодых социалистических партий. Все это вооружало рабочие партии теоретическими и тактическими установками для успешной борьбы.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 568.

¹² Там же, т. 37, стр. 4.

¹³ Там же, т. 39, стр. 259.

¹⁴ Там же, т. 22, стр. 424.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: «История Болгарии», т. 1, М., 1954, стр. 421.



Л. Я. ГИБИАНСКИЙ, В. В. ЗЕЛЕНИН

СССР И БОРЬБА ЮГОСЛАВСКИХ ТРУДЯЩИХСЯ ЗА НАРОДНУЮ РЕСПУБЛИКУ

(1941—1945)

В ноябре 1970 г. трудящиеся социалистической Югославии отмечают 25-летие провозглашения своей родины Республикой. Это историческое решение, принятое собравшейся в Белграде Учредительной скупщиной 29 ноября 1945 г., знаменовало собой победу народной революции, в огне которой родилась новая Югославия. Югославская революция началась и почти целиком проходила в рамках четырехлетней освободительной войны, в которой руководимая коммунистами вооруженная борьба против фашистских захватчиков слилась с борьбой против отечественной буржуазии, главные силы которой в той или иной форме оказались связанными с оккупантами. И освобождение страны сопровождалось разгромом внутренней реакции, установлением новой, народно-демократической власти.

Одним из важнейших элементов в этой освободительной, революционной борьбе народов Югославии, одним из существеннейших факторов ее успеха явилось тесное советско-югославское боевое содружество, огромная поддержка и помощь, которую оказал югославским трудящимся советский народ, на плечи которого в годы второй мировой войны легла главная тяжесть в битве с ударной силой международного империализма — гитлеровским фашизмом. До сих пор в исторической литературе освещались главным образом вопросы военной помощи СССР, участия Красной Армии в освобождении Югославии¹. Данная статья ставит своей целью рассмотрение некоторых аспектов политической и дипломатической поддержки Советским Союзом югославской освободительной войны и народной революции 1941—1945 гг.

* * *

С первых дней героической освободительной борьбы югославских народов ярко проявилась боевая интернациональная солидарность, тесно связывавшая трудящихся Югославии и Советского Союза.

Как только стало известно о нападении гитлеровской Германии на СССР, ЦК КПЮ принял 22 июня 1941 г. воззвание к югославским трудящимся, призывая их к борьбе с фашистскими захватчиками. «Пробил решающий час. Наступил решительный бой против злейших врагов рабочего класса, бой, который фашистские преступники сами навязали вероломным напа-

¹ Среди работ, специально посвященных этой проблеме, наиболее крупной является коллективный советско-югославский труд «Белградская операция» под общ. ред. Маршала Советского Союза С. С. Вирюзова и генерал-полковника Югославской Народной Армии Р. Хамовича. М., 1964.

дением на Советский Союз — надежду всех трудящихся мира». Подчеркивая, что советский народ сражается не только во имя защиты страны социализма, но и во имя социального и национального освобождения всего трудового человечества, ЦК КПЮ заявлял, что борьба Советского Союза «это также и наша борьба, которую мы должны поддерживать всеми силами вплоть до наших жизней»². 4 июля руководство КПЮ приняло решение о начале вооруженного восстания, которое в течение лета-осени 1941 г. распространилось по всей Югославии³. Для руководства партизанской войной был создан Верховный штаб. Главнокомандующим Народно-освободительными партизанскими отрядами Югославии стал Генеральный секретарь КПЮ Иосип Броз Тито.

Со своей стороны СССР также с самого начала солидаризировался с борьбой югославских народов. В сложной обстановке второй мировой войны, в обстановке ожесточенной схватки сил демократии и реакции, Советский Союз руководствовался ленинским принципом, что интернационализм на деле неотделим от всемерной поддержки освободительной, революционной борьбы в других странах, поддержки, как указывал В. И. Ленин, пропагандой, сочувствием, материально⁴. В условиях, когда советско-германский фронт находился за тысячи километров от оккупированной Югославии, когда гитлеровские орды рвались к Москве, СССР не мог оказать непосредственной военной помощи принявшему широкий размах югославскому партизанскому движению, включая и помощь материальными средствами ведения войны — оружием, боеприпасами, снаряжением. Поэтому первоначально главную роль играла моральная и политическая поддержка борющихся югославских народов во главе с КПЮ⁵.

Эта поддержка и братская, боевая солидарность Советского Союза по отношению к народно-освободительной борьбе в Югославии с первых же дней нашла яркое отражение в советской печати и пропаганде. Начиная уже с июля-августа 1941 г., советская пресса, радио, Совинформбюро и ТАСС стали широко и подробно освещать деятельность югославских партизан. На страницах «Правды», «Известий» и других газет и журналов систематически сообщалось о боях в различных частях Югославии, о непрерывно растущем вооруженном сопротивлении оккупантам⁶. При этом с первых шагов народно-освободительной войны выражалась твердая уверенность в том, что югославское партизанское движение будет организационно крепнуть и шириться, станет серьезной угрозой для фашистских захватчиков. «Борьба народов Югославии разгорается, ... принимает очень активные и решительные формы, — писал уже в июле 1941 г. на страницах

² «Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu jugoslovenskih naroda» (далее — «Zbornik»), т. I, knj. 1, Beograd, 1949, s. 12.

³ Не излагая здесь хода освободительной войны и народной революции в Югославии, отсылаем к соответствующим работам советских и югославских историков — см., например, «История Югославии», т. II, М., 1963; Г. М. С л а в и н. Освободительная война в Югославии (1941—1945). М., 1965; «Oslobodilački rat naroda Jugoslavije», т. 1—2, Beograd, 1965; V. S t r u g a r. Jugoslavija 1941—1945. Beograd, 1969.

⁴ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 70.

⁵ Разумеется, самой действенной помощью советского народа югославскому народу была в этот период героическая борьба Красной Армии на советско-германском фронте, связывавшая главные силы гитлеровской армии. Недаром гитлеровская ставка в августе 1941 г. отвечала отказом на все требования оккупационных войск в Югославии о срочной присылке подкреплений для борьбы с партизанами, ссылаясь на тяжелые бои на Восточном фронте. (J. M a r j a n o v i ć. Ustanak i narodnooslobodilački pokret u Srbiji 1941. Beograd, 1963, s. 165, 167, 168, 170, 211, 212).

⁶ Подробнее об этом см. доклад В. В. Зеленина об отношении советской общест-венности к народно-освободительной борьбе в Югославии в 1941—1942 гг. на научной сессии в Вихаче в октябре 1966 г. V. V. Z e l e n j i n. Odnos sovjetske javnosti prema narodnooslobodilačkom ratu Jugoslavije protiv fašizma (1941—1942). В сб.: «Prvo zasjedanje AVNOJa. Zbornik radova naučnog skupa, Bihać 1966». Bihać [1967].

центрального партийного журнала «Большевик» видный деятель коммунистической партии и Советского государства Ем. Ярославский.— В этой борьбе народы Югославии сумеют выковать организацию, опирающуюся на всеобщее сочувствие и поддержку. Против такой организации бессильны будут фашистские палачи»⁷. При этом подчеркивался широкий размах партизанского движения в Югославии, его особое место в антифашистской борьбе народов оккупированных стран Европы⁸. Это уже с августа-сентября 1941 г. стало, в частности, находить свое выражение и в том, что в статьях и комментариях, посвященных освободительному движению в Европе, анализ положений в оккупированных странах всегда начинался с рассмотрения боевых действий югославских партизан⁹.

28 сентября 1941 г. на I Антифашистском митинге молодежи в Москве представитель советской молодежи Герой Советского Союза, известный ученый-исследователь Арктики Е. Федоров, приветствуя борцов европейского Сопротивления, также начал с партизан Югославии¹⁰. 10 октября, когда партизанское движение в Югославии добилось значительных успехов, «Правда» в специальной статье дала ему важную принципиальную оценку, подчеркнув, что «партизанские отряды перерастают фактически в регулярную армию, в могучую силу, которая подрывает все больше и больше и без того непрочное господство зарвавшихся гитлеровских бандитов». В статье подчеркивалось, что советский и югославский народы сражаются за общее дело и, громя фашистов, оказывают друг другу братскую помощь¹¹. Высокая оценка советскими людьми народно-освободительного движения, их солидарность с самоотверженной борьбой югославских народов, стремление поддержать эту борьбу нашли яркое выражение в приветствии советских партизан, направленном 20 ноября 1941 г. партизанам Югославии¹².

Эта позиция в отношении югославского народно-освободительного движения выражалась не только советской печатью и представителями общественности, но и в официальных заявлениях. Так, на параде в Куйбышеве 7 ноября 1941 г. Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, выразив твердую уверенность в неизбежной победе советского народа, заявил: «недалеко то время, когда все униженные и ограбленные славянские народы подобно югославским партизанам двинутся на своих озверелых фашистских врагов и сметут их с лица земли вместе с их разбойничьей теорией о славянской низшей расе»¹³. Это было признание того, что в движении Сопротивления народов Европы, в частности славянских, югославское народно-освободительное движение играет ведущую роль, показывая пример борьбы¹⁴.

Наряду с широкой информацией о партизанской борьбе в Югославии, ее высокой оценкой и популярностью были уже в первые месяцы войны

⁷ «Большевик», 1941, № 13, стр. 22.

⁸ «Ширится и растет борьба в Бельгии, Голландии, Норвегии и Чехословакии. Она уже вылилась в партизанское движение в Польше, в Греции и особенно в Югославии» (разрядка наша.— Л. Г., В. З.). «Большевик», 1941, № 16, стр. 4.

⁹ См., например, статьи Б. Пономарева в журнале «Большевик», № 17, В. Масленникова в журнале «Мировое хозяйство и мировая политика», № 8 за 1941 г. и др.

¹⁰ См.: «Правда», 29 IX 1941.

¹¹ «Правда», 10 X 1941.

¹² См.: Г. М. С л а в и н. Освободительная война в Югославии (1941—1945). М., 1965, стр. 49—50.

¹³ «Правда», 9 XI 1941.

¹⁴ Несколько позже, в январе 1942 г., эта мысль еще более непосредственно была сформулирована журналом «Большевик»: «Героическая борьба югославских патриотов показывает пример их славянским братьям: полякам, чехам, словакам, болгарам, стоящим под игом германского фашизма, а также всем другим европейским народам» («Большевик», 1942, № 2, стр. 54).

предприняты также шаги, призванные дать в Советском Союзе, а также и в международном плане, политическую и пропагандистскую трибуну самому югославскому народно-освободительному движению. Когда 10—11 августа 1941 г. по инициативе советской общественности в Москве был созван I Всеславянский митинг, выступивший обращением с призывом к славянским народам подняться на беспощадную освободительную войну против гитлеризма, в нем приняли участие и представители всех югославских народов, активные сторонники народно-освободительного движения, многие из которых были видными деятелями КПЮ¹⁵. На упомянутом уже I антифашистском митинге молодежи в Москве 28 сентября 1941 г. также выступил от имени молодых югославских партизан один из руководителей югославского молодежного движения В. Влахович¹⁶.

11 ноября 1941 г. с территории СССР начала вещание радиостанция «Свободная Югославия», передачи которой подготавливались представителями КПЮ в Москве на основе материалов, получаемых по радио от Верховного штаба югославского партизанского движения¹⁷.

Все это имело в той обстановке огромное значение для югославского народно-освободительного движения во главе с КПЮ.

Во-первых, заявляемое на весь мир сочувствие югославской партизанской борьбе, братская солидарность с ней, высокая оценка боевых действий партизан были для них огромной моральной поддержкой, важным мобиливающим фактором, придававшим силы партизанам, сражавшимся в невероятно трудных условиях, фактором, сплачивавшим их ряды¹⁸.

Во-вторых, широкая информация о партизанской борьбе в Югославии, пропаганда ее успехов и публичное выражение ее поддержки Советским Союзом приобрели чрезвычайно большое значение для народно-освободительного движения ввиду тех весьма существенных трудностей, с которыми ему пришлось столкнуться вследствие враждебной по отношению к нему позиции западных союзников.

Уже с первых месяцев народно-освободительной борьбы англичане, имевшие возможность установить из Каира связь с оккупированной Югославией, отказались от контактов с партизанским движением. Враждебно относясь к подлинно народному общегославскому освободительному движению, возмущенному КПЮ, Англия и присоединившиеся к ней вскоре США основывали свою политику на поддержке эмигрировавшего и обосновавшегося в Лондоне реакционного королевского югославского правительства и выступавшей в качестве его силы в стране военно-политической организации так называемых четников, которая представляла интересы великосербской буржуазии и носила шовинистический характер. Четнические отряды, гораздо более малочисленные, чем партизанские, возникли первоначально как организация Сопротивления, но воздержались, однако, от действий против оккупантов. Более того, с осени 1941 г. они начали вооруженную борьбу с партизанами, сотрудничая на деле с оккупационно-квислинговским режимом. В этой реакционной, антинародной политике четническое движение, фактически вставшее на путь

¹⁵ От имени сербов обращение подписал Б. Масларич, хорватов — Дж. Салай, словенцев — И. Регент, черногорцев — Р. Стийенский, македонцев — Д. Влахов. («Правда», 12 VIII 1941).

¹⁶ См.: «Правда», 29 IX 1941.

¹⁷ См.: «Белградская операция», стр. 43.

¹⁸ Например, видный руководитель КПЮ и народно-освободительного движения Р. Чолакович свидетельствует в своих мемуарах, какое большое воздействие оказывало на партизан передаваемое Московским радио обращение I Всеславянского митинга (Р. Ч о л а к о в и ч. Записи из Ослободилачког рата, књ. I. Београд, 1956, стр. 80), которое КПЮ затем использовала в борьбе за создание единого антифашистского народно-освободительного фронта («Zbornik», t. I, knj. 1, s. 48, 113).

коллорабационизма, поддерживалось не только эмигрантским правительством, куда предводитель четников Д. Михайлович был введен в начале 1942 г. в качестве военного министра, но и западными союзниками, которые снабжали его со средиземноморских баз.

Оказывая тем самым по существу материальную и военную помощь четникам в их борьбе с партизанами, Англия и США предприняли одновременно широкую политическую акцию, призванную поддержать Михайловича и направленную против народно-освободительного движения. Буржуазная печать Запада стремилась замолчать героическую борьбу партизан, оказавшихся единственной силой антифашистского Сопротивления в Югославии. В то же время усилиями пропаганды эмигрантского правительства и всех средств массовой информации западных союзников Михайлович и его четники были объявлены «героями Сопротивления». Действия партизан против оккупантов западная печать приписывала четникам¹⁹.

В этих условиях политическая поддержка, оказываемая СССР партизанскому движению, была существенным фактором, противостоявшим враждебной политике Англии и США. Особенно важным было то, что, организуя широкую информацию не только советской, но и мировой общественности о подлинном положении в Югославии, предоставляя международную трибуну народно-освободительному движению, Советский Союз в наибольшей мере содействовал проникновению правды о партизанской борьбе в западную прессу. Эта цель преследовалась, в частности, и на пресс-конференциях для иностранных журналистов²⁰.

Нацуганное размахом партизанской борьбы, руководимой коммунистами, эмигрантское правительство и стоявший за ним Лондон, попытались установить свой контроль над народно-освободительным движением и по сути ликвидировать его путем подчинения партизан Михайловичу. С этой целью в ноябре 1941 г., когда партизанские отряды отбивали ожесточенные нападения врага на освобожденную территорию в Западной Сербии — знаменитую «Ужицкую республику», английское правительство предприняло дипломатический демарш перед правительством СССР, добиваясь от него согласия и даже содействия подобному плану, но успеха не добилось²¹. Более того, с конца 1941 — начала 1942 г. советская печать еще шире развернула освещение партизанского движения в Югославии²².

В свете широкой пропагандистской кампании в западной буржуазной печати, восхвалявшей «подвиги» Михайловича и замалчивавшей героические действия партизан, огромное принципиальное значение, несомненно, имела статья Б. Пономарева «Югославия в огне партизанской войны», опубликованная в «Правде» 23 марта 1942 г. В ней дан подробный разбор развития народно-освободительной борьбы. «Югославия уже становится мало похожей на оккупированную страну, — подчеркивал автор. Она все больше превращается в страну, ведущую войну с противником». В статье, детально анализировавшей боевые действия югославских партизан, была ярко показана, в частности, героическая эпопея «Ужицкой республики» — первой крупной свободной партизанской территории, на которой были созданы

¹⁹ См., например: S. Nešović. Inostranstvo i Nova Jugoslavija 1941—1945. Beograd — Ljubljana, 1964.

²⁰ См., например: «Большевик», 1941, № 19, стр. 15—16.

²¹ «Международная жизнь», 1958, № 8, стр. 154.

²² «Югославия представляет сегодня сплошной военный фронт... Партизанское движение в Югославии разрастается во всенародную отечественную войну югославского народа против германского и итальянского фашизма. Армия партизан Югославии насчитывает более 100 тысяч человек». «Большевик», 1942, № 2, стр. 52. См. также ст.: А. Л о з о в с к и й. Неизбежный разгром гитлеровской Германии; Я. В и к т о р о в. Весна в Европе. «Большевик», 1942, № 3, и др.

органы революционной повстанческой власти — народно-освободительные комитеты.

Тесная связь между героическими действиями создаваемой в Югославии партизанской армии и борьбой Советского Союза, выступающего основной силой в битве с фашизмом, подчеркивалась не только печатью, советскими и находящимися в СССР международными демократическими организациями²³, но и в официальных заявлениях. В приказе наркома обороны СССР по случаю 1 Мая 1942 г. специально отмечалось, что «вся Югославия и занятые немцами советские районы охвачены пожаром партизанской войны»²⁴.

Наряду с этим Советское правительство решительно отвергало непрекращающиеся дипломатические усилия Лондона, направленные на ликвидацию народно-освободительного движения путем подчинения партизан Михайловичу. Более того, когда летом 1942 г. английская дипломатия предприняла новую такую попытку, добиваясь, чтобы СССР организовал «радиопередачи для партизан, которые убеждали бы их сотрудничать с генералом Михайловичем», Советское правительство не только ответило в июле отказом, но и заявило, что ему известно о сотрудничестве Михайловича с квислинговским правительством Недича²⁵. Одновременно официальное Телеграфное Агентство Советского Союза — ТАСС распространило принятую 16 июня 1942 г. резолюцию конференции патриотов Черногории, Боки и Санджака, разоблачавшую сотрудничество четников не только с Недичем, но и с фашистскими захватчиками, что получило широчайший международный резонанс и вызвало серьезное замешательство югославского эмигрантского правительства и его покровителей в Лондоне и Вашингтоне²⁶. Когда же эмигрантское правительство попыталось заявить СССР протест, требуя опровержения, оно получило от Советского правительства ответ с изложением фактов сотрудничества Михайловича и его четников с оккупантами²⁷. Сообщение о коллаборационизме Михайловича было в августе 1942 г. специально опубликовано в бюллетене советского посольства в Лондоне²⁸. 28 августа 1942 г. английское правительство в письме послу СССР с недовольством констатировало, что «Правительство Его Величества и Советское правительство поддерживают противоположные стороны в югославской борьбе»²⁹.

Реакция эмигрантского королевского правительства и его покровителей в Англии и США была особенно острой, ибо в этот момент напряженной дипломатической борьбы Советский Союз еще более усилил пропаганду военных и политических успехов югославского народно-освободительного движения, давая представителям последнего трибуну в советской печати. Так, 19 июля в «Правде» была опубликована статья известного югославского общественного деятеля, видного работника КПЮ Б. Масла-рича «Югославские партизаны действуют», рассказавшая о структуре и численности партизанской армии, о ее летнем наступлении 1942 г. Вслед за тем «Правда» напечатала карту Югославии с обозначением районов, освобожденных партизанами от оккупантов³⁰. Большую роль в распрост-

²³ Это выразил, например, II Всеславянский митинг, состоявшийся в Москве 4—5 апреля 1942 г. См.: «Большевик», 1942, № 6, стр. 50—53.

²⁴ «Правда», 1 V 1942.

²⁵ «Международная жизнь», 1958, № 8, стр. 154.

²⁶ См.: D. P l e n ċ a. Međunarodni odnosi Jugoslavije u toku drugog svjetskog rata. Beograd, 1962, s. 149.

²⁷ Ibid., s. 149—150.

²⁸ См.: Г. М. С л а в и н. Советская общественность и Антифашистское вече народного освобождения Югославии. «Советское славяноведение», 1969, № 3, стр. 18.

²⁹ «Международная жизнь», 1958, № 8, стр. 154—155.

³⁰ «Правда», 8 VIII 1942.

ранении правды о положении в Югославии, о народно-освободительном движении стал играть орган Всеславянского комитета журнал «Славяне», начавший выходить в Москве в июне 1942 г. Уже до конца 1942 г. он, помимо обширной информации, поместил ряд крупных статей о партизанской борьбе в Югославии³¹. Журнал распространялся не только в СССР, но и за границей, куда отправлялась значительная часть его тиража³².

Расширение и укрепление югославской народно-освободительной борьбы как в военной, так и в политической области (вооруженная борьба охватила всю страну, численность партизан достигла 150 тысяч, наряду с партизанскими бригадами появились первые дивизии, на освобожденных территориях действовали органы народной власти — народно-освободительные комитеты) было ознаменовано в конце 1942 г. двумя крупными событиями — созданием Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ)³³ и формированием Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ)³⁴. Хотя АВНОЮ было создано в качестве высшего политического органа народно-освободительного движения, оно фактически представляло собой зачаток верховного органа революционной власти борющихся масс, объединенных в Народно-освободительный фронт (НОФ).

Советская общественность горячо приветствовала успехи народно-освободительного движения. Сообщая о создании АВНОЮ, советская печать подчеркивала народно-демократический характер осуществляемой им власти, большое значение АВНОЮ в развитии освободительной борьбы³⁵.

Оказывая неизменную поддержку народно-освободительному движению, советская печать продолжала разоблачать предательскую коллаборационистскую роль четников Михайловича³⁶. Одновременно все большее и большее значение приобретала дипломатическая борьба Советского Союза в защиту освободительных сил Югославии. В переданном 9 марта 1943 г. меморандуме Советскому правительству английское правительство вынуждено было не только констатировать наличие в Югославии мощных партизанских сил, ведущих активную освободительную борьбу, но и признать тот факт, что эта борьба пользуется всемерной поддержкой СССР, в то время как Англия продолжала поддерживать Михайловича и его четников. Испытывая все большие и большие неудобства в связи с разоблачением четников как в передачах радиостанции «Свободная Югославия» и советской печати, так и в материалах, начавших появляться в буржуазной прессе Запада, английское правительство было вынуждено менять свою политику. Заявляя о своей поддержке Михайловича как представителя югославского эмигрантского правительства, оно встало перед необходимостью, как это видно из меморандума, установить контакт и с руководством НОАЮ, на что его толкали события на фронтах второй мировой войны и успехи освободительной борьбы народов Югославии. При этом оно призвало Советское правительство прекратить

³¹ См.: «Славяне», 1942, № 1—4, 7.

³² Уже в 1943 г. Всеславянский комитет поддерживал связь более чем с 200 общественными организациями и 60 органами печати в Англии, США, Канаде, Латинской Америке, Австралии («Славяне», 1943, № 11, стр. 21).

³³ 9 ноября Верховный штаб Народно-освободительной партизанской и добровольческой армии Югославии был переименован в Верховный штаб Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии.

³⁴ 26—27 ноября 1942 г. в Бихаче состоялась первая сессия АВНОЮ.

³⁵ «Славяне», 1943, № 1, стр. 55; см. также «Славяне», 1943, № 2; «Война и рабочий класс», 1943, № 14 и др.

³⁶ См., например, Б. П о н о м а р е в. Народы Европы против Гитлера. М., 1942, стр. 22—23.

нападки на Михайловича в прессе и по радио³⁷. Советское правительство оставило без ответа этот демарш английского правительства³⁸. Советская печать и в 1943 г. продолжала оказывать широкую поддержку народно-освободительному движению и разоблачать подлинное существование четников³⁹.

В мае 1943 г. английское командование на Ближнем Востоке установило контакт с НОАЮ, направив своих офицеров связи в Верховный штаб. И хотя на первых порах помощь англичан НОАЮ была весьма незначительной, политическое значение этого факта было велико, означая фактическое признание НОАЮ со стороны Запада как военного фактора на Балканах и отсуждение от политики исключительной поддержки Михайловича, что несомненно ослабляло его позиции и позиции лондонской эмиграции.

В сентябре 1943 г. в Верховный штаб НОАЮ была направлена английская миссия во главе с бригадным генералом, членом палаты общин Ф. Маклинном, что, независимо от некоторых тайных целей английской дипломатии⁴⁰, способствовало укреплению международного положения югославского освободительного движения.

Советское правительство положительно оценило сдвиги в политике западных союзников по отношению к народно-освободительному движению в Югославии. Отказываясь сотрудничать с англичанами в поддержке Михайловича, оно шло на сотрудничество с ними в поддержке НОАЮ.

Особое значение дипломатическая поддержка со стороны Советского Союза приобрела с конца 1943 г., когда в результате успешного развития освободительной войны и революции в Югославии, а также создания более благоприятной международной ситуации, во многом явившейся результатом военных и политических усилий СССР, стало возможным конституировать революционную систему повстанческой власти в новую югославскую государственность. Это было сделано на II сессии АВНОЮ 29 ноября 1943 г. Ее решением эмигрантское правительство лишалось всех прав, а королю Петру запрещалось возвращаться в страну. Окончательно вопрос о короле и монархии должен был решить сам народ после освобождения всей страны. Высшим органом власти провозглашалось АВНОЮ и образовывалось народное правительство — Национальный комитет освобождения Югославии (НКОЮ), чьим председателем стал И. Броз Тито, получивший звание маршала. Устанавливалось, что новая Югославия строится на федеративной основе, обеспечивающей полное равноправие всем ее народам⁴¹.

В первых же заявлениях и дипломатических документах, касающихся решений II сессии АВНОЮ, британское и американское правительства категорически отвергли какое-либо признание новой Югославии и ее выс-

³⁷ «Международная жизнь», 1958, № 8, стр. 154—155.

³⁸ Там же, стр. 78.

³⁹ Прямым ответом на английский меморандум от 9 марта 1943 г. было выступление журнала «Война и рабочий класс», писавшего, что подлинной целью Михайловича было «сберечь свои силы до того дня, когда они могут понадобиться для поддержания „порядка“ в стране против „анархии и хаоса“, якобы неизбежных в случае изгнания немецко-итальянских оккупантов» (1943, № 6, стр. 9). Ср. текст меморандума английского правительства: «...Решено поддерживать генерала Михайловича, поскольку считается, что его организация обеспечивает наилучшие шансы для предотвращения возникновения анархии и хаоса в Югославии после отхода вооруженных сил держав оси...» («Международная жизнь», 1958, № 8, стр. 155).

⁴⁰ Посылая Маклина, Черчилль говорил: «Нам нужен смелый посол-руководитель при этих храбрых партизанах, которым постоянно угрожает враг» (Дж. Эрман. Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944. М., 1958, стр. 109).

⁴¹ См.: «Конституция и основные законодательные акты Федеративной Народной Республики Югославии». М., 1956, стр. 91—104.

ших органов в лице АВНОЮ и НКОЮ, демонстративно подчеркивая свою связь с королевским правительством как «законным представителем» Югославии. Англия и США специально отмечали, что они вступили в контакт с партизанами исключительно как с военной силой в рамках оказания помощи всем, кто сопротивляется немцам, причем в эту категорию Лондон и Вашингтон по-прежнему зачисляли и четников Михайловича⁴². Позиция западных союзников создавала серьезные проблемы для новой Югославии. С точки зрения реального соотношения сил в стране лагерь революционный занимал прочное положение, дававшее ему возможность в момент разгрома гитлеровцев и освобождения Югославии взять власть в свои руки, что к концу 1943 г. сознавалось и западной, в первую очередь британской, дипломатией⁴³. Между тем, своим отказом признавать решения II сессии АВНОЮ и подчеркнутым отождествлением югославской государственности с королем и эмигрантским правительством Англия и США не только значительно затрудняли международно-правовое утверждение новой Югославии, но и создавали опасный политический предлог для возможного военного давления или прямого вооруженного вмешательства. Такая угроза была особенно серьезной, принимая во внимание, что британские и американские войска находились в Италии, в непосредственной близости от югославских границ, и западные союзники уже ставили в этот момент, в частности на Тегеранской конференции (28 XI—I XII 1943 г.), вопрос о высадке своих сил на Балканах, включая Югославию⁴⁴. Подводя итог сделанному им анализу обстановки, которую он застал в Югославии, Ф. Маклин делал вывод, что партизаны могли быть устранены только путем вооруженной интервенции, большей по размаху и активности, нежели немецкая. Подобная постановка вопроса не смущала представителя западных союзников при Верховном штабе НОАЮ. У него лишь возникли опасения, разумно ли сделать это «среди войны, в которой югославы и их советские защитники были нашими союзниками»⁴⁵.

В этих условиях наряду с дальнейшим разворачиванием самого народно-освободительного движения особое значение для утверждения новой Югославии приобретала поддержка со стороны СССР. В первой же официальной реакции на решения II сессии АВНОЮ — специальном сообщении Информбюро Наркоминдела «О положении в Югославии» от 14 декабря 1943 г.⁴⁶ Советский Союз занял позицию, ставшую противовесом враждебной позиции Запада. В сообщении говорилось, что правительство СССР рассматривает как положительные факты принятие решений о превращении АВНОЮ в верховный законодательный и исполнительный орган, о создании НКОЮ в качестве временного правительства Югославии и о федеративном принципе устройства Югославии. Советский Союз при этом в противоположность Западу вообще не упоминал о короле и эмигрантском правительстве и одновременно заявил, что деятельность Михайловича наносит лишь вред

⁴² Эта позиция была, в частности, выражена в выступлениях в палате общин заместителя министра иностранных дел Англии Р. Лоу и министра иностранных дел А. Идена 8 и 14 XII. («Parliamentary Debates (Hansard). House of Commons. Official Report», 5-th series, v. 395, London, 1943, col. 945, 1433—1435) и в сообщении британского правительства правительству СССР от 14 XII 1943 г. («Международная жизнь» 1958, № 8, стр. 78—79), в опубликованном 10 XII интервью государственного секретаря США К. Хэлла («The New York Times», 10 XII 1943) и в специальном закрытом документе госдепартамента от 13 XII 1943 г. («Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1944» (далее — FRUS. 1944), v. IV, Washington, 1966, p. 1358).

⁴³ См., например, F. Maclean. Rat na Balkanu. Zagreb, 1964, s. 102, 116; W. S. Churchill. The Second World War, v. V. London, 1952, p. 414.

⁴⁴ См. «Тегеран — Ялта — Потсдам». Сб. документов. М., 1970, стр. 46, 67.

⁴⁵ F. Maclean. Ibid., s. 47.

⁴⁶ См.: «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Документы и материалы, т. I. Госполитиздат, 1946, стр. 435—436.

делу борьбы югославского народа. СССР демонстрировал по существу признание нового югославского государства, представляемого АВНОЮ и НКОЮ, и фактическое игнорирование королевского правительства, в чей адрес оказывались направленными и обвинения против Михайловича.

Еще резче СССР выразил свою позицию в связи с отказом от заключения договора о взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве, предложенного эмигрантским правительством в середине декабря 1943 г. В опубликованном ТАСС в начале февраля 1944 г. сообщении указывалось, что это предложение «не могло не вызвать недоумения в советских кругах, если учесть сложившуюся в Югославии ситуацию, профашистскую роль генерала Михайловича, до сих пор считающегося югославским военным министром, и его борьбу против народно-освободительной армии маршала Тито, а также образование Национального Комитета Освобождения Югославии, поддерживаемого широкими массами Югославии»⁴⁷. Советский Союз не только непосредственно связывал тут королевское правительство с Михайловичем, чья роль характеризовалась как «профашистская», но и прямо ставил под сомнение правомочность этого правительства в условиях существования НКОЮ.

Наконец, когда 10 марта 1944 г. югославский посол в Советском Союзе С. Симич и военный атташе М. Лозич заявили, что порывают с эмигрантским правительством и отдают себя в распоряжение новой Югославии, Советский Союз, открыто поддержавший этот шаг⁴⁸, вообще отказался принимать другого посла вместо Симича⁴⁹. 23 марта 1944 г. глава правительства СССР, указывая в своем послании британскому премьер-министру, что «у Советского правительства имеется конфликт с эмигрантским польским правительством, которое не отражает интересов польского народа и не выражает его чаяний», специально подчеркнул: «Я затрудняюсь даже указать разницу между эмигрантским правительством Польши и таким же эмигрантским правительством Югославии...»⁵⁰. Советский Союз отказывался иметь дело с королевским правительством как представителем Югославии. Одновременно СССР устанавливал тесное сотрудничество с НКОЮ.

Во время Московской конференции министров иностранных дел СССР, Англии и США (19—30 октября 1943 г.) Советское правительство заявило о своем намерении послать в Югославию свою военную миссию. Официально об этом было объявлено в сообщении от 14 декабря 1943 г. Миссия во главе с генерал-лейтенантом Н. В. Корнеевым прибыла на освобожденную территорию 23 февраля 1944 г.

Наряду с огромным значением помощи НОАЮ в ее вооруженной борьбе против оккупантов и их пособников (начавшееся снабжение оружием, боеприпасами, медикаментами, присылка медперсонала, организация авиационной базы в Италии и др.⁵¹) прибытие военной миссии СССР на освобожденную территорию, находящуюся под юрисдикцией НКОЮ, не

⁴⁷ «Правда», 5 II 1944.

⁴⁸ В частности, 11 III 1944 г. «Правда» опубликовала открытые письма Симича и Лозича с объяснением принятого решения.

⁴⁹ СССР согласился, чтобы был назначен новый посол в Москве, лишь в июле 1944 г., после соглашения между НКОЮ и эмигрантским правительством (D. P. I e p. 5 a. Ibid., s. 270; FRUS, 1944, v. IV, p. 1386).

⁵⁰ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. I. М., 1957, стр. 214.

⁵¹ Подробно о деятельности Советской военной миссии в Югославии см. «Советские Вооруженные Силы в борьбе за освобождение народов Югославии». Под общей редакцией Маршала Советского Союза С. С. Бирюзова. М., 1960; В. В. Зеленин. Советско-югославское боевое содружество в годы второй мировой войны. «Вопросы истории». 1965, № 9.

могло не способствовать укреплению его международных позиций. Это косвенным образом было подчеркнуто тем фактом, что вскоре в СССР прибыла югославская военная миссия как военная миссия ИКОЮ⁵². Обмен военными миссиями подчеркнул отношение Советского правительства к АВНОЮ и ИКОЮ как к носителям государственного суверенитета, способствовал расширению и укреплению военного, экономического и политического сотрудничества между Советским Союзом и югославским народно-освободительным движением.

Советская помощь НОАЮ не только в форме материального снабжения, но и принятием в советские танковые и авиационные училища югославских воинов, несомненно, способствовала дальнейшему укреплению НОАЮ, подготовке ее к предстоящим операциям крупного масштаба. С этим не могли не считаться и те, кто мечтал о военной интервенции в Югославии с целью поддержки реакционных сил.

В обстановке огромного усиления военной и политической роли СССР в антигитлеровской коалиции, особенно вследствие выдающихся побед Красной Армии в 1943 г., закрепивших коренной перелом в ходе войны, и продолжающегося с начала 1944 г. победоносного наступления советских войск, западным державам приходилось считаться со все более энергично выражавшейся позицией Советского Союза. Этим наряду с развитием самой народно-освободительной борьбы было, в частности, обусловлено принятие правительством Англии решения прекратить военную помощь четникам и оказывать ее только НОАЮ, о чем У. Черчилль сообщал маршалу Тито 8 января 1944 г.⁵³ Вслед за тем в феврале 1944 г. Черчилль в переписке с Тито должен был выразить согласие на известное признание политической роли Национального комитета в стране, пытаясь это, однако, обусловить тем, чтобы ИКОЮ пошел на объединение с королем и на фактическое признание монархии, и обходя вопрос об эмигрантском правительстве⁵⁴. Поскольку руководство новой Югославии, опираясь на крепнущее положение народно-освободительного движения и советскую дипломатическую поддержку⁵⁵, отвергло британские планы, англичане вынуждены были идти на новые уступки.

Позиция СССР делала затруднительным игнорирование ИКОЮ, особенно принимая во внимание выход к концу марта — началу апреля 1944 г. частей Красной Армии на советско-румынскую границу и их вступление на территорию Румынии, что существеннейшим образом влияло на всю обстановку на Балканах, в том числе резко сужало для западных союзников возможности прямого вмешательства в Югославию. Отмечая причины, вызывавшие наибольшее беспокойство в связи с развитием югославских дел, У. Черчилль 1 апреля обращал внимание А. Идена на «прибытие грандиозной русской миссии в штаб Тито»⁵⁶ и на то, что не приходится сомневаться в советской поддержке в деле утверждения новой Югославии, особенно подчеркивая, что Советский Союз будет осуждать все действия, предпринимаемые в отношении Югославиц, как антидемократические. В резуль-

⁵² «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 106.

⁵³ См.: W. S. Churchill. Ibid., p. 416. Копию своего письма Тито Черчилль сразу направил Сталину («Переписка Председателя Совета Министров СССР...», т. I, стр. 183—184).

⁵⁴ См.: W. S. Churchill. Ibid., p. 418—419, 420.

⁵⁵ В частности, заместитель председателя ИКОЮ Э. Кардель подчеркнул 19 II 1944 г. важность отказа СССР от заключения договора, предложенного эмигрантским правительством (Е. Кардель. Пут нове Југославије 1941—1945. Београд — Загреб, 1946, стр. 67).

⁵⁶ На это обращал также особое внимание госдепартамент США — FRUS. 1944, v. IV, p. 1254.

тате, Черчилль пришел к выводу о необходимости немедленного смещения реакционного кабинета Пурича и создания такого правительства, которое было бы «не неприятно для Тито» и с которым НКЮЮ согласился бы вести переговоры ⁵⁷.

Торопясь, по свидетельству Ф. Маклина, сделать это «прежде, чем будет уже поздно» ⁵⁸, что было понятно, принимая во внимание открываемую выходом советских войск на Балканы перспективу скорого освобождения Югославии с прямой помощью СССР, Лондон шел теперь даже на то, чтобы само формирование нового правительства осуществлялось с учетом желаний НКЮЮ. Здесь также огромную роль сыграл Советский союз, заявивший 22 апреля в ответ на послание У. Черчилля В. М. Молотову, что «изменения в Югославском правительстве, если они не будут пользоваться соответствующей поддержкой маршала Тито и Народно-освободительной Армии Югославии, вряд ли могут принести какую-нибудь пользу. Следовало бы добиться по этому вопросу соглашения с маршалом Тито, у которого действительно имеются реальные силы в Югославии» ⁵⁹. В этих обстоятельствах англичане, добившись в конце мая 1944 г. смещения кабинета Пурича, оказались вынужденными отстранить от формирования нового правительства почти всю реакционную югославскую эмиграцию: премьером стал 1 июня несколько более либеральный И. Шубашич, порвавший с основными эмигрантскими кругами и высказавшийся за сотрудничество с народно-освободительным движением. Хотя Лондон стремился таким образом все-таки сохранить существование королевского правительства, уступки со стороны Англии, а также США, сделанные в значительной мере под воздействием СССР ⁶⁰, нанесли жестокий удар по эмиграции и связанным с нею силам в самой Югославии, прежде всего этническому движению, укрепляя одновременно руководимый КПЮ революционный лагерь. Стремясь добиться приемлемого для народно-освободительного движения компромисса с западными союзниками в целях утверждения новой Югославии в международном плане, НКЮЮ выразил позитивное отношение к назначению Шубашича и согласился пойти с ним на переговоры, начавшиеся 14 июня 1944 г. на острове Вис.

Соглашаясь идти на определенный компромисс, руководство новой Югославии категорически отвергло, однако, предложения Шубашича, чтобы члены НКЮЮ вошли в возглавляемое им королевское правительство, что означало бы ликвидацию Национального комитета, и чтобы король был признан верховным главнокомандующим. В противостоянии подобным планам, направленным на подрыв новой Югославии, революционный лагерь, руководимый КПЮ, опирался как на свое превосходство над терпящей поражение буржуазной контрреволюцией внутри страны, так и на решительную поддержку СССР. 15 июня 1944 г. до сведения Шубашича было доведено, что Советское правительство приветствовало бы объединение всех сил, борющихся в Югославии против гитлеровской Германии, против ее ставленников и предателей югославского народа, включая Михайловича, и что «оно готово было бы, со своей стороны, поддержать Югославское правительство, которое было бы создано с указанной выше целью на основе соглашения с маршалом Тито, добившимся уже значительных успехов в объединении народов Югославии и имеющим, действительно,

⁵⁷ См.: W. S. Churchill. Ibid., p. 421—422.

⁵⁸ F. Maclean. Ibid., s. 166.

⁵⁹ «Международная жизнь», 1958, № 8, стр. 79.

⁶⁰ США, все еще склонные поддерживать Пурича, принуждены были серьезно учитывать советскую позицию (FRUS. 1944, v. IV, p. 1353—1354), что было одним из главных факторов, заставивших их одобрить в итоге назначение Шубашича.

реальные силы в стране»⁶¹. СССР давал понять, что его отношения с новым правительством Шубашича будут всецело зависеть от соглашения последнего с НКОЮ. Перед лицом твердой позиции НКОЮ, подкрепляемой и успехами народно-освободительного движения и энергичной поддержкой Советского Союза⁶², Шубашич, надеявшийся получить путем компромисса хотя бы какие-то политические возможности в стране после освобождения, скрепя сердце, подписал 16 июня соглашение на условиях, выдвинутых руководством новой Югославии. Соглашение базировалось фактически на основных принципах, декларированных II сессией АВНОЮ, с той лишь уступкой, что НКОЮ, сохранявшийся независимо от эмигрантского кабинета, не признавая короля и монархии, обещал не поднимать этого вопроса до освобождения страны и обязывался сотрудничать с правительством Шубашича, функции которого ограничивались только деятельностью за рубежом, причем его главной задачей провозглашалась организация помощи НОАЮ⁶³.

Позиция СССР играла важную роль и в отпоре стремлениям Лондона, считавшего, что И. Шубашич не добился на Висе требуемых результатов⁶⁴, ревизовать соглашение. Так, необходимость считаться с Советским Союзом была одним из главных обстоятельств, в силу которых Ф. Рузвельт опасался принять английские планы высадки в Истрии и непосредственно на Балканах⁶⁵, что препятствовало военному давлению на новую Югославию. Запад не мог не учитывать и решительной позиции, которую СССР занял в аналогичном югославскому польском вопросе, признав, когда Красная Армия приступила 22 июля 1944 г. к освобождению Польши, Польский комитет национального освобождения и заключив с ним официальное соглашение об управлении освобожденной польской территорией. Один из вопросов, волновавших, в частности, британскую дипломатию, заключался в опасении того, что русские «сами признают Тито независимо от нас и американцев»⁶⁶. В результате, после встречи И. Броз Тито и У. Черчилля в Неаполе и последовавших за нею повторных переговоров НКОЮ и И. Шубашича на Висе в августе 1944 г. новой Югославии удалось добиться окончательного признания выгодных ей условий июньского соглашения.

В результате мощного наступления летом 1944 г. Красная Армия вышла в сентябре на югославские границы. Это открыло возможность оказания борющейся Югославии прямой военной помощи со стороны Советских Вооруженных Сил. На очередь дня встал вопрос о совместных боевых действиях Красной Армии и НОАЮ, крупные соединения которой в августе-сентябре 1944 г., преодолев ожесточенное сопротивление оккупантов, прорвались в Сербию и нацелились на Белград.

Для обсуждения взаимодействия двух братских армий маршал Тито во второй половине сентября прилетел в Москву. В ходе переговоров были успешно решены все вопросы, связанные с боевыми действиями советских войск на территории Югославии, снабжением НОАЮ вооружением, боеприпасами, снаряжением, техническими средствами и т. д.⁶⁷

⁶¹ «Международная жизнь», 1958, № 8, стр. 79—80.

⁶² В письме в Наркоминдел СССР от 5 июля 1944 г. И. Броз Тито благодарил за «дипломатическую поддержку и материальную помощь», выражая надежду и уверенность в продолжении этой помощи, которая «нам в эти решительные дни необходима больше, чем когда бы то ни было» (там же, стр. 80).

⁶³ См.: «Службени лист Демократске Федеративне Југославије», 1945, бр. 11.

⁶⁴ См.: «The Eden memoirs. The reckoning». London, 1965, p. 463.

⁶⁵ См.: Дж. Эрман. Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944. М., 1958, стр. 360—361.

⁶⁶ F. M a c l e a n. Ibid., s. 187.

⁶⁷ См.: «Белградская операция», стр. 84—85.

В ночь на 29 сентября войска 3-го Украинского фронта завязали бои на территории Югославии и в течение совместной двадцатичетырехдневной наступательной операции советских войск и НОАЮ была разгромлена сильная вражеская группировка и освобождена восточная часть Югославии (Сербия, Македония, Воеводина). 20 октября был освобожден Белград⁶⁸. На востоке Югославии образовалась компактная и стабильная освобожденная территория со столицей государства, куда вскоре прибыли ЦК КПЮ, ЦКЮЮ, Верховный штаб и Президиум АВНОЮ. Советская Армия, в соответствии с соглашением покинув территорию Югославии, приступила к освобождению Венгрии, а НОАЮ, значительно окрепшая и пополненная всеми видами советского вооружения, продолжала бои за окончательное освобождение страны, завершившиеся в мае 1945 г.

Прямая помощь Красной Армии, в огромной мере способствуя освобождению Югославии, играла тем самым серьезную роль и в утверждении народно-демократического государства. С изгнанием захватчиков революционные силы во главе с КПЮ, опираясь на прочные позиции, завоеванные в освободительной борьбе, устанавливали постоянный контроль на окончательно освобождаемой территории. Новая Югославия становилась государством в полном смысле слова. Наряду с этим сам факт освобождения страны с участием Красной Армии и дипломатические действия СССР при вступлении советских войск на югославскую территорию явились одним из важнейших факторов в борьбе за международное признание новой Югославии.

Приход советских войск в Югославию опрокидывал расчеты Лондона, что ему удастся, пользуясь военным присутствием в Адриатике, оказать давление на ЦКЮЮ, что «под защитой англичан» Тито не доставит «своими самостоятельными действиями неприятности западным союзникам»⁶⁹. Это было особенно важно, ибо в середине сентября 1944 г. Ф. Рузвельт согласился с британским замыслом десанта в Истрию, а вслед за тем стали активно обсуждаться планы высадки нескольких дивизий в портах Далмации⁷⁰. Теперь же Англии и США приходилось серьезно считаться с приходом советских войск, отказываться от прежних замыслов⁷¹.

Тем более, что в соглашении о вступлении советских войск на югославскую территорию особо подчеркивалось, что части Красной Армии входят в Югославию лишь с разрешения ЦКЮЮ и командования НОАЮ⁷².

Этот пункт соглашения, специально оговоренный в сообщении ТАСС от 29 сентября, имел, как отмечал Р. Чолакович, огромное значение для Югославии. «Теперь, — писал он, — ни одна союзническая армия, если она хочет, чтобы ее считали таковой, не сможет высадиться на нашей земле без предварительного разрешения Национального комитета. Это важно для нас, потому что в последнее время много говорится о высадке союзни-

⁶⁸ О совместных действиях советских войск и НОАЮ помимо «Белградской операции» см. также: «Советские Вооруженные Силы в борьбе за освобождение народов Югославии»; П. Н. Б о л д а р ь. Советско-югославское боевое содружество в период борьбы за освобождение Белграда. В сб. «Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии». М., 1957; В. Ф. Г о л у б к о, Н. И. Б а р и ш е в. От Видина до Белграда. М., 1967, и др.

⁶⁹ Дж. Э р м а н. Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944, стр. 291.
⁷⁰ Там же, стр. 503—504; е г о ж е. Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945. М., 1958, стр. 59—62.

⁷¹ См. Дж. Э р м а н. Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945, стр. 66; «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945» (далее — FRUS. 1945), v. V. Washington, 1967, p. 1192.

⁷² См.: «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 236.

ческих войск на нашем далматинском побережье». Соглашением же с СССР, подчеркивал Чолакович, подобная акция сделана невозможной или по крайней мере затруднена до такой степени, что реакции не легко будет на это решиться⁷³. Когда 28 октября англичане под предлогом необходимости обслуживания небольшого числа полевых орудий, переданных ими НОАЮ, высадили в Дубровнике отряд бригадного генерала Г. Флойда, югославские власти потребовали вывести его, аргументируя тем, что соглашение, дающее право войскам вступать на территорию страны, было подписано с СССР, а с Великобританией и США такого соглашения нет⁷⁴. В результате отряд Флойда пришлось вывести.

Вместе с тем в соглашении Советского Союза с новой Югославией о вступлении Красной Армии ни словом не упоминалось о королевском правительстве. Этим СССР вновь показал, что он рассматривает Национальный комитет как подлинное правительство страны, отрицая такое право за эмигрантским кабинетом. СССР энергично закреплял в международной практике признание новой власти: в сообщении ТАСС подчеркивалось, что советское командование «приняло выдвинутое югославской стороной условие, что на территории Югославии, в районах расположения частей Красной Армии, будет действовать гражданская администрация Национального комитета освобождения Югославии»⁷⁵.

В этих условиях правительство Англии и опиравшийся на него И. Шубашич принуждены были идти на дальнейшие уступки в попытках компромисса с новой Югославией, видя в этом единственный остающийся для представителей югославской буржуазии шанс получить хотя бы ограниченные политические возможности в стране. В то же время новая Югославия, становившаяся теперь подлинным государством — оно получило название Демократической Федеративной Югославии (ДФЮ), — могла, опираясь на свои неизмеримо укрепившиеся позиции, на мощную военную и дипломатическую поддержку СССР, идти на более серьезные и сложные компромиссные решения с западными союзниками и Шубашичем, позволяющие ей добиться признания ДФЮ с их стороны без опасения за завоевания революции. 2 ноября в освобожденном Белграде было заключено новое соглашение между председателем НКОЮ и эмигрантским премьером, дополненное затем 7 декабря 1944 г.

Соглашение⁷⁶ предусматривало создание единого правительства, включающего членов НКОЮ и эмигрантского кабинета. Но взамен за осуществляемый таким образом крайне ограниченный допуск представителей эмиграции к участию во власти, а также в политической жизни страны Шубашич должен был согласиться, чтобы АВНОЮ и дальше оставалось высшим законодательным органом до Учредительной скупщины, а до ее решения об окончательном государственном устройстве королю запрещалось

⁷³ Р. Ч о л а к о в и ч. Записи из Ослободилачког рата. Књ. II. Београд, 1956, стр. 835.

⁷⁴ См.: Д ж. Э р м а н. Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945, стр. 65. Односторонние действия англичан еще больше были затруднены после того, как в октябре 1944 г. в коммюнике о состоявшихся англо-советских переговорах была зафиксирована договоренность двух правительств о проведении совместной политики по отношению к Югославии («Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 272).

⁷⁵ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 236.

⁷⁶ Соглашение от 2 XI 1944 г. см.: «Службени лист Демократске Федеративне Југославије», бр. 11; соглашение от 7 XII 1944 г. см.: В. Р е т г а н о в и ć. Politичке i правне prilike za vreme Privremene vlade DFJ. Београд, 1964, Prilozi, s. 229.

возвращаться в страну⁷⁷. Это фактически соответствовало основным решениям II сессии АВНОЮ.

Однако новой Югославии пришлось еще вести борьбу за осуществление соглашения Тито — Шубашич, против которого резко выступили большая часть эмиграции и реакционные круги на Западе. Даже У. Черчилль, так стремившийся к объединению НКОЮ и королевского правительства, по свидетельству Ф. Маклина, «не показал какого-то особого воодушевления»⁷⁸, именуя белградское соглашение лишь «проектом»⁷⁹, ибо уступки, сделанные И. Шубашичем, были слишком велики. Но правительство Англии опасалось, что полный отказ от соглашения может разрушить всякие шансы эмиграции⁸⁰, и потому вместе с Шубашичем решило ограничиться лишь поправкой, предусматривавшей включение в АВНОЮ части депутатов предвоенной скупщины⁸¹. Между тем основные эмигрантские круги совсем отвергли соглашение, и в течение декабря 1944 — января 1945 г. Петр отказывался его санкционировать. А правительство США, не выступая прямо против соглашения, не связывало с ним серьезных расчетов на подрыв ДФЮ и фактически поддерживало югославского короля в его обструкции⁸². В этой обстановке важное значение для ДФЮ имела решительная поддержка СССР в борьбе за скорейший ввод соглашения Тито — Шубашич в действие.

В отличие от западных держав Советский Союз безоговорочно солидаризировался с белградским соглашением, выгодным для новой Югославии. В опубликованном 25 ноября 1944 г. советско-югославском коммюнике о беседах И. Шубашича и Э. Карделя с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым 20—23 ноября в Москве заявлялось, что Советское правительство приветствует усилия маршала Тито и премьера Шубашича, и утверждалась необходимость образования объединенного югославского правительства на основании заключенных соглашений⁸³. Одновременно глава правительства СССР в послании британскому премьеру подчеркивал, что «не следует откладывать проведение в жизнь этого соглашения»⁸⁴. На протяжении декабря 1944 — января 1945 г. Советский Союз энергично настаивал перед западными партнерами на немедленном осуществлении соглашения Тито—Шубашич, подчеркивая необходимость считаться с новой Югославией и не обращать внимания на короля Петра⁸⁵.

Позиция СССР серьезно воздействовала на западных союзников, в первую очередь на Лондон. Уже 19 декабря 1944 г., отвечая И. В. Сталину, У. Черчилль сообщал об одобрении соглашения Тито—Шубашич как «удовлетворительной основы для построения новой федеральной Югославии»⁸⁶. Английские руководители опасались, что при дальнейшей затяжке с осуществлением соглашения, а тем более его срыве Советский Союз, уже относившийся к НКОЮ как к подлинному югославскому правительству, признает его де-юре. 22 января 1945 г. представитель бри-

⁷⁷ Король номинально передавал свои права регентскому совету, который, однако, лишь олицетворял государственный суверенитет, не обладая реальными функциями власти.

⁷⁸ F. Maclean. Ibid., s. 241.

⁷⁹ Ibid.; «Переписка Председателя Совета Министров СССР...», т. I, стр. 399.

⁸⁰ См.: FRUS. 1945, v. V, p. 1176, 1183.

⁸¹ Ibid., p. 1175.

⁸² См.: Л. Я. Гибанский. Положение Югославии в 1945 г. в документах американских дипломатических публикаций. «Советское славяноведение», 1970, № 1, стр. 108—109.

⁸³ См.: «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 312.

⁸⁴ «Переписка Председателя Совета министров СССР...», т. I, стр. 277.

⁸⁵ Там же, стр. 289, 301, 302, 306.

⁸⁶ Там же, стр. 290.

танского посольства в Вашингтоне заявил госдепартаменту, что, по мнению правительства Англии, «если не будет предпринята незамедлительная акция, Советское правительство может опередить признанием маршала Тито»⁸⁷. 27 января английское посольство вновь с тревогой обращало внимание американцев, что «Сталин хотел бы видеть соглашение Тито—Шубашич вступившим в силу сразу и без всяких оговорок»⁸⁸. В результате, не только Лондон, но и Вашингтон был вынужден отказаться от проволочек. 23 января и 1 февраля 1945 г. и. о. государственного секретаря Дж. Грю заявил об одобрении США соглашения Тито — Шубашич⁸⁹. Вслед за тем на Крымской конференции (4—11 февраля 1945 г.) западные союзники вместе с СССР приняли согласованное решение «рекомендовать маршалу Тито и д-ру Шубашичу немедленно ввести в действие заключенное между ними соглашение и образовать Временное Объединенное правительство на основе этого соглашения»⁹⁰. 3 марта король передал свои полномочия регентам, а 7 марта 1945 г. маршал Тито сформировал объединенное правительство, признанное всеми государствами антигитлеровской коалиции.

Соглашение Тито — Шубашич значительно укрепило внешнеполитическое положение ДФЮ, закрепляя одновременно поражение реакционных сил в эмиграции и внутри страны. Оно не могло поколебать позиции НОФ во главе с КПЮ, изменить характер установившейся народно-демократической власти⁹¹.

Вслед за образованием временного правительства Советский Союз предпринял новые шаги, направленные на упрочение положения народно-демократической Югославии. Уже 5 апреля в Москву прибыла югославская правительственная делегация во главе с маршалом Тито, и в результате переговоров 11 апреля 1945 г. был подписан договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией. Заключенным договором⁹² СССР подчеркивал и юридически закреплял свою готовность оказывать ДФЮ всестороннюю помощь вплоть до военной, причем не только в достижении окончательной победы над гитлеровцами, но и, как говорилось в договоре, в случае возникновения после этого новых военных действий с Германией или «с каким-либо государством, которое объединилось бы с Германией непосредственно или в какой-либо иной форме в такой войне». Было понятно, что побежденная и оккупированная Германия вряд ли будет сама по себе источником непосредственной опасности и что по существу гарантированная договором взаимная военная помощь оказывается направленной против любой угрозы извне. И не случайно заключение договора вызвало серьезную озабоченность правительств Англии и США, увидевших в этом действительную преграду своим антиюгославским планам⁹³. 14 апреля британский посол Р. Стивенсон

⁸⁷ FRUS. 1945, v. V, p. 1184.

⁸⁸ Ibid., p. 1190; «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta. 1945». Washington, 1955, p. 261.

⁸⁹ См.: «Documents on American Foreign Relations», v. VII, Princeton, 1947, p. 908.

⁹⁰ «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 191. Англичане настаивали на внесении в рекомендации «большой тройки» двух поправок к соглашению, предусматривавших, в частности, пополнение АВНОЮ депутатами довоенной скупщины, не скомпрометированными сотрудничеством с врагом. Делегация СССР была против откладывания осуществления соглашения, но, стремясь скорее ввести его в действие, пошла на включение британских предложений в рекомендации (там же, стр. 169—170, 191—192), ибо в противном случае дело лишь затянулось бы, между тем как нескомпрометированные депутаты скупщины было во много раз меньше существующего состава АВНОЮ.

⁹¹ См. подробнее: Л. Я. Г и б и а н с к и й. Расстановка классовых сил в Югославии в 1944—1945 годах. «Советское славяноведение», 1967, № 1.

⁹² Его текст см.: «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III. Госполитиздат, 1947, стр. 175—178.

⁹³ См., например: FRUS. 1945, v. V, p. 1215—1219. 1223—1224.

выразил даже правительству ДФЮ «удивление союзников» по поводу советско-югославского договора ⁹⁴.

Значение советско-югославского договора ⁹⁵ и связывающих две страны обязательств о всемерной помощи, включая военную, проявилось уже в мае 1945 г. во время триестского кризиса, когда западные союзники предъявили Югославию ультимативные требования по поводу Юлийской Крайны и Триеста ⁹⁶. Англия и США попытались оказать серьезное дипломатическое и даже военное давление на ДФЮ, стремясь утратить ее силой и имея в виду, как видно из распоряжений У. Черчилля и президента США Г. Трумэна, возможность прямого столкновения ⁹⁷, так что сложившаяся для новой Югославии ситуация оказалась весьма опасной. В этот напряженный момент необходимость считаться с позицией СССР явилась одним из важнейших факторов, оказывавших сдерживающее влияние на западных союзников. В частности, переписка британского премьера с командующим англо-американскими силами на Средиземноморье фельдмаршалом Г. Александером свидетельствует, что Запад должен был учитывать поддержку, оказываемую ДФЮ Советским Союзом ⁹⁸. К тому же СССР, хотя и полагал целесообразным, руководствуясь интересами сохранения и укрепления антигитлеровской коалиции, найти приемлемое для обеих сторон решение, решительно потребовал от Англии и США считаться со справедливыми требованиями Югославии, категорически отвергая действия, предпринимаемые в отношении нее западными державами ⁹⁹. В итоге удалось заключить компромиссное соглашение, временно разделявшее Юлийскую Крайну на две зоны; однако устанавливалось, что и в западной, переданной под управление англо-американского командования, будет действовать существующая югославская администрация, на чем настаивало Советское правительство перед американцами и англичанами ¹⁰⁰.

Не меньшую, если не еще большую роль сыграла позиция СССР в противодействии антиюгославской акции, предпринятой Западом летом 1945 г. в связи с Потсдамской конференцией.

Энергичные усилия делегации СССР в Потсдаме вместе с мерами революционных сил в самой стране сорвали попытку Англии и США путем обвинений правительства ДФЮ в невыполнении соглашениями Тито — Шубашич и ялтинских рекомендаций затруднить стабилизацию внутриполитического положения в Югославии и дать повод для вмешательства в ее внутренние дела ¹⁰¹.

⁹⁴ См.: D. P l e n ĉ a. Ibid., s. 397.

⁹⁵ В ходе переговоров в Москве было заключено также советско-югославское соглашение о взаимных поставках товаров, первое торговое соглашение новой Югославии. См.: «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 185.

⁹⁶ Хотя эти районы, где было большое хорватское и словенское население, освободила НОАЮ, Запад потребовал их передачи под англо-американский контроль и вывода югославских войск.

⁹⁷ См.: W. S. C h u r c h i l l. Ibid., v. VI, p. 482—484; «Memoirs by Harry Truman». V. I, New York, 1955, p. 249, 250, 252; C. R. S. H a r r i s. Allied military administration of Italy 1943—1945. London, 1957, p. 341.

⁹⁸ См.: W. S. C h u r c h i l l. Ibid., v. VI, p. 481, 482.

⁹⁹ См.: «Переписка Председателя Совета министров СССР...», т. I, стр. 363—364; 375; т. II, стр. 233—234, 239—240, 246.

¹⁰⁰ Там же, т. I, стр. 364; т. II, стр. 234. Западные союзники не выполнили, однако, этот пункт соглашения, что впоследствии вызвало протест ДФЮ, направленный Англии и США и также поддержанный Советским Союзом. См. «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). 1945». V. II, Washington, 1960, p. 1214—1218, 1221, 1222.

¹⁰¹ О потсдамской операции против ДФЮ, до последнего времени почти не освещавшейся в историографии, см. подробнее: Л. Я. Г и б и а н с к и й. Потсдам и Югославия. «Новая и новейшая история», 1970, № 4.

Поражение, нанесенное противникам повой Югославии в связи с Потсдамской конференцией, еще больше упрочило как международное, так и внутривластительское положение ДФЮ.

Провал попытки вызвать кризис и вмешательство пэвие вынудил вошедших в правительство эмигрантских деятелей принять в начале августа 1945 г. выработанные революционным лагерем конкретные проекты пополнения АВНОЮ и законов, регулирующих политическую жизнь страны и предстоящие выборы в Учредительную скупщину, что разрушало планы, вынашивавшиеся по этому поводу буржуазными силами. Вслед за тем на состоявшейся в августе III сессии АВНОЮ, преобразованного во Временную народную скупщину, большая часть контрреволюционных элементов, включенных в АВНОЮ, принуждена была воздержаться от открытого выступления против руководимого КПЮ Народно-с фронта и даже голосовать вместе с ним¹⁰².

Неудача, которую они потерпели в Потсдаме, заставила западных союзников быть более осторожными. Это проявилось, в частности, в связи с первой сессией Совета министров иностранных дел в Лондоне 11 сентября — 2 октября 1945 г., накануне и во время которой эмиграция во главе с Петром добивалась, чтобы Англия и США поставили там югославский вопрос и выступили за посылку в Югославию «союзнической комиссии» с «соответствующей военной силой» для замены правительства маршала Тито «правительством из всех партий», «пересмотра» законодательства АВНОЮ и Временной народной скупщины, «реорганизации» армии и органов безопасности с целью ликвидации влияния КПЮ¹⁰³. Поскольку было ясно, что Советский Союз будет против обсуждения на сессии внутренних дел ДФЮ, тем более что ее повестка дня была уже заранее согласована в Потсдаме, Запад, вопреки настояниям югославской реакции, не решился, учитывая опыт Потсдамской конференции, вновь выдвигать вопрос о положении в Югославии. Западные представители должны были ограничиться лишь тем, что заняли опять резко антиюгославскую позицию по поводу Юлийской Крайны и Триеста во время обсуждения на сессии проблем мирного договора с Италией, против чего категорически выступил СССР¹⁰⁴. Когда же 8 октября И. Шубашич подал в отставку, мотивируя это невыполнением соглашения, что должно было явиться по замыслам противников повой Югославии предложением для вмешательства Англии и США, западные державы, ожидавшие этого шага¹⁰⁵, тем не менее были припуждены считаться, как отмечала «Нью Йорк таймс», с рискованностью односторонних акций¹⁰⁶. Поэтому США, взявшим теперь на себя функцию главного покровителя югославской буржуазии, пришлось и на сей раз воздержаться от попытки прибегнуть к непосредственному вмешательству в Югославию. Будучи не в состоянии игнорировать Советский Союз, американское правительство оказалось

¹⁰² См.: Л. Я. Г и б а н с к и й. Разгром буржуазной оппозиции и закрепление победы народной революции в Югославии (июнь 1945 — январь 1946). «Советское славноведение», 1968, № 3, стр. 7—9.

¹⁰³ См.: FRUS, 1945, v. V, p. 1255, 1256; King Peter II of Yugoslavia. A king's heritage. New York, 1954, p. 283, 284; «The Times», 10 XI 1945; «The Manchester Guardian», 20 IX 1945.

¹⁰⁴ См., например: J. J e r i. Tržaško vprašanje po drugi svetovni vojni. Ljubljana, 1961, s. 137. Советская делегация заявила в Лондоне, что земли, населенные хорватами и словенцами, должны быть у Югославии и что Югославия, героически воевавшая на стороне союзников, «имеет полное право, чтобы ее мнение по этому вопросу пользовалось должным уважением» («Внешняя политика Советского Союза. 1945 год». Документы и материалы. Госполитиздат, 1949, стр. 64).

¹⁰⁵ FRUS, 1945, v. V, p. 1251, 1252, 1257—1259.

¹⁰⁶ «The New York Times», 16 X 1945; ЦГАОР, ф. 4459, оп. 1, д.: 4862, л. 60,

вынужденным вступить в переговоры с правительством СССР.

В телеграмме, которую госдепартамент наряду с Лондоном направил 17 октября 1945 г. в Москву, американцы пытались воздействовать на Советский Союз в том направлении, чтобы были отложены назначенные на 11 ноября выборы в Учредительную скупщину, ибо не было никаких сомнений в победе революционных сил, и чтобы было заключено новое соглашение между маршалом Тито и И. Шубашичем, которое бы «восстановило основу для их сотрудничества в объединенном временном правительстве»¹⁰⁷. В последнем случае имелся в виду все тот же контрреволюционный вариант создания правительства, удовлетворяющего «все партии»¹⁰⁸, т. е. вплоть до самых реакционных и враждебных народно-демократическому строю группировок. Однако эти планы встретили самый энергичный отпор со стороны СССР. В ответах, полученных США от Советского правительства 22 октября, а затем 18 ноября, решительно отвергались всякие попытки вмешательства во внутренние дела Югославии. Советский Союз со всей твердостью указал американскому правительству, что только правительство Югославии правомочно решать вопрос о сроках выборов¹⁰⁹.

Не в силах предпринимать какие-либо серьезные действия, непосредственно угрожающие Югославии, США и Англия вынуждены были ограничиться дипломатическим давлением, направив ряд представлений и ноты, касающиеся предстоящих выборов¹¹⁰, а также нажимом в экономической области, заявляя, что Югославия не получит помощи, если не будут выполнены требования Запада¹¹¹. Однако ДФЮ, опираясь на поддержку и помощь Советского Союза, на прочность внутривнутриполитических позиций революционных сил, смогла противостоять этим антиюгославским акциям западных держав, отвергнув их домогательства. Выборы в Учредительную скупщину были проведены 11 ноября и закончились полной победой Народного фронта, руководимого КПЮ. 29 ноября 1945 г. Учредительная скупщина единогласно провозгласила Югославию Федеративной Народной Республикой. Этот исторический акт знаменовал собой закрепление победы народной революции и окончательное поражение ее противников.

Советский Союз приветствовал победу революционных сил на выборах 11 ноября и создание ФНРЮ, выразив свою полную солидарность с молодой республикой. Оценивая значение этих событий в жизни братской страны, «Правда» подчеркивала, что «история запишет в эти дни, что свободная, демократическая Югославия стала народной республикой»¹¹². Позиция СССР, наряду с международным престижем самой новой Югославии, завоеванным в героической борьбе с фашизмом, оказала серьезное воздействие и на США и Англию, которые пытались оттянуть признание ФНРЮ. Во время декабрьского совещания министров иностранных дел СССР, США и Англии в Москве американцы и англичане вынуждены были согласиться 22 декабря 1945 г. порвать с Петром и признать ФНРЮ¹¹³. Тем самым было полностью стабилизировано и внешнеполитическое положение новой республики, вступившей на путь социализма.

¹⁰⁷ FRUS. 1945, v. V, p. 1270, 1271.

¹⁰⁸ Ibid., p. 1274, 1275.

¹⁰⁹ Ibid., p. 1274, 1288.

¹¹⁰ Ibid., p. 1271, 1272.

¹¹¹ Ibid., p. 1277.

¹¹² «Правда», 2 XII 1945.

¹¹³ См.: В. И. Лан. США в военные и послевоенные годы (1940—1960). М., 1964, стр. 183. США не преминули при этом сделать заявление, враждебное Югославии. «Documents on American Foreign Relations», v. VIII. Princeton, 1948, p. 899.



И. Б. ГРЕКОВ

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ «СКАЗАНИЯ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ»

В том комплексе исторических источников, который имел отношение к идейно-политической жизни стран Восточной Европы 90-х годов XIV в., должен, по нашему мнению, находиться и такой широко известный памятник, как «Сказание о Мамаевом побоище», разумеется, его первоначальный вариант, явившийся протографом для последующих редакций данного произведения.

Трудами С. К. Шамбинаго, А. А. Шахматова, А. Маркова, М. Н. Тихомирова, Л. А. Дмитриева, Ю. К. Бегунова и других уже очень многое сделано для изучения многочисленных вариантов «Сказания», как по линии источниковедческого анализа, так и с точки зрения широкого литературно-политического осмысления¹. Теперь можно считать установленным существование четырех редакций этого памятника², можно говорить с определенной долей вероятности о времени возникновения той или иной редакции «Сказания о Мамаевом побоище»³.

Разумеется, нас в данном случае должна больше всего интересовать «Основная редакция», поскольку именно она ближе других к тому варианту «Сказания», который оказался основой для всех последующих редакций, и дала главный повод для полемики в историографии по вопросу о значении данного произведения как исторического источника.

Речь идет о полемике, развернувшейся в последнее время между Л. А. Дмитриевым и Ю. К. Бегуновым. В своих исследованиях «Сказания» Л. А. Дмитриев высказал предположение, что «Основная редакция»

¹ С. К. Ш а м б и н а г о. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906; А. М а р к о в. Рецензия на диссертацию С. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». Журнал министерства народного просвещения. ч. XIV. СПб., 198, апрель, стр. 433—446; А. А. Ш а х м а т о в. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1910; Л. А. Д м и т р и е в. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище». Труды отдела древнерусской литературы, т. X. М.—Л., 1954, стр. 185—199 (далее — О датировке «Сказания»). Л. А. Д м и т р и е в. К литературной истории «Сказания о Мамаевом побоище» (далее — К литературной истории «Сказания»). В кн.: «Повести о Куликовской битве» (далее — «Повести»), М., 1959, стр. 406—448; Ю. К. Б е г у н о в. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище». В кн.: «Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла». М.—Л., 1966, стр. 477—523.

² Текст «Сказания» в Никоновской летописи — «Киприановская редакция»; «Сказание», обнаруживаемое в Вологодско-Пермской летописи — «Летописная редакция»; внелетописные варианты «Сказания» — «Основная редакция» («Повести», стр. 409, 449—470) и «Распространенная редакция» (названия даны Л. А. Дмитриевым).

³ Так, если «Киприановская редакция», по мнению Дмитриева, возникла в 1539—1542 гг. («Повести», стр. 411), «Летописная редакция» — в самом начале XVI в. («Повести», стр. 415), «Распространенная редакция», по предположению того же автора, — в последней трети XV в. («Повести», стр. 414), то «Основная редакция» была создана, по утверждению Л. А. Дмитриева, в первой четверти XV в. («Повести», стр. 421—423).

этого памятника не могла возникнуть позже первой четверти XV в.⁴ Для обоснования своего тезиса Л. А. Дмитриев привел ряд аргументов. Так, он справедливо заметил, что вряд ли имело смысл подчеркивать «равноправную дружбу» Дмитрия Донского с серпуховским князем Владимиром Андреевичем после того, как была ликвидирована самостоятельность серпуховского княжества в 1456 г. Обоснованным представляется и указание Дмитриева на то обстоятельство, что в «Сказании» говорится лишь о митрополите Петре, в то время как упоминания о митрополите Алексее, канонизированном в 1431 г., отсутствуют. Подобный факт можно объяснить тем, что «Сказание» возникло до 1431 г. Весьма убедительными кажутся ссылки Дмитриева на присутствие в «Сказании» имен гостей-сурожан, историческое существование которых в 90-х годах XIV в. подтверждается исследованиями⁵, а также ссылки на упоминание нашим памятником мелких княжеств Белозерской и Ярославской земель, существовавших, как считает Л. А. Дмитриев, еще на рубеже XIV—XV вв. и прекративших свое существование в конце XV в.⁶ Фиксируя в «Сказании» большое количество исторических «реалий» конца XIV — начала XV в., считая его не столько литературно-публицистическим, сколько историко-политическим сочинением, Л. А. Дмитриев выдвинул предположение о том, что первоначальный вариант этого памятника возник вскоре после нашествия Едигея на Москву, примерно в 1409—1410 гг.⁷

Не касаясь пока этой конкретной датировки, мы считаем пущным подчеркнуть, что Л. А. Дмитриев убедительно обосновал малую вероятность появления «Основной редакции» «Сказания» в середине или во второй половине XV в., поскольку как фактическая основа, так и идеологическая платформа рассматриваемого памятника не находят соответствующих параллелей в политической жизни Восточной Европы этого времени.

Однако точка зрения Л. А. Дмитриева не встретила поддержки со стороны другого исследователя данного источника — Ю. К. Бегунова, который придерживается в этом вопросе едва ли не противоположных взглядов. По его мнению, основной вариант «Сказания о Мамаевом побоище» возник не ранее середины XV в., точнее не ранее 1455 г., и не позднее конца XV в.⁸ Отсюда и представление о «Сказании» как, прежде всего, о литературно-публицистическом произведении, весьма далеком от реальной исторической действительности конца XIV в.

В соответствии с этой общей оценкой Ю. К. Бегунов утверждает, что имеющаяся в «Сказании» оценка роли литовско-русских князей Олгердовичей, а также поведение Озюга Рязанского якобы не имеют под собой реальной «исторической» почвы и являются, по его мнению, лишь выдумкой создателя «Сказания»⁹. Литературным «присвоением» автора данного памятника Ю. К. Бегунов считает и характеристику деятельности Тохтамыша, не совпадавшую с той, которую мы находим в Летописной повести о Куликовской битве (в «Сказании» критика Тохтамыша была в значительной мере смягчена по сравнению с критикой Летописной повести).

⁴ Л. А. Д м и т р и е в. «О датировке «Сказания», стр. 194; е г о ж е. К литературной истории «Сказания», стр. 406—448.

⁵ М. Н. Т и х о м и р о в. Древняя Москва XII—XV вв. М., 1947, стр. 107, 118, 206.

⁶ «Повести», стр. 423. В этом последнем утверждении Л. А. Дмитриев прежде всего опирался на работы А. В. Экземплярского «Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период», т. I—II. СПб., 1891, а также на исследование А. И. Копанева «История землевладения Белозерского края XV—XVI вв.». М.—Л., 1951.

⁷ Л. А. Д м и т р и е в. К литературной истории «Сказания», стр. 423; е г о ж е. О датировке «Сказания», стр. 198—199.

⁸ Ю. К. Б е г у н о в. Там же, стр. 485—486, 505—506.

⁹ Там же, стр. 511, 513—516.

Что касается упоминавшихся в «Сказании» гостей-сурожан¹⁰, реальное существование которых в конце XIV в. было доказано трудами М. Н. Тихомирова¹¹ и В. Е. Сыроечковского¹², то в данном случае Ю. К. Бегунов склонен объяснить их появление в рассматриваемом памятнике уже не как авторский вымысел, а как результат использования создателем «Сказания» во второй половине XV в. списка гостей-сурожан, созданного еще на рубеже XIV—XV вв.¹³ К этим выводам исследователь пришел не на основе исследования идейно-политического содержания «Сказания» в целом, а на основе изучения сравнительного второстепенного сюжета, несущественного для понимания идейного замысла данного памятника — содержащихся в «Сказании» упоминаний о мелких князьях Белозерско-Ярославского края — князьях Курбских, Прозоровских, Кемских, Карголомских и Андомских. Хотя такое сужение фронта исследования, естественно, не могло усилить общую «фундированность» концепции Ю. К. Бегунова, тем не менее, именно рассмотрение этого частного сюжета, отходя от центрального для «Сказания», и оказалось основой его спора с Л. А. Дмитриевым, явилось главным аргументом в пользу датировки этого произведения второй половиной XV в.

Как мы уже знаем, Ю. К. Бегунов отверг предположение Л. А. Дмитриева о том, что в «Сказании» упоминались те князья Белозерско-Ярославского края, которые реально существовали на рубеже XIV—XV вв. Этот тезис Дмитриева¹⁴ Ю. К. Бегунов объявил не подкрепленным достаточными источниковедческими аргументами¹⁵. Одновременно он выдвинул свои доводы как источниковедческого, так и общен исторического характера в пользу обоснования той точки зрения, что перечисленные в «Сказании» Белозерско-Ярославские княжеские роды существовали только во второй половине XV в. и не могли якобы существовать в конце XIV — начале XV вв. Ю. К. Бегунов формулирует свой основной вывод по этому вопросу таким образом: «Проверка имен, названных в „Сказании“, приводит нас к убеждению, что „Сказание“ не могло возникнуть ранее середины XV в. (1455 г.), так как в нем названы Курбские, Прозоровские, Кемские, Карголомские, Андомские князья, которые не существовали в эпоху, современную Куликовской битве»¹⁶. Итак, поскольку в 1380 г. перечисленные «Сказанием» княжеские роды не существовали, данное произведение не могло возникнуть ... ранее 1455 г.

Данное утверждение Ю. К. Бегунова нам не представляется бесспорным. Во-первых, потому, что отсутствие упомянутых княжеских родов в 1380 г. отнюдь не является доказательством появления этих родов, а вместе с ними и возникновения самого «Сказания», лишь после 1455 г.¹⁷ Во-вторых, по той причине, что осуществленная Бегуновым «проверка» отдельных имен и фамилий, фигурировавших в «Сказании», оказалась не во всех случаях точной и убедительной. Нам представляется, что эта проверка не учла в должной мере сложности политической жизни Белозерско-Ярославского края на рубеже XIV—XV вв., а также специфики

¹⁰ «Повести», стр. 55.

¹¹ М. Н. Тихомиров. Там же; «Повести», стр. 107—112, 206.

¹² В. Е. Сыроечковский и. Гости-сурожане. М.—Л., 1935, стр. 91.

¹³ Ю. К. Бегунов. Там же, стр. 523.

¹⁴ Л. А. Дмитриев. К литературной истории «Сказания», стр. 423.

¹⁵ Ю. К. Бегунов. Там же, стр. 506.

¹⁶ Там же, стр. 505—506.

¹⁷ Автор при этом словно не замечает 75-летнего периода (с 1380 по 1455 г.), когда могли оформиться эти княжеские роды, и когда могло появиться данное произведение. Кроме того, он как будто забывает свои собственные утверждения о том, что основная часть упомянутых «Сказанием» персонажей вполне реальные исторические деятели 80—90-х годов XIV в. См.: Ю. К. Бегунов. Там же, стр. 490, 493, 498, 499 и др.

такого исторического источника, как родословные записи. Между тем, выявленный исследованиями А. Б. Экземплярского, М. К. Любавского, А. И. Копанева процесс интенсивного дробления Белозерского и Ярославского княжеств во второй половине XIV в.¹⁸ дает основание считать многих упомянутых «Сказанием» князей данных территорий вполне реальными персонажами, если не для 1380 г., то для 90-х годов XIV в. На «историчность» многих удельных князей этих княжеств указывает и то обстоятельство, что интерес «Сказания» к ним, в сущности, не был случайным: он был, видимо, обусловлен фактом передачи этих земель еще в 1389 г. Можайскому князю Андрею Дмитриевичу, оказавшемуся на рубеже XIV—XV вв. в орбите политического влияния Киприана и Западнорусских князей (в 1403 г., например, князь Андрей женился на дочери Стародубско-Северского князя Александра Патрикеевича¹⁹), а также фактом активного участия самого Киприана в церковно-политической жизни Белозерско-Ярославского края того времени. Так, в 1396 г. Киприан поставил епископом этих земель Григория, близость которого к митрополиту проявилась как в активной роли на похоронах последнего (он зачитывал прощальную грамоту Киприана)²⁰, так и в его летописной деятельности — епископская кафедра Григория была, судя по ряду данных, одной из передаточных инстанций литературного наследия Киприана митрополиту Фотию, отразившегося в его «Полихроне»²¹.

Рассматривая умолчание княжескими родословиями XVI в.²² имен и фамилий белозерско-ярославских князей конца XIV в. в качестве едва ли не главного доказательства «мифичности» упоминавшихся «Сказанием» княжеских родов этого края, Ю. К. Бегунов не учитывает в полной мере того обстоятельства, что в период интенсивного дробления Ярославского и Белозерского княжеств (вторая половина XIV — начало XV в.) устойчивого наследственного закрепления тех или иных земель за отдельными ветвями рода еще не было, в связи с чем отдельные князья, меняя владения, могли и менять поземельные наименования. Следует, кроме того, иметь в виду, что родословия, как правило, забывали тех членов рода, которые не имели потомков в пору составления данных документов. Не удивительно, что при таком положении дела многие представители реально формировавшихся на рубеже XIV — XV вв. княжеских родов не попадали в возникшие значительно позднее княжеские родословия. Тот же факт, что в княжеских родословиях фактически не упомянуты в качестве участников Куликовской битвы представители не только белозерско-ярославских, но и других родов, делает еще более сомнительным использование генеалогических легенд в качестве источника «Сказания», не подкрепляет, в частности, и попытки Ю. К. Бегунова объяснить появление в этом памятнике перечня белозерско-ярославских князей стремлением его создателя прославить с помощью искусственно создаваемых генеалогических легенд соответствующие княжеские фамилии второй половины XV в.

Таким образом, тезис Ю. К. Бегунова о позднем возникновении «Сказания» оказывается не вполне мотивированным. Мы считаем, что в

¹⁸ А. Б. Экземплярский. Там же, т. II, стр. 161—163; М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929, стр. 76—79; А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края в XV—XVII вв. М.—Л., 1951, стр. 36—41.

¹⁹ ПСРЛ, т. 24, стр. 169.

²⁰ ПСРЛ, т. 24, стр. 155; т. 25, стр. 226—234.

²¹ А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVII вв., стр. 225—228; М. Д. Присьелков. История русского летописания XI—XV вв., Л., 1940, стр. 133—135, 144—146; Д. С. Лихачев. Русские летописи. М.—Л., 1947, стр. 329, 450, 458.

²² Нам известны лишь княжеские родословия, записанные в первой половине XVI в. См. М. Е. Бычкова. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1968, стр. 13—14.

данном вопросе более верную позицию занял Л. А. Дмитриев, исключавший, как известно, возможность возникновения «Сказания» в середине или второй половине XV в. Но если наблюдения Л. А. Дмитриева по поводу верхней границы предложенной им датировки «Основной редакции» представляются нам вполне убедительными, то его попытка определить нижнюю границу, в частности, попытка связать появление рассматриваемого памятника с 1409—1410 гг. не кажется нам исчерпывающим решением данной проблемы.

Конкретные доводы Л. А. Дмитриева в пользу такой датировки оказываются, с нашей точки зрения, далеко не всегда «весомыми». Так, не является убедительным утверждение Дмитриева о том, что имеющееся в «Сказании» подчеркивание активной роли Киприана в ходе военной кампании 1380 г. якобы исключает возможность составления данного памятника при жизни Киприана.

По нашему мнению, выдвижение на первый план Киприана в событиях 1380 г. скорее указывает на то обстоятельство, что «Сказание» было создано именно при жизни Киприана, а может быть, даже при непосредственном его участии. Подобное предположение может быть подтверждено как раскрытием идеологической основы, так и выявлением некоторых литературных особенностей «Основной редакции».

Что касается идеологической платформы «Основной редакции», то она характеризовалась весьма энергичным отстаиванием православной, общерусской программы, подчеркиванием ведущей роли митрополита Киприана²³, фиксацией того обстоятельства, что Мамай был противником всей «Русской земли» и, что ее отстаивали как силы северо-восточной Руси (кроме Дмитрия Донского здесь были названы, как известно, многие князья Белозерской и Ярославской земель, Сергей Радонежский²⁴), так и феодалы Литовской Руси (Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, Дмитрий Волынский, Ослебя и Пересвет — из рода брянских бояр и т. д.)²⁵.

Таким образом, «Сказание» в своей защите «общерусской программы» оказывалось памятником, весьма близким «Задонщине», а также тем летописным повестям о битве на Дону, которые мы читаем в Ермолинской, Львовской, а также в Новгородской IV, Типографской, Воскресенской летописях. Разница, однако, состояла, видимо, в том, что «Задонщина», а также летописные «Повести», выдвигая идею объединения всех русских земель, исходили из ведущей роли Москвы и самого Дмитрия Донского, а «Сказание» данной редакции, отстаивая концепцию восстановления общерусского единства, признавало ведущей силой этого процесса кафедру митрополита Киевского и всея Руси, а также князей Литовской Руси. Именно по этим причинам мы видим Киприана в роли фактического организатора победы на Куликовском поле, а князей Дмитрия Волынского, Андрея и Дмитрия Ольгердовичей, а также Владимира Андреевича Серпуховского, женатого на дочери Ольгерда (Елене-Марии) — такими военачальниками, которые обеспечили реальный перелом в ходе сражения на Куликовом поле²⁶. Дмитрий Донской, хотя и показан участником Куликовской битвы, но участником довольно пассивным — он не только не был политическим руководителем всей кампании, но по сути дела не принимал участия на наиболее ответственных этапах сражения²⁷. Таким

²³ «Повести», стр. 48, 52, 60.

²⁴ Там же, стр. 46—50, 51, 54, 56.

²⁵ Там же, стр. 52, 56, 58—60, 62, 64—65, 70—72.

²⁶ Там же, стр. 48, 52, 60, 64, 66, 70—72.

²⁷ Там же, стр. 48, 66, 72—73, 75. Нам представляется, что автором «Сказания» руководило не столько «стремление дать идеальный образ своего героя (Дмитрия Донского. — И. Г.) в соответствии с древнерусской литературной традицией», не столь-

образом, автор «Сказания» выступает за союз Литовской Руси с Москвой, но за такой союз, в котором ведущей силой оказывались сам митрополит Киприан, а также князья Литовской Руси.

Такова политическая «стратегия» «Сказания» данной редакции, ведущая нас к митрополиту Киприану. Но весьма характерными в этом смысле представляются и «тактическая оснастка» этого произведения, его идеологическое оформление.

Нам кажется отнюдь не случайным распределение критики и комплиментов в адрес различных деятелей того времени, кажется не случайным то обстоятельство, что автор «Сказания» подробно говорил как о тех элементах, которые мешали объединению русских земель и созданию широкого антиордынского фронта, так и о тех силах, которые содействовали объединению Руси и сыграли важную роль в разгроме ордынской армии на Дону.

В числе последних он называет не только самого «Бога небесного отца»²⁸, но также митрополита Киприана как главного советчика непосредственных участников битвы²⁹ и Сергия Радонежского, приславшего благословение на Куликово поле и находившегося в тесном контакте с Киприаном³⁰. Характерно, что в роли активной «силы», консолидирующей Русь перед лицом грозной орды, выступала икона Владимирской богородицы (которая почему-то оказалась в Москве в 1380 г., хотя она была перенесена сюда Киприаном лишь в 1395 г.)³¹, гробница митрополита Петра, «святившая» всей «земле русской», того самого Петра, Житие которого недавно было написано самим Киприаном³², этой консолидирующей «силой» оказывалась и память об Александре Певском, о «сродниках» Дмитрия Донского — древнерусских князьях Борисе и Глебе³³.

Таким образом, как политический лейтмотив «Сказания», так и его идеологический аккомпанемент ведут нас к политической программе митрополита Киприана и стоявших за ним соответствующих группировок феодальной Руси. В этом убеждает нас и выявление некоторых других тенденций «Сказания». Если имеющаяся здесь характеристика Олега Рязанского, как едва ли не главного виновника нашествия Мамаю на Русь, была довольна близка к реальной политической конъюнктуре 1380 г. и поэтому, видимо, не испытала на себе большого влияния идеологических установок автора «Сказания», то оценка деятельности Литовского князя Ольгерда оказалась совершенно оторванной от реальной исторической обстановки 1380 г. и поэтому должна квалифицироваться как результат сознательного вымысла, допущенного создателем рассматриваемого нами памятника.

Автор «Сказания», разумеется, не мог не знать, что Ольгерд, умерший в 1377 г., не имел к Куликовской битве никакого отношения. Но сознательный отход от реальной исторической действительности проявился у автора этого памятника не только в этом: в «Сказании» Ольгерд представлен католиком, когда на самом деле им не был; он изображен как предводитель Литвы, варягов и Жемайтии. В то время как в действительности Ольгерд был правителем государства, в котором едва ли не

ко желание показать его смирение и особую религиозность (См.: Ю. К. Бегунов, Там же, стр. 481), сколько намеренно зафиксировать политическую пассивность московского князя на фоне активности Киприана и отдельных князей Литовской Руси.

²⁸ «Новести», стр. 59.

²⁹ Там же, стр. 48, 52, 60, 248, 249, 253, 254, 261.

³⁰ Там же, стр. 51, 60, 62, 69.

³¹ Там же, стр. 53, 253, 281, прим. 32.

³² Там же, стр. 53, 253, 254.

³³ Там же, стр. 57, 65, 71, 72.

основную массу господствующего класса составляли не упомянутые здесь русские феодалы, и находился в близком родстве с русскими княжескими домами (его первой женой была витебская княжна, второй — тверская княжна Ульяна).

Использование имени князя Ольгерда в связи с событиями 1380 г., приписывание ему тех качеств, которыми он на самом деле не обладал, — все это несомненно результат какого-то целенаправленного вымысла. На искусственность использования имени Ольгерда обратил внимание уже Л. А. Дмитриев. «Это не ошибка автора, — писал он, — а сознательное отступление от исторической действительности»³⁴. Чем же было вызвано это «сознательное отступление»? Какова была политическая основа этого вымысла?

Л. А. Дмитриев считает, что замена имени Ягайло на имя Ольгерда произошло из-за нежелания автора «Сказания» открыто критиковать живого Ягайло за его сотрудничество с Мамаем и «варягами», а может быть даже из-за страха вызвать какие-либо политические осложнения. Естественно, что замаскированная критика Ягайло, представленная как критика Ольгерда, давно ушедшего из политической жизни, была более удобной, более безопасной. Поэтому объяснение замены одного княжеского имени другим в такой общей форме представляется вполне приемлемым. Что же касается попытки Л. А. Дмитриева на базе такой трактовки упоминания имени Ольгерда придать более конкретный характер своему предположению относительно времени сложения памятника, то она оказывается недостаточно убедительной. Так, автор выдвигает отнюдь не бесспорное положение о том, что «Сказание о Мамаевом побоище» возникло вскоре после нашествия Едигея на Московскую Русь 1408 г.

Подобной гипотезе противоречит прежде всего политическая обстановка, сложившаяся в 1408—1409 гг. в Восточной и Центральной Европе. Тогдашний характер литовско-польских и литовско-московских, а также рязано-московских отношений исключал, как нам представляется, появление произведения с такой политической направленностью. После 1399—1401 гг. тенденция инкорпорации Великого княжества Литовского и Русского в состав Польского королевства значительно усилилась. Витовт действительно тогда стал «правой рукой» польского короля Ягайло, исполнителем политических предначертаний Кракова. Что же касалось Владимирского княжения, то, хотя оно и попыталось установить сотрудничество с одним из видных князей Литовской Руси Свидригайло (как известно, Свидригайло с большой группой литовско-русских феодалов перешел на сторону Москвы в 1408 г.), тем не менее это сотрудничество, во-первых, не распространялось на всю Литовскую Русь, а, во-вторых, оказалось весьма кратковременным. После нашествия Едигея 1408 г. на земли Владимирского княжения Свидригайло вынужден был бежать в Литву, а московский князь Василий Дмитриевич занять позицию отнюдь не дружественную польско-литовскому государству. Что же касалось рязано-московских отношений, то они в 1408—1410 гг. оставались союзными, что исключало нападки в это время на Рязань вообще, и на рязанского князя Олега, в частности.

Когда же, в таком случае, мог появиться первоначальный вариант этого памятника с его киприановской программой объединения русских земель и создания широкого антиордынского фронта, с его апологетикой литовско-московского сотрудничества и с осуждением «коварства» Рязани?

³⁴ Л. А. Дмитриев. К литературной истории «Сказания», стр. 422. «Заменил из политических соображений имя действительного союзника Мамая Ягайло Ольгердом автор „Сказания“ мог только при жизни Ягайло (ум. 1434 г.).»

Нам представляется, что произведение с подобной платформой могло возникнуть в те годы бурной деятельности Киприана, когда он вместе с Витовтом и Василием I пытался создать обширное политическое объединение в Восточной Европе, когда Великое княжество Литовское фактически добилось почти полного обособления от Короны, когда московский великий князь Василий, женатый на дочери Витовта, поддерживал союзные отношения с Литовско-русским княжеством, когда, наконец, литовско-московскому сотрудничеству открыто угрожала с одной стороны Ордынская держава, а с другой — альянс смоленских князей с Рязанью, то есть в 1395—1399 гг., в период после вторжения Тамерлана и до битвы на берегах Ворсклы. Есть основания считать, что особо благоприятная обстановка для написания первого варианта «Сказания» существовала в 1396—1397 гг.

Предлагаемая датировка первого варианта «Сказания» подкрепляется рядом конкретных утверждений «Основной редакции» рассматриваемого памятника. В «Сказании» главными противниками единства русской земли после правителя Орды выступали рязанский князь Олег и введенный им в заблуждение литовский князь Ольгерд, а ведущими сторонниками объединения Руси и создания широкого антиордынского фронта, кроме Киприана, Серпуховского князя Владимира Андреевича, Дмитрия Донского (роль последнего, как мы знаем, представлена значительно более пассивной, чем роль князя Владимира), оказались многочисленные литовско-русские князья, в частности Дмитрий и Андрей Ольгердовичи. Из других вполне достоверных исторических источников мы получаем сведения о том, что именно в середине 90-х годов XIV в. реальными политическими партнерами правителя Литвы были северский князь Дмитрий Ольгердович, а также выпущенный в 1394 г. на свободу князь Андрей Полоцкий; оба этих князя вместе с другими князьями Литовской Руси погибли в 1399 г. на берегах Ворсклы как активные союзники Витовта и митрополита Киприана.

Намеченная нами датировка первого варианта «Сказания» может быть подкреплена также и сопоставлением конкретного содержания этого памятника с той «Повестью о Владимирской иконе», которая помещена в Никоновской летописи под 1395 г. Весьма любопытно, что политическая роль этой иконы в событиях 1395 и 1380 гг. оказывается аналогичной, едва ли не самой важной политической фигурой в обоих произведениях выступает князь Владимир Андреевич (в 1395 г. серпуховской князь возглавляет оборону Москвы, в 1380 г. он возглавлял засадный полк, решивший исход Куликовской битвы).

Показательным для внутренней связи обоих произведений является внимание к одному и тому же елецкому князю Федору: в «Повести о Владимирской иконе» сообщается о пленении Тамерланом в 1395 г. князя Федора³⁵, в «Сказании о Мамаевом побоище» елецкий князь Федор выступает в роли воеводы серпуховского князя Владимира Андреевича³⁶.

Весьма важной для уточнения датировки «Сказания» является также содержащаяся в памятнике информация об усилившейся турецкой опасности, о готовности противодействия этому натиску отдельных князей Литовской Руси (речь шла о появлении «дунайских татар», так документ называл турок)³⁷. Естественно, что этот сюжет мог появиться в «Сказании» лишь после того, как турки овладели Болгарией и подошли к границам Великого княжества Литовского, в частности к Подольской земле. А все это произошло, как известно, в середине 90-х годов XIV в.

³⁵ ПСРЛ, т. XI, стр. 159.

³⁶ «Повести», стр. 56.

³⁷ Там же, стр. 59, 260, 285, прим. 59.

Выдвигаемая датировка «Основной редакции» «Сказания» может быть подкреплена, как нам представляется, еще одной характерной особенностью рассматриваемого памятника, а именно изменившимся по сравнению с «Летописной повестью» отношением к двум внутренне связанным сюжетам: к деятельности Тохтамыша в 1381 г. и к поведению крымских «фрязов» в 1380—1381 гг. «Летописная повесть» пространной редакции, как мы знаем, обрушилась на «фрязов» как союзников Ордынской державы в 1380 г., изображала Тохтамыша узурпатором ханской власти в Золотой Орде, подчеркивала то обстоятельство, что Тохтамыш, преследуя своими войсками побежденного хана до степ Кафы, вынудил лидеров генуэзской колонии игнорировать прежние их «докончания» с Мамаем, заставил кафинцев выполнить его волю в отношении поверженного правителя Орды. «Мамай же ..., — читаем мы в «Летописной повести», — бегаа пред Тохтамышевыма гонители, прибежа близ града Кафы и сослався с Кафинцы по докончанию и по опасу дабы его прияли на избавление, дондеже избудеть от всех гонящих его...».

«Летописная повесть» подчеркнула, что кафинцы разрешили ему войти в город, санкционировали также привоз в Кафу его казны и драгоценностей («и повелеша ему ... и прибеже Мамай в Кафу с множеством имения злата и сребра») ³⁸. Однако, заманив Мамаю в город под видом соблюдения старых с ним договоров, правители генуэзской колонии в дальнейшем резко изменили свое отношение к поверженному правителю Орды: теперь, видимо, они стали действовать в соответствии с другим соглашением, заключенным уже с новым ханом Тохтамышем ³⁹. «Кафинцы жа, — читаем мы далее в „Летописной повести“, — свещавшеся, и с сътвориша над ними обместь и ту от них убиен бысть и тако быть конец Мамаю» ⁴⁰.

Так, отметив факт скрытого сотрудничества Тохтамыша и правителя Кафы, направленного против поверженного правителя Ордынской державы Мамаю, автор «Летописной повести» показал активную роль Тохтамыша в овладении ордынским престолом: «А сам Тохтамыш, шел, взя орду Мамаеву, и царицу его, и казны его и улусь весь пеима и богатство Мамаево раздели дружаше своей» ⁴¹.

Сопоставляя эту трактовку событий 1380—1381 гг. с той интерпретацией этих же событий, которая присутствовала в «Сказании о Мамаевом побоище», мы убеждаемся в том, что здесь оценка деятельности Тохтамыша, а также поведение кафинцев оказалась иной. В «Сказании» «фрязы» как союзники Ордынской державы уже не выступали. Мамай изображался как главный противник русской земли, который и после Куликовского поражения готовил новый поход на Русь. Что же касалось Тохтамыша, то он оказывался в роли такого хана, который, во-первых, содействовал предотвращению нового вторжения Мамаю в русские земли, во-вторых, выступал не в качестве узурпатора ордынского престола, а в качестве «добровольно» признанного местными феодалами правителя Золотой Орды.

Иной оказалась и оценка политики Кафы. Автор «Сказания» подчеркивал, что Тохтамыш не оказывал нажима на Кафу в смысле расправы над Мамаем, что Мамай погиб в этом городе в силу случайного стечения обстоятельств. Он якобы не заключал с Кафой никаких «докопчаний», не вел с правителями генуэзской колонии никаких официальных переговоров накануне своего появления в этом городе, а сам взял на себя

³⁸ ПСРЛ, т. IV, стр. 325

³⁹ Существование особых договоров Кафы с Тохтамышем и его крымскими вассалами в 1381 и 1387 гг. убедительно доказано Ю. К. Бегуновым на основе анализа генуэзских документов XIV в. (Ю. К. Бегунов. Там же, стр. 521—522).

⁴⁰ ПСРЛ, т. IV, стр. 325

⁴¹ Там же.

риск тайного проникновения в Кафу («потаив свое имя»), за что, в сущности, и поплатился жизнью: здесь Мамай был опознан каким-то купцом, затем при загадочных обстоятельствах оказался убитым. Мы видим, что Кафа, как и сам Тохтамыш в «Сказании о Мамаевом побоище» оказались в какой-то мере «реабилитированными» по сравнению с «Летописной повестью».

Но чем же были обусловлены эти политические акценты «Сказания» и «Летописной повести»? Чем было вызвано имеющееся в «Сказании» смягчение критики Тохтамыша и кафинских «фрязов»?

Нам представляется, что отмеченные разночтения получают более убедительное объяснение в том случае, если мы будем связывать появление «Летописной повести» с началом 90-х годов XIV в., а возникновение «Сказания о Мамаевом побоище» с серединой 90-х годов XIV в. Если идеологическая основа «Летописной повести», характеризующаяся отстаиванием «общерусской программы» как ведущей роли Московской Руси, хорошо вписывалась в политическую обстановку Восточной Европы начала 90-х годов, когда опиравшемуся на Москву «триумvirату» Киприана, Василия I, Витовта противостояла сильная коалиция Тохтамыша, Ягайло, Олега Рязанского и кафинских «фрязов» (Тохтамыш еще в 1387 г. заключил специальное соглашение с Кафой, а в 1392 г. выдал ярлык на русские земли именно Ягайло, а не Витовту), то идеологическая платформа «Сказания», призывавшая осуществлять «общерусскую программу» с опорой на Литовскую Русь, резко ослабившая критику Тохтамыша и кафинских «фрязов», хорошо перекликалась с политической конъюнктурой середины 90-х годов XIV в., когда после решительного разгрома Тохтамыша армиями Тимура в 1395 г., после произошедшего в 1394 — 1395 гг. перемещения главной политической опоры «триумvirата» из Москвы в Литовскую Русь создалась новая расстановка сил: «триумvirат» Киприана, Витовта и Василия вставал на путь сближения с Тохтамышем, находившимся после 1395 г. то в Литве, то в Крыму, в частности и в Кафе; этой политической группировке в Восточной Европе противостояли рязанские и смоленские князья, находившие поддержку сначала у Тимура, а потом у его ставленника Едигея. Именно при такой политической конъюнктуре были вполне естественными для «Сказания» как осуждение явных и скрытых противников «триумvirата» (явное осуждение Рязани, Ордынской державы, скрытое — польского короля Ягайло), так явное и скрытое одобрение политики его союзников (явная апологетика литовско-русских князей Ольгердовичей; положительная, но более сдержанная оценка поведения Московского князя, реабилитация Тохтамыша и Кафы).

Довольно существенным для датировки «Сказания» представляется также сообщение ряда летописей под 1397 г. о поездке Андрея Ослебя в Царьград к императору и патрирху⁴². С. К. Шамбинаго, кроме того установил, что А. Ослебя упоминался как боярин Киприана в 1390—1393 гг. в Лаврском обиходнике⁴³. Эти данные подтверждают не только полную историчность упомянутого иерарха, по происхождению западноевропейского феодала, потом участника Куликовской битвы и митрополитского боярина, теперь видного дипломата Киприановской школы, но, по нашему мнению, и «историчность» самого «Сказания» относительно данного этапа политической жизни Восточной Европы.

⁴² ПСРЛ, т. 24, стр. 166; т. 25, стр. 228; т. 8, стр. 71.]

⁴³ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, стр. 177.



Г. Я. ИЛЬИНА

ПРОБЛЕМАТИКА ЭКСПРЕССИОНИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ЮГОСЛАВСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Рассматривая югославский экспрессионизм как литературное явление, исследователь неизбежно сталкивается с рядом сложных проблем, отражающих сложность самого литературного процесса. Так, уже в появлении экспрессионизма на славянской почве заметно явное противоречие. При резком отталкивании от австро-немецкой культуры вообще, особенно в период первой мировой войны, славянский экспрессионизм рождался под несомненным воздействием немецкого экспрессионизма, сохраняя стремление к самостоятельности, к независимости от иноземных образцов. Противоборство двух начал — ощущение родства и отталкивание, — на наш взгляд, наблюдается на протяжении всей недолгой, но бурной истории этого течения в югославских литературах. Далее, необходимо считаться с тем фактом, что экспрессионизм в югославских литературах (так же как и в немецкой) довольно быстро расслаивается. Внутри него возникают группы диаметрально противоположной идейной ориентации — скажем, католическая и революционная (связанная с рабочим движением). Разумеется, между ними было немало переходных явлений, которые обычно объединяют в третью группу, называемую «нейтральной» или «анархо-индивидуалистической» (последнее особенно нудачно, так как анархо-индивидуализм был присущ всем группам). В словенской и хорватской литературах при наличии всех трех групп определяющим стал левый, революционный, или, как его называют в Словении, «социальный экспрессионизм». Он объединил наиболее талантливые силы и при всем свойственном ему идеализме и анархо-индивидуализме наиболее ярко отразил настроение эпохи кризиса, войн, крушения идеалов и одновременно ощущение надвигающейся революционной бури, предвещающей разрушение старого мира и рождение новых отношений, нового человека. В этом заключалось то объективное содержание экспрессионизма, которое и составляло его общественную и литературную силу и позволило ему оставить столь заметный след в истории югославских литератур. (В сербской литературе в силу специфики национальных условий в послевоенное время, порожденных положением Сербии в первой мировой войне, в начале 20-х годов революционное течение не сложилось).

Экспрессионизм как течение, на протяжении десятилетия главенствовавшее в литературе, начинает себя изживать к середине 20-х годов, а в конце третьего десятилетия нашего века сходит с литературной сцены. Наиболее талантливые его представители ищут выхода из ограниченного круга тем и средств выражения. Крик ненависти и возмущения сменяется изучением общественных противоречий, взгляд, обращенный внутрь «Я» творческой личности, переносится на мир вне этого «Я», прежде всего на

людей, сливавшихся ранее для художника-экспрессиониста в безликую толпу, в которую он нес свои идеи. Таким образом получают развитие реалистические тенденции, которые в той или иной форме уже проявлялись в творчестве некоторых экспрессионистов, особенно в прозе¹. Наиболее характерное для левого экспрессионизма, это движение к реализму захватило и нейтральную группу, определив общую направленность развития литературного процесса в Югославии. К концу 20-х, в 30-е годы реалистическое направление набирает силу и занимает ведущие позиции в литературе. В эти же годы возникает и крепнет течение «социального реализма», в развитие которого внесли свою лепту и некоторые, причем наиболее талантливые, бывшие экспрессионисты. Сойдя с литературной сцены как течение, экспрессионизм надолго задержался в искусстве как стилевое начало. Как видим, роль и значение этого течения в югославских литературах достаточно велики. Поэтому не случаен интерес к нему ученых многих стран, и в первую очередь самих югославских литературоведов. Последние прошли путь от полного отрицания экспрессионизма в названных литературах до серьезных исследований проблем, связанных с возникновением, развитием и характером экспрессионизма в литературах Югославии. Со второй половины 50-х и на протяжении 60-х годов накапливался материал, вырабатывались оценки по отдельным вопросам и общие концепции, что дает основание подвести некоторые итоги разработки данной проблематики югославскими литературоведами.

Пионером новой постановки проблем истории словенского и хорватского экспрессионизма был словенский ученый Фран Петре. В докладе «От Модернизма до экспрессионизма и сюрреализма», представленном им на международной встрече славистов в Белграде в 1955 г.², он впервые ставит вопрос о необходимости всестороннего изучения нереалистических течений XX в. По сути своей это выступление Петре было связано с общими процессами, наметившимися в югославских литературах в середине 50-х годов, — отталкиванием от реалистической литературы и обращением к нереалистическим формам и традициям. Первое выступление ученого носило скорее эмоциональный, декларативный характер. В последующие годы он не раз будет возвращаться к этой теме, дополняя, развивая, а иногда и корректируя высказанное им ранее³. Для всех выступлений Петре по вопросам экспрессионизма характерно выделение общих, наиболее важных проблем, но решает он их подчас априорно, без достаточного привлечения конкретного материала. Заслуга же Петре в том, что он четко и ясно сформулировал целый ряд очень существенных для понимания характера экспрессионизма в славянских странах положений: национальная самобытность хорватского и словенского экспрессионизма; общественная обусловленность возникновения экспрессионизма и его антивоенной, а у левой части — социально-критической направленности; отношение к национальным традициям; наличие идейных группировок внутри экспрессионизма и связь идейной направленности творчества с особенностями поэтики.

Выведенные Петре положения оказались в центре внимания исследователей, хотя подход к ним был методологически различен, различными оказались и выводы. И сейчас, по истечении более чем десяти лет изучения этих проблем, трудно назвать те из них, по которым бы не разошлись

¹ О соотношении экспрессионизма с другими художественными тенденциями см. Г. Я. И л ь и н а. Становлення революційної хорватської літератури в 20-і роки. В кн. Жовтень і зарубіжні слов'янські літератури. Київ, 1967.

² «Beogradski međunarodni slavistički sastanak». Beograd, 1957.

³ F. P e t r e. Idejnost i izraz ekspresionizma. «Umjetnost riječi», Zagreb, 1957, № 2; его же. «Pesnički izraz ekspresionizma». «Jezik in slovstvo», Ljubljana, 1961, № 5

мнения ученых. К тому же накопление фактического материала и частных исследований выдвинуло ряд новых проблем или новых аспектов во взгляде на старые.

В дальнейшем изучении экспрессионизма словенские ученые идут преимущественно тем же путем, что и Петре, т. е. рассматривая прежде всего явление в целом. И для М. Боршник⁴ и для Ф. Задравца⁵ нет сомнения в том, что экспрессионизм был течением в словенской литературе, что левое его крыло было самым ярким в художественном отношении и определяло достижения и бо́льшую часть вклада словенского экспрессионизма в художественный арсенал словенской литературы. Характеристика отдельных групп внутри экспрессионизма идет не только по линии их идейного размежевания, а иногда и противостояния, но и по линии индивидуальных и групповых отличий в художественном мышлении. Внимание словенских ученых, хотя и в самой общей форме, привлекают именно эти групповые признаки католического, нейтрального и социального экспрессионизма. Они широко ставят вопрос о влиянии Октябрьской революции на словенскую литературу и, конечно, на творчество левых экспрессионистов, подчеркивают мысль о кризисе экспрессионизма (хотя совсем выпадает вопрос об эволюции течения на протяжении времени его существования) и обращении во второй половине 20-х годов к реализму. Кстати, в первой своей работе Петре видел причину гибели левого крыла экспрессионизма в гнете цензуры. В дальнейшем он развивает мысль о закономерной неизбежности художественной перестройки левой литературы⁶. Размах и художественная сила левого экспрессионизма, по замечанию Ф. Петре, задерживали развитие католического экспрессионизма и ограничивали сферу его воздействия⁷.

Хорватские ученые в изучении экспрессионизма в своей литературе пошли несколько иным путем. Даже в таких трудах общего характера, как истории литературы⁸, они отказываются от рассмотрения явления в целом в его многоликом единстве. До последнего времени большинство хорватских ученых не считает экспрессионизм ни направлением, ни течением, и конец 10-х, первую половину 20-х годов они называют эпохой экспрессионистических стилей⁹. Эта позиция определила и направление исследовательского поиска — изучение творческих индивидуальностей. Ульдерико Донадини и особенно Антун Бранко Шимич, молодые Август Цесарец и Мирослав Крлежа оказались в центре внимания хорватских литературоведов¹⁰. Оставляя в стороне вопрос об экспрессионизме в целом, о тенденциях внутри него или хотя бы о стилевых группах, В. Жме-

⁴ M. B o r š n i k. Stilni premiki v slovenskem realizmu. «Slavistična revija», 1963, № 1—4.

⁵ F. Z a d r a v e c. Glavni leposlovni tokovi v Sloveniji med prvo in drugo svetovno vojno. «Jezik in slovstvo». Ljubljana, 1967, št. 6; его же. «Futurizem in ekspresionizem v slovenski poeziji». Послесловие в кн.: Pot skozi noč. Ljubljana., 1966.

⁶ Точка зрения советского ученого Е. И. Рябовой выражена в статье «Словенская революционная поэзия 20-х годов» («Советское славяноведение», 1967, № 3).

⁷ F. P e t r e. Uz genezu hrvatskog i slovenskog ekspresionizma. «Kritika», Zagreb, 1969, № 3.

⁸ S. V u č e t i ć. Hrvatska književnost 1914—1941. Zagreb, 1960; «Panorama hrvatske književnosti XX stoljeća». Zagreb, 1965; M. Š i c e l. Pregled novije hrvatske književnosti. Zagreb, 1966.

⁹ A. F l a k e r. Književne poredbe. Zagreb, 1968, s. 41—42.

¹⁰ Достаточно указать на библиографии работ об этих писателях: T. S a b l j a k. Pregled kritike o A. B. Šimicu. «Književnik», Zagreb, 1959, № 6; M. V a u r o t i ć. O A. B. Šimicu. «Književnik», Zagreb, 1960, № 9; Д. М о р а ч и х. Библиографска грађа о Мирославу Крлежи. «Књижевност и језик». Београд, 1963, № 3; V. Z a n i n o v i ć. August Cesarec. Zagreb, 1964.

гач¹¹, М. Франичевич¹², В. Занинович¹³ и другие сосредоточились на изучении отдельных конкретных явлений экспрессионистского характера. Для них как бы сами собой разумеются существование экспрессионизма, что подтверждается анализируемым индивидуальным примером, его идеалистическая философская основа, которая тоже становится ясна из оценок творчества данного писателя. Пожалуй, главным вопросом для хорватских ученых стал вопрос о национальной самобытности хорватского экспрессионизма — в противовес бытовавшим ранее концепциям (Л. Маракович, Й. Богнер), в свете которых подчеркивалась заимствованность хорватского экспрессионизма. Подобной позиции в той или иной степени придерживаются и некоторые современные ученые и писатели (Ш. Вучетич, Г. Крклец). И хотя этого вопроса касаются почти все авторы, пишущие на данную тему, А. Франич счел необходимым представить к VI съезду славистов в Праге сообщение, посвященное национальной самобытности хорватского экспрессионизма. Правда, нам кажется, автор несколько увлекается, отрицая всякое воздействие немецкой литературы и явно поднимая вопрос о возникновении течения и осознании хорватскими писателями себя экспрессионистами — дальнейшим ходом развития экспрессионизма. Некоторые, очень заманчивые тезисы, как, например, положение о синхронности появления немецкого и хорватского экспрессионизма, которые выдвигает Франич (и не только он), требуют привлечения и изучения большего количества фактов и более тщательно продуманной аргументации.

Не отрицая связей с немецким экспрессионизмом, о синхронности появления немецкого и хорватского экспрессионизма говорит и В. Жмегач. К своей статье о лирике А. Б. Шимица он делает знаменательный подзаголовок — «к вопросу об изучении экспрессионизма в нашей литературе». Задача статьи — выяснить, с правом ли называют Шимица экспрессионистом. И отвечая утвердительно на этот вопрос, автор предлагает весьма убедительные доказательства. Между тем тезис о синхронности остается ничем не подтвержденным.

Некоторые итоги изучения сербского экспрессионизма наметил Сл. Маркович¹⁴. Он откровенно признает влияние немецкого экспрессионизма на южнославянские литературы. Отмечая специфические особенности сербского экспрессионизма, который возник позднее, чем в словенской и хорватской литературах, и развивался в иных общественных условиях, он считает, что сербский экспрессионизм не сложился как течение и по своему характеру близок к субъективистской и иррациональной линии в экспрессионизме¹⁵. Очень важным моментом в этой статье является постановка вопроса об эволюции экспрессионизма. Маркович полемизирует с Петре, упрекая его в том, что он рассматривает экспрессионизм как явление статичное и черты, появившиеся в послеоктябрьский период в его развитии, распространяет на более ранний этап его существования.

Почти все югославские ученые, обращавшиеся к проблемам экспрессионизма, отмечают малую изученность конкретного материала. Свои

¹¹ V. Žmegač. O lirici A. B. Šimića. «Umjetnost riječi», 1958, № 3.

¹² M. Franičević. Antun Branko Šimić. «Izraz», 1966, № 2.

¹³ V. Zaničević. Ekspresionistička faza Augusta Casarca. «Kolo», Zagreb, 1963, № 10.

¹⁴ S. Marković. Međuratni modernizam ili ekspresionizam u srpskoj književnosti. «Opera slavica», IV, 1963.

¹⁵ Советский исследователь М. Богданов считает, что в сербской литературе экспрессионистическое течение было, но в нем не сформировалось левое крыло. См. М. Богданов. Від бунтарського протесту до справжньої революційності. В кн. Жовтень і зарубіжні слов'янські літератури. Київ, 1967.

исследования они считают первыми попытками прояснить выдвинутую проблему.

В конце мая 1969 г. в Загребе состоялся симпозиум «Среднеевропейский экспрессионизм и хорватская литература»¹⁶. Он собрал кроме ученых из разных республик Югославии представителей Австрии, Болгарии, Чехословакии, Франции, Италии, Венгрии, ФРГ, Польши, СССР, Румынии. Хотя тема данного симпозиума и была, казалось, ограничена рамками хорватской литературы и действительно большинство докладов и выступлений были с ней непосредственно связаны, на самом деле круг поднятых в докладах вопросов был значительно шире — роль сравнительно-исторического метода в изучении внутринациональных процессов, границы понятия «экспрессионизм», немецко-австрийский и югославский экспрессионизм, сопоставительный анализ сходных явлений в самих югославских и шире, славянских литературах, соотношение экспрессионистических тенденций с другими художественными формами.

Доклады, представленные на симпозиуме, условно можно разделить на три группы. Первую составили те из них, которые с большей или меньшей степенью обобщенности характеризовали экспрессионистические тенденции в румынской, венгерской, польской литературах, тем самым расширяя представления как о «географии», так и о национальном облике изучаемого литературного явления. Вторую группу объединяет преимущественное обращение к творчеству отдельных писателей. В центре внимания оказался Мирослав Крлежа, поэт, прозаик, драматург, критик. Правда, возникавший почти во всех докладах крен в сторону выявления экспрессионистических черт в творчестве Крлежи, А. Б. Шимича и других писателей, без учета их дальнейшей творческой эволюции, сужал возможности более широкого освещения предмета. Однако было бы неверно сказать, что эти доклады носили частный характер и были вовсе чужды широким концептуальным обобщениям (например, доклад З. Константиновича «Экспрессионизм и феноменология. Рассмотрение на примере лирики А. Б. Шимича» или Б. Доната «Политический театр Мирослава Крлежи и наследие европейского экспрессионизма»). Они восполняют существенный пробел в изучении специфики национальных явлений, позволяя с большим основанием сделать вывод об их истинном характере, о степени влияния, если оно было, или независимости возникавших тенденций.

Третья группа докладов была по характеру и тематически общеплана. Она явилась главным средоточием наиболее контрастных точек зрения. Самостоятелен или независим хорватский и словенский экспрессионизм? Д. Пеович считает, что «славяне развили свой собственный самобытный экспрессионизм, независимо от того, кто какие видел картины или читал книги (что, кстати, нельзя и недооценивать)»¹⁷. А болгарский ученый Г. Савов говорит о приходе среднеевропейского экспрессионизма на славянский юг. На связи с немецким экспрессионизмом у Шимича указывает и западногерманский ученый Р. С. Баур, в то время как Б. Донат видит в хорватском экспрессионизме целую гамму вариантов — от прямого заимствования и подражания до создания самостоятельного искусства.

Все участники симпозиума пытались определить границы изучаемого объекта, его основные признаки. Все сошлись на том, что термин «экспрессионизм» расплывчат, включает в себя идейно и художественно-разнородные тенденции. Отсюда и столь разные определения экспрессионизма как стиля, направления, литературного движения, стилевого комп-

¹⁶ Большая часть докладов была опубликована в специальном выпуске журнала «Kritika», Zagreb, 1969, № 3.

¹⁷ Ibid., s. 4.

лекса или даже конгломерата разных явлений. Но здесь, естественно, речь идет не только и не столько о терминологических расхождениях (хотя есть и они), а о существенных отличиях методологических позиций. Ф. Петре, посвятив свое выступление генезису словенского и хорватского экспрессионизма, как и в своих предыдущих работах, рассматривает внутренние общественные процессы, обусловившие его появление, его сопряженность с задачами национально-освободительной и социальной борьбы, резко выраженным осознанием бессмысленности войны. Вот почему, утверждает Петре, эти проблемы преобладали над общефилософскими, накладывая отпечаток на характер данного явления в югославских литературах (нам кажется, что все сказанное вряд ли относится к католическому крылу экспрессионизма). Петре продолжает отстаивать и положение об идейной дифференциации внутри экспрессионизма. И в этом он более прав, чем его коллега В. Жмегач, который не видит идейных групп в хорватском экспрессионизме, распространяя черты, свойственные его левому крылу, на все течение. Выяснению внутренних причин, обусловивших возникновение экспрессионизма в хорватской и болгарской литературах и развитие в нем сильного левого крыла, был посвящен и доклад болгарского ученого Савова. Он подчеркивает в них гораздо более тесную, чем в других литературах, связь с общественной жизнью страны, с реалистическими и романтическими традициями, что, по его мнению, задерживало проникновение экстремизма и нигилистических идей, характерных для «чистого» экспрессионизма (термин Савова).

Не менее контрастны были и ответы на вопрос о национальной литературной почве, национальных традициях и отношении к ним представителей экспрессионизма на отдельных этапах его развития, о сочетании и соотношении в экспрессионизме разных художественных тенденций. В. Жмегач подчеркивает откровенно антинатуралистический характер выступлений экспрессионистов. И против этого трудно возражать. Но в то время как он акцентирует свое внимание на общеэстетической стороне вопроса, И. Видан и словацкий ученый Б. Хома, анализируя творчество М. Крлежи, не только доказывают наличие в его прозе натуралистических тенденций, но и делают общий вывод (далеко не бесспорный) о том, что, отталкиваясь от натурализма, экспрессионизм все-таки испытал воздействие его поэтики.

Экспрессионизм как литературное движение и в славянских странах прекратил свое существование в середине 20-х годов. Но черты его ощутимы и поныне. Вот почему так важно конкретно разобраться в его характере в каждой литературе, без апологетического азарта в оценке вклада в целом и отдельными группами. Экспрессионизм в Югославии имел свои особенности, выполнял специфические общественно-литературные и художественные задачи, поэтому левый экспрессионизм, например, в словенской, хорватской, да и в болгарской литературах невозможно рассматривать вне связи с реалистическими и романтическими тенденциями этого же времени. Остаются пока открытыми и вопросы поэтики экспрессионизма. Нам кажется очень плодотворной попытка словенских ученых рассматривать ее с учетом идейной дифференциации в экспрессионизме. Следует при этом не упускать из виду (что сейчас происходит) эволюции самого течения и отдельных его представителей. Можно назвать еще немало проблем, ждущих своего исследования. Например, проблема жанра. Ученые главным образом оперируют материалом поэзии, на симпозиуме несколько докладов было посвящено драме, но воедино это никак не сведено, мало исследована проза. А ведь экспрессионистическая струя в югославской прозе ощущается и поныне.

Пока трудно выделить вопросы бесспорные, достаточно изученные. Куда больше еще неясного, спорного и просто неизвестного. Важно, что круг проблем намечен и изучение их началось.



Г. П. СОКОЛЯНСКАЯ

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЗМЕ ТРИЛОГИИ Вл. РЕЙМОНТА «1794 ГОД»

Трилогия «1794 год» по своей тематике и идейной направленности занимает особое место в творчестве Реймонта: произведения, написанные до и после трилогии, несут на себе сильный отпечаток эндекских ¹ взглядов, в них сказалось враждебное отношение к революционным изменениям в обществе, проявился национализм (сборники рассказов «За фронтом» — 1919, «Княжна» — 1923, «Бунт» — 1924).

Что же заставило Реймонта обратиться к такой важной для польского народа теме — восстанию под предводительством Тадеуша Костюшко?

Как считает польский литературовед Генрик Маркевич ², интерес к теме народно-освободительного движения отмечается у выдающихся польских писателей еще на рубеже XIX и XX вв., но особенно усиливается после революции 1905 года. Примерно так же обстоят дела в историографии того времени: монография Корзона о Костюшко появилась в 1894 г.; солидные работы Аскенази, Токажа, Скалковского, Кукеля — после 1904 г.

Реймонт выбрал интересную и важную тему, однако ценность его произведения (как и любого другого) определяется не столько темой, сколько интерпретацией ее. «1794 год» свидетельствует о том, что мировоззрение писателя не укладывается в узкие рамки эндекской идеологии — он вполне самостоятелен в оценке исторических событий.

Роман-трилогия «1794 год» был первой попыткой отобразить восстание Костюшко в монументальной прозе. До Реймонта эта тема была использована лишь в поэтических и драматических произведениях и в исторических повестях Юзефа Крашевского «Сцены в сейме. Гродно 1793» (1875), «Варшава в 1794 году» (1873).

Роман Реймонта состоит из трех книг: «Последний сейм Речи Посполитой» (1913), «Nil desperandum» (1916), «Восстание» (1918). Первые две книги романа, разделенные на три части, появились в Варшаве в журнале «Tygodnik Ilustrowany». I часть (первая книга) была напечатана в 1911 г. (№ 18—51) и в 1912 г. (№ 1—52); II часть (первая половина второй книги) появились в 1913 г. (№ 1—52); III часть (вторая половина второй книги) была напечатана только в 1915 г. (№ 1—52).

Писатель создает своеобразную композиционную схему для своего романа, в чем-то отличную от традиционной, вальтерскоттовской, но все же более близкую к ней, чем к историческим романам некоторых своих современников, например С. Жеромского, испытавшего сильное влияние «Войны и мира» Л. Толстого.

¹ Партия национальных демократов (эндексов) — польская буржуазно-националистическая партия.

² H. M a r k i e w i c z. Posłowie. — Wł. St. Reymont. Rok 1794, cz. III. Kraków, 1955, s. 331.

В романе действуют вымышленные герои, намечена любовная интрига, но все это — не в центре повествования: основное внимание уделено историческим событиям. Эту особенность исторического романа Реймонта удачно характеризует Г. Маркевич, который видит в нем «беллетризованный исторический репортаж»³.

Реймонт открывает роман картиной празднества, устроенного польскими аристократами в честь Сиверса, русского посла в Польше. Используя в качестве источника лишь письмо Сиверса к дочери (2 авг. 1793), Реймонт разворачивает этот эпизод в символическую картину «пира во время чумы».

Писатель обнаруживает здесь глубокое знание эпохи, обычаев того времени. Исторически достоверно изображен Сиверс, который, как пишет историк Соловьев, «умел самые неприятные дела обрабатывать таким образом, что люди, получившие неприятность, не сердились на него, оставаясь к нему в самых лучших отношениях»⁴. Перед нами проходят деятели Тарговицкой конфедерации, изменники разных рангов, великосветские лоботрясы, прихлебатели русского, австрийского и прусского дворов.

Еще в большей мере проявляется стремление писателя к документальности в завершающей части трилогии, где обращают на себя внимание названия некоторых глав: «День 17 апреля» (IX гл.), «Ночь с 17 на 18 апреля» (X гл.), «День 18 апреля» (XI гл.). Эти главы представляют собой как бы дневник Варшавского восстания. Кстати, много нужного исторического материала Реймонт почерпнул именно из дневников («Дневники» Каэтана Козьмяна, «Дневник подготовки восстания Костюшко» Юзефа Павликовского, «Дневники» Охоцкого, «Второй раздел Польши. Из дневников Сиверса», «Дневник» Филиппа Лихоцкого).

До педантичности добросовестное отношение автора к архивным данным видно из описаний гродненского сейма, заседания варшавских заговорщиков накануне восстания, самого Варшавского восстания и т. д.

В этом отношении весьма показателен, например, диалог Капостаса и капитана Меллера из книги «*Nil desperandum*»⁵, почти дословно совпадающий с диалогом, который мы встречаем в описании заседания заговорщиков у историка Соловьева⁶. Как свидетельствует Соловьев, описание этого заседания было составлено по показаниям Костюшко и Капостаса.

Историческая проблематика в значительной степени определила и выбор персонажей: писатель вывел на страницах романа большое число (несколько десятков!) подлинных исторических лиц. Одни из них занимают видное место в книге, другие выступают лишь эпизодически, но все вместе они служат созданию достоверной картины эпохи конца XVIII в. С большим мастерством Реймонт индивидуализирует участников разных собраний, политических дискуссий, великосветских раутов. В то же время каждый из персонажей как бы иллюстрирует взгляды той или иной общественной группы. С этим связаны и определенные художественные просчеты: некоторые персонажи — «рупоры идей» — появляются и исчезают незаметно, сыграв роль статичной иллюстрации.

Вымышленные герои романа легко вписываются в ткань достоверных событий. Хотя эти герои не имеют реальных прототипов (за исключением пани Радзиминской), их нельзя считать произвольными конструкциями авторской фантазии. Достаточно проследить сюжетную линию главного героя, поручика Зарембы, чтобы убедиться в этом. Исторические факты подтверждают, что в подготовке восстания Костюшко активную роль

³ H. M a r k i e w i c z. Ibid., s. 344.

⁴ С. С о л о в ъ е в. История падения Польши. М., 1863, стр. 300.

⁵ Wł. St. R e y m o n t. Rok 1794, cz. II. Kraków, 1955, s. 345. Дальнейшие ссылки в тексте по этому изданию.

⁶ С. С о л о в ъ е в. Там же, стр. 321—322.

играли офицеры польской армии. Они вербовали солдат в повстанческую армию, обучали воевать крестьян. Именно таким предстает перед нами Заремба.

Его деятельность требует постоянных перемещений, присутствия в самых неожиданных местах. Автор ведет нас за своим героем на заседание сейма и загородный пикник, аудиенцию у короля и церемонию принятия присяги повстанцами. Следуя за героями, читатель видит разных людей, а за ними встают разные социальные слои, разные нравственные комплексы, подчиняющиеся своим особым закономерностям.

Реймонт не дает нам увлечься авантурными приключениями Зарембы, все время возвращая его в гущу общественно-политических событий. Заремба является участником или наблюдателем почти всех событий в романе, особенно в первых двух книгах. Автор заставляет Зарембу на время «исчезнуть» перед заключительным эпизодом первой части трилогии. На наш взгляд, делается это для того, чтобы переключить внимание читателя с индивидуальной судьбы героя на событие несравненно большего масштаба — «немое заседание» последнего сейма Речи Посполитой.

Писатель заставляет поручика Зарембу отойти от якобинского крыла. Этот поступок мотивирован автором. Первой причиной выступает социальное происхождение Зарембы: «господство черни (наблюдаемое Зарембой в Париже. — Г. С.) пробудило в нем человека господствующего класса» (т. II, стр. 192). Второй причиной послужило намерение радикального крыла противопоставить Костюшко Коллонтаю, организовать оппозицию «за спиной Начальника и, возможно, против него». С содроганием Заремба отвергает даже мысль об этом: «Военный гений лишь марионетка в руках Коллонтая! Вождь должен идти под начало попа?» (т. III, стр. 51). И, наконец, третьей причиной был смертный приговор для короля, вынесенный польскими якобинцами. Автор стремится психологически обосновать действия вчерашнего якобинца, выступившего против 33-х (!) членов клуба Защитников Свободы и проголосовавшего за сохранение жизни королю.

Не ради занимательности сюжета, а с целью показать нравственные переживания героя вводит он в реалистическую ткань повествования фантастический эпизод встречи замаскированного короля с Зарембой в апартаментах прорицательницы-маркграфини. Увидев короля за несколько минут до встречи (через магический кристалл), Заремба еще был его врагом. Прослушав же исповедь короля, — капитулировал, испытал при этом мучительные сомнения. Этот прием имеет свою традицию в европейском историческом романе. Как справедливо пишет Б. Рейзов, у Скотта «предрассудки и суеверия служат средством идеологического и психологического анализа. Смысл призрака — не в том, чтобы напугать нас, а в том, чтобы развернуть картину нравственных переживаний»⁷.

Переход Зарембы на умеренные позиции был началом некоторого противопоставления якобинцам Тадеуша Костюшко, которое мы наблюдаем в последней части трилогии. Личность Костюшко выдвигается на передний план, характеристике его уделяется много места в романе. Первоначально Реймонт даже назвал третью часть трилогии — «Костюшко», позднее название было заменено другим — «Восстание».

К сожалению, образ Костюшко в романе лишен психологической глубины. Это скорее символ восстания, чем живой человек. Осталась в стороне необычная, богатая событиями и интересными фактами личная жизнь Тадеуша Костюшко.

Образ Костюшко нельзя отнести к удачам романа, так как автор невольно исказил его, придав личности вождя национально-освободитель-

⁷ Б. Г. Рейзов. Творчество Вальтера Скотта. М. — Л., 1965, стр. 303.

ного движения налет прометеизма, жертвенности. Отступление от исторической правды мы видим в противопоставлении Костюшко польским якобинцам. Убежденный республиканец, Костюшко приветствовал Великую французскую революцию и в лице республиканской Франции видел возможного союзника восставшей Польши. Радикальные взгляды Костюшко, наиболее полно выраженные в «Мемориале о Польше»⁸, слабо отражены в романе. Не меняет положения умело реконструированная беседа Костюшко со своим соратником и секретарем Павликовским, где прозвучали известные слова вождя повстанцев: «Я не буду биться за одну только шляхту, я хочу свободы всей нации и только ради нее буду жертвовать своей жизнью» (т. II, стр. 86).

Реймонт рисует Костюшко прежде всего Начальником, Диктатором: «присягали свободе, равенству и Костюшко». В самом характере вождя народного восстания мы не видим активного стремления быть Начальником, Диктатором. Тут Реймонт близок к истине, поскольку Костюшко не по личной инициативе возглавил восстание, а был назначен Верховным начальником вооруженных национальных сил по решению руководства повстанческой организации. Писатель трактует образ Костюшко в мессианском духе, видя в нем избавителя, окруженного нимбом страдания, источающего святость и величие.

Характер Костюшко раскрыт не столько изнутри, сколько через отношение к нему других персонажей. Отношение это, можно сказать, мало критично. Мы видим офицеров, восхищенных простотой и гениальностью вождя, безоговорочно выполняющих его приказы («мало кто ему противоречил и в чем-либо контролировал», т. III, стр. 28). Мало правдоподобны в устах Костюшко монологи, где он рассуждает о судьбах народа, об исключительности своего назначения. Таким образом, в трактовке образа Костюшко Реймонт обнаружил в философском плане явную переоценку роли личности в истории.

Главной удачей романа является интерпретация темы народного восстания. Как пишет Генрик Маркевич, Реймонт застал «две отличные друг от друга идейно-художественные традиции»⁹ изображения восстания Костюшко. Первая из них романтическая, берет свое начало еще от драмы «Якуб Ясинский или две Польши» А. Мицкевича (1837). Согласно этой традиции революционная и патриотическая энергия масс противопоставлена измене и подлости магнатства. Сюда относятся «Горштынский» Словацкого (1835), «История сапожника Яна Килинского» Винценция Поля (1833), «Могила Костюшко» Бервинского (1844). Вторая традиция была распространена во второй половине века, преимущественно в Галиции. Она осуждала революционную направленность восстания, а участие в нем крестьян представляла как образец солидарности польского народа. Подчинение своих интересов общенародным означает здесь подчинение интересам правящего класса. В духе этой традиции написаны «Костюшко под Рацлавицами» (1880) Анчыца, «Килинский» Балудского (1893). Сам Маркевич оговаривается, что такой четкий раздел схематичен и что обе традиции смешиваются, например, в стихах Ленартовича, Уейского и в исторических повестях Ю. Крашевского.

В романе Реймонта перед читателем предстает широкая картина очень неоднородного по социальному составу и в идейном отношении лагеря повстанцев. Мы видим здесь офицеров, банкиров, купцов, духовных лиц, ремесленников. Рядом с ними — бесстрашные крестьянские парни, народные агитаторы во главе с Бараньим Кожушком, городская беднота.

⁸ См. Т. К о с т ю ш к о. Мемориал о Польше. В кн. Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей, т. I. Госполитиздат, 1956, стр. 506—507.

⁹ H. M a r k i e w i c z. Ibid, s. 333.

Основная заслуга писателя в том, что он, обращаясь к теме восстания, избежал «легенды солидарности», т. е. не представил восстание как единый патриотический порыв нации. В романе писатель показал магнатство, эгоистически добывающееся собственных привилегий любой ценой, даже ценой измены. И хотя некоторая часть шляхты пошла под знамена Костюшко, Реймонт все же не затушевал социальных противоречий между помещиками и крестьянами.

Суровый старый мечник приказывает высечь своего «раба» — крепостного Кацпера. Мечника приводит в ярость не столько ухаживание Кацпера за «шляхетским дитятей» Досей, сколько то, что Кацпер подстрекал молодежь к бунту, был «фармазоном и тайным якобинцем» (т. II, стр. 67). В лагерь Костюшко является помещик Яворский, чтобы забрать и отменно наказать сбежавших к повстанцам четырех своих крепостных (т. III, стр. 95—97). В сатирическом плане изображает Реймонт шляхту, напуганную слухами о начавшемся восстании. Карикатурны не только портреты провинциальных шляхтичей-помещиков, но и несоразмерность их притязаний, ни на чем не основанная уверенность, что они «соль земли» (т. III, стр. 67).

Реймонт подчеркивает несколько высокомерное отношение к мужикам даже со стороны шляхтичей — участников восстания. Храбрый рубака капитан Качановский скрепя сердце примиряется с вербовкой в повстанческую армию крестьян, хотя прекрасно понимает пассивность и реакционность шляхты: «Если бы шляхта защищала Речь Посполитую с таким же пылом, как она умеет защищать свое состояние и привилегии, ни одна вражеская нога не переступила бы наших границ» (т. III, стр. 78). Этот же Качановский скептически отзываясь о косинерах, которые поступили под его начало. Правда, некоторые эпизоды романа (например, пьяное братание шляхты с Бартошем Гловацким, разговор Зарембы с Костюшко по прибытии из восставшей Варшавы) грешат преувеличенным изображением энтузиазма шляхты во время восстания. Однако количество этих эпизодов незначительно, и они не меняют общей картины восстания, созданной писателем.

Реймонт показал участие народа в восстании, но не вывел крестьянскую массу на первый план повествования. В романе мы видим народ, поднявшийся на защиту «своей земли и веры святой». «Приносили последние гроши на закупку пороха, копили свои порции сухарей, готовы были к голоду, нужде, чтобы только подняться на борьбу» (т. I, стр. 292). Реймонт далек в то же время от идеализации героев из народа. Не только патриотический порыв приводил людей в леса, в формировавшуюся армию Костюшко. Писатель указывает на причины экономического характера: крепостные крестьяне убегали от поборов и притеснений помещиков, разоренные ремесленники брались за оружие, ибо были лишены возможности работать. Крестьяне надеялись, что получат свободу и землю. История впоследствии показала, какую большую ошибку допустил Костюшко, поддавшись давлению консервативной шляхты. Поланецкий универсал (7 мая 1794 г.), сохранивший барщину, разочаровал крестьянство и был причиной его отхода от восстания.

В городах народ испытывал нужду, возросла дороговизна, увеличились налоги. Писатель показывает, как растет недовольство горожан. На площадях, рынках все громче раздаются недовольные голоса. Простые люди стараются понять, кто же виноват в их бедствиях. Нужно отдать должное Реймонту, он не дает возможности толковать эти эпизоды романа в националистическом духе. Когда среди простого люда рождается предположение, что во всех бедах виноваты «москалы», тут же рождается возражение: «виной всему господу» (т. II, стр. 127).

В последней части трилогии этот социальный мотив, к сожалению, ослабевает. Писатель настолько увлекается картиной Варшавского восстания, что у читателя создается впечатление — в восстании участвуют все, за исключением жалкой горстки изменников-аристократов. С другой стороны, Варшавское восстание действительно было по своему характеру общенародным. На уличных баррикадах дрались даже женщины и дети; предводительствуемые сапожником Килинским и якобинцем Конопкой, горожане смело теснили войска Игельстрома. Заслуга Реймонта в том, что он первым показал народный характер Варшавского восстания. До него, если писали об участии народа в восстании, то имели в виду битву под Рацлавицами 4 апреля 1794 г. И, как считает Маркевич¹⁰, никто из историков того времени в своем изображении восстания не подчеркнул так настойчиво патриотической деятельности народных масс, как это сделал Реймонт на страницах последней части «1794 года».

Писатель завершает свою трилогию описанием победы Варшавского восстания. Концовка символичная, если вспомнить, что третья книга трилогии вышла в 1918 г. Не случайно книгу «Восстание» не печатали (до ее выхода в 1918 г.) в журнале «Tygodnik Pustrowany», как это было с первыми двумя книгами. В 1917 г. был напечатан в упомянутом журнале лишь отрывок из книги «Восстание» под названием «Выступление косинеров».

К сожалению, знакомство русского читателя с трилогией ограничивается первой частью — «Последним сеймом Речи Посполитой», изданной в 1929 г. в переводе Е. Троповского. К тому же книга стала чуть ли не библиографической редкостью. А между тем именно две последние части трилогии посвящены описанию непосредственной подготовки и самого восстания, т. е. основной теме романа. Распираются рамки повествования: творческая фантазия автора переносит нас в революционную Францию 1793 года. Этот сюжетный ход вполне оправдан, так как исторически достоверно наличие связей между польскими повстанцами и революционным правительством Франции. Известно, что в 1793 г. во Францию ездил вождь повстанцев Т. Костюшко с мемориалом, составленным им для министра иностранных дел Франции. Во второй части трилогии мы находим описание революционного Парижа, куда приезжает по заданию Клуба защитников свободы¹¹ Заремба.

По мнению польского литературоведа Леха Будрецкого, именно этим эпизодом «завершается компрометация польских якобинцев в романе»¹². Будрецкий ставит в вину автору также то, что мало внимания уделено в романе лидерам польских якобинцев — Коллонтаю и Ясинскому. Кроме того, по мнению критика, не соответствуют «исторической ситуации» изображенные в романе разногласия между умеренными и якобинцами¹³.

Вопрос об изображении Реймонтом радикальной части повстанцев — польских якобинцев довольно сложный. То, что писатель взял за характеристику якобинского крыла, уже само по себе является «в исторической повести того времени фактом необычным, поразительным, чуть ли не единственным»¹⁴.

Несомненно, что образы якобинцев в романе отмечены симпатией автора. Ясинский, Конопка, Павликовский, Хоментовский, ксбндз Майер наделены самым горячим патриотизмом, неудержимым желанием бороться за свободу. Привлекателен облик этих людей, их преданность делу освобождения Польши. Писатель называет якобинцев «неустранимыми трибунами

¹⁰ H. Markiewicz. Ibid., s. 353.

¹¹ Клуб защитников свободы — тайная обособленная организация левого крыла заговорщиков, существование которой исторически не подтверждено.

¹² L. Budrecki. Władysław Reymont. Warszawa, 1953, s. 180.

¹³ Ibid., s. 178.

¹⁴ H. Markiewicz. Ibid., s. 360.

мужицкой свободы» (т. III, стр. 111). Коллонтаю, главе польских якобинцев, посвящены такие строчки: «...это, несомненно, гений! Человек прекрасного дарования, огромного ума и железной воли..., сумел обуздать польскую анархию, сумел подчинить ясновельможных, сумел обеспечить удачный ход революции» (т. II, стр. 344). О Т. Марушевском, выдающемся деятеле левого крыла заговорщиков, Реймонт пишет: «неумолимый враг тиранов, предпочитающий всему свободу» (т. II, стр. 115). Значительное место в романе уделено фигурам Конопки, ксёндза Майера. Вымышленный герой трилогии Заремба вначале представлен яростным якобинцем, проповедующим повсюду якобинские максимы. Наконец, само название второй части трилогии «*Nil desperandum*» связано с якобинской брошюрой под тем же названием, которая появилась в Варшаве в 1793 г. и призывала к восстанию. Автором ее был французский якобинец К. Роке.

Нужно отдать должное писателю, который, хотя и не принимал якобинского террора, все же не очернил и не обошел молчанием завоеваний Великой французской революции. Он увидел эти завоевания и выразил их в метафорической форме: «Париж тех времен... на развалинах вековечного насилия возводил Храм Человечества, в котором религией были права человека, катехизис же состоял из трех слов: свобода, равенство и братство! Святые максимы будто орлы поднимались из дыма битв и кровавых смут и несли добрые вести к границам далеких краев и стонушим в неволе народам» (т. II, стр. 187).

В другом месте Реймонт говорит о заслугах якобинцев устами своих героев Капостаса и Костюшко. В этом эпизоде камергер Линовский спорит с приятелем Гуго Коллонтая ксёндзом Дмоховским о вкладе французских якобинцев в историю общества, приводя доводы *pro* и *contra*; к спорящим присоединяются Костюшко и Капостас.

— Не пугают меня их преступления или ошибки, когда только одно храню в памяти, что борются они с тиранами, гибнут за свободу и спасают отчизну! — сказал Капостас.

— И в этом их бессмертная заслуга, — заключил Костюшко (т. III, стр. 30).

Изображение в романе польских якобинцев было бы более полным, если бы автор уделил больше внимания раскрытию характеров Коллонтая и Ясинского. Очевидно, этот факт нельзя все же отнести к творческим просчетам писателя, как считает Л. Будрецкий. Скорее всего автор сознательно не выдвинул фигур Коллонтая и Ясинского на передний план.

Дело в том, что Реймонт приступил к разработке темы народного восстания, будучи уже автором «Мужиков». Великолепно зная быт и психологию польского крестьянина, писатель его глазами смотрит на вождя восстания — Тадеуша Костюшко. А в крестьянских массах о Костюшко ходили легенды, отождествлявшие его с фольклорными богатырями. Чем-то эти легенды напоминают те песни, которые слагали украинские крепостные крестьяне о своем народном герое Устиме Кармалюке. Возможно, что Реймонт опасался приуменьшить значимость влияния Костюшко в народных массах, поставив рядом с ним такие притягательные личности, как Коллонтай и Ясинский.

Изображение в романе левого крыла вышло бледнее не только потому, что в распоряжении автора было мало исторического материала для характеристики якобинцев. Здесь сыграли свою роль политические симпатии Реймонта: ему были ближе представители умеренного крыла.

Главная же заслуга автора трилогии заключается в том, что несмотря на ограниченность его политических взглядов роман «1794 год» явился не только творческим достижением Реймонта, но и определенным вкладом в развитие исторического романа вообще.



С. Н. АЗБЕЛЕВ

ОТЗВУКИ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ В СЕРБСКОМ И РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Около восьмидесяти лет назад Манойло Кордунаш опубликовал записанную им в Боснии юнацкую песню «Бој Руса са Татарима». Этот довольно большой текст (242 строки)¹ состоит из восьми эпизодов, которым предшествует небольшое вступление — обращение к богу и святому Георгию.

1. «Цар Татарин» пишет письмо на Русь царю Дмитрию и великому князю Владимиру, требуя прислать огромную дань:

Све од мушка до три оке злата,
А од женска до триста дуката.

(14—15)

2. Получив «књигу» татарского царя, опечаленный Дмитрий совещается с приближенными. По совету Владимира созывают «господу», которая решает согласиться на требования татар.

Па господу сву созвапа редом,
Они једно в'јеће учинише —
Што в'јећаше, то и завјећаше:
Дати арач цару татарскоме.

(60—63)

3. Царь Дмитрий ищет, кто бы отвез ответное письмо, обещая щедро наградить посла:

Дао би му земље и градове
Све од Лиске па до Бањелуке
И поста' би мојијем већилом.

(72—74)

Охотника не находится, и тогда объявляет о своем согласии «Петренија слуга». Он отказывается от награды, потребовав лишь в дорогу «чудновату капу кубашлију», которая может укрыть всадника вместе с конем от солнца и непогоды.

4. В пути Петрения распечатывает «књигу» и убеждается в том, какое известие ему вверено:

Кад он виђе, что му књига каже,
Књига каже, а истина права:
Дати арач цару татарскоме.

(109—111)

Посол рвет это письмо и затем является к татарскому царю.

¹ Српске народне пјесме. Скупио по бившој Горњој Крајини и за штампу приредио М. Кордунаш. Нови Сад, 1891 (№ 31), с. 141—148. Цифры при отрывках из песни означают номера строк.

5. Царь спрашивает о цели приезда. Петренция отвечает, что приехал убить его. По знаку, поданному царем, посла едва не лишают жизни, но три молодых бега добиваются его помилования. Тогда Петренция говорит, что он послан своим царем по поводу дани:

Да ми дадеш иљаду Турака
И још с њима до три бега млада,
Да и'водим у Русију равну,
Да покупе арач по Русији —
Све од мушка до три оке злата,
А од женска до триста дуката.

(142—146)

Татарский царь обрадован, он награждает Петрению и отправляет с ним на Русь трех молодых бегов с тысячей турок.

6. По совету посла царь Дмитрий рассылает турок на ночлег, приказав каждому хозяину убить своего постояльца. Три бега остаются с Петренией и утром узнают, что все турки повешены. Петренция отпускает бегов и велит сказать татарскому царю, что русские ждут его с войском:

Одје ћемо мегдан под'јелити,
Тко добје мегдан у Русији,
Нека купи арач по Русији.

(208—210)

7. Русские готовятся к сражению, татары тоже собирают силы:

Оде Петар цару Димитрији
И великом краљу Владимиру;
Они силну сакупише војску,
Изведоша у Русију равну.
Ал' ето ти цара татарскога
А он силну сакушо војску.

(211—216)

Петренция молит бога, чтобы ему довелось встретиться в бою с татарским царем.

8. Начинается битва. Сам царь Дмитрий и король Владимир поражают врагов, но некоторым удается спастись от их мечей. Зато никто не может спастись от меча Петренции. В страхе перед ним бежит с поля боя сам татарский царь:

У кочији на четири вранца,
Завука се баш у црно трње,
Не би до њег' до'ватили врази,
А камо ли Петренија слуга.

(239—242)

Появление такой песни в сербском фольклоре — факт интересный. Особенно если иметь в виду, что по крайней мере в той части русского фольклора, которая уже достаточно прочно вошла в научный обиход, пока не известны песенные тексты со сходным содержанием².

Песня «Бој Руса са Татарима» не раз привлекала внимание исследователей. Справедливо указывалось, что сюжет посвящен освободительной войне 1380 г., что сражение, о котором говорится в песне, — Куликовская

² Сделанная здесь оговорка обусловлена прежде всего существованием малоизвестных записей, среди которых могут быть обнаружены и совершенно неизвестные исторические песни. Это касается в первую очередь чрезвычайно ценного, но в значительной части не изданного архива П. В. Киреевского. Один из многих деятелей русской культуры, отдавших свои записи в его собрание, П. И. Якушкин писал в 1864 г.: «По сборнику песен П. В. Киреевского я полагаю, что самая старинная песня солдатская про Куликовскую битву. Но этой песни у меня нет под рукой, а ежели бы и была, я не имел бы права ее приводить». Сочинения П. И. Якушкина. СПб., 1884, стр. 149. (Пока эта запись не обнаружена.)

битва, что «цар Димитрија» — великий князь Дмитрий Иванович Донской, «велики краљ Владимир» — князь Владимир Андреевич Серпуховской, а «цар Татарин» — Мамай. В центре внимания ученых, писавших об этой песне, стоял вопрос не об отправном историческом событии — в данном случае достаточно очевидном, а о конкретных источниках. Уже первые наблюдения показали, что сербская песня основана на переложении какого-то русского текста. Так, были отмечены русизмы в языке: *к мени отпратио* (ко мне отправил), *како Рус умје* (умеет), *врази* — для обозначения военного неприятеля³, *свјета* — в качестве эпитета к *Русија*⁴. Указывалось, что ритм текста требует в некоторых строках произношения на русский лад, что в песне достаточно определенно проскальзывают нотки русского патриотизма (например, «*Бераћу га руски и јуначки, нек зна, болац, како Рус умје*») ⁵. Выяснено, что, в отличие от других связанных с Россией сербских песен, в данном случае «явление русской действительности, послужившее предметом песни, берется так, как это представляется глазами самих русских» ⁶.

Однако произведение имеет несомненные признаки длительного бытования в Сербии. В этой связи обращали внимание на следующее: «Татарский хан, запрашивая с Руси дань, измеряет ее оками и дукатами. Русский царь Дмитрий, вызывая гонца к царю Татарину, обещает смельчаку сербские земли от Лиски до Банья-Луки. Петр, отправляясь с Руси к царю Татарину, проезжает через Черногорию. Царь Татарин выступает в окружении беков и великого визиря» ⁷. Отмечалось, что зачин песни характерен именно для сербского фольклора, что в ней фигурируют такие понятия, как *краль*, *юнак*, *диван*, сербские суффиксы в именах русских персонажей, турецкие имена врагов ⁸, что само слово «татары» порой заменяется словом «турки» ⁹.

Вывдигалось несколько предположений о генезисе этого текста. А. Л. Погодин считал, что текст образовался из двух или трех песен разного происхождения. В основу легла, как полагал ученый, переделка русского духовного стиха, где говорилось, что Дмитрий и Владимир на требование дани посылают отказ, с которым Петр и едет в Орду; разгневанный татарский царь ведет на Русь огромное войско; оно терпит поражение, и царь бежит. Иному источнику обязана, по мнению А. Л. Погодина, вся центральная часть песни.

Разнородный состав песни приводит, по мнению исследователя, к смысловым недоразумениям. Так, А. Л. Погодину кажется немотивированным эпизод, когда Дмитрий не нашел никого, кто отвез бы послание татарскому царю ¹⁰. Но ведь это как раз весьма характерная для фольклорных произведений ситуация. Возьмем, к примеру, былинку, «Добрыня и Василий Казимирович»: никто из богатырей не берется выполнить поручение князя Владимира отвезти в орду дань и «повинную грамоту» ¹¹. Дело в том, что это «поручение, недостойное богатыря», замечает В. Я.

³ А. Л. Погодин. Српска народна песма о Куликовом боју 1380 г. «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», књ. 18, св. 1—2. Београд, 1938, с. 504.

⁴ Л. С. Шептаев. Сербская песня о Куликовской битве. «Русский фольклор», т. VIII. Народная поэзия славян. М.—Л., 1963, стр. 183.

⁵ А. Л. Погодин. Там же, стр. 504—505.

⁶ Л. И. Емельянов. Отражение исторической действительности в фольклоре. (Русские исторические песни XIV—XVI вв.) Дис. Л., 1958, стр. 251.

⁷ Л. С. Шептаев. Там же, стр. 183.

⁸ Там же, стр. 181, 182.

⁹ А. Л. Погодин. Там же, стр. 505.

¹⁰ Там же, стр. 504.

¹¹ См., например: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, т. II. Изд. 4. М.—Л., 1950, стр. 68—69.

Пропп; «роль такого посла не почетная, а унижительная»¹². «По тем же причинам, — пишет Л. И. Емельянов, — не везут татарскому хану „листака“ и русские люди в сербской песне. Они не хотят склонять голову перед завоевателем. Петр же берется за это поручение потому, что знает, что не выполнит его»¹³. И в ряде других случаев вернее было бы видеть не «утрату смысла», а недомолвки, обычные в произведениях фольклора, где многое должно дорисовываться размышлением самих слушателей.

Далее, А. Л. Погодин усматривает разнородность текста в том, что начало и окончание песни (возводимые им к духовному стиху) верно пазывают врагов Руси татарами, а центральная ее часть (о военной хитрости посла), совершенно забыв про татар, именует их турками¹⁴. В данном случае исследователь просто ошибся: на самом деле песня называет турками только тот вражеский отряд, который заманил и истребил Петрения, о чем повествуется в пятом и шестом эпизодах песни. Однако на протяжении этих же двух эпизодов шесть раз фигурирует «цар Татарин» и трижды употребляется эпитет «татарский». Идейный смысл упоминания турок легко понять на общем фоне проникновения в песню отголосков сербо-турецких отношений периода кровавого оттоманского владычества. Согласно трактовке сербских певцов, тысячу турок, оказавшуюся в татарском войске, Петрения заманивает, чтобы предать позорной смерти еще до сражения. Перед нами обычное для фольклора переосмысление под воздействием самых острых явлений живой действительности.

Окончательно ответить на вопрос, органична или неорганична в сербской песне ее центральная часть, позволяет сравнение с русским фольклором. Аналогичное повествование о действиях русского посла Захария Тютчева содержится в ряде вариантов средневековой Повести о Мамаевом побоище, причем как раз в тех из них, которые более всего обязаны фольклорным источникам. Издания этих текстов, видимо, не были доступны А. Л. Погодину. Не привлекал их и Л. С. Шептаев, который, однако, в общей форме заявил о своем несогласии с концепцией А. Л. Погодина относительно неоднородности песни. Л. И. Емельянов сопоставил ее с одной из таких разновидностей Повести — с так называемой четвертой, или «распространенной» редакцией¹⁵. Исследователь видит за ней народное предание, связанное генетически с сербской песней. «То, что и песня, и предание восходят к одному материалу, — пишет Л. И. Емельянов, — доказывается сходством отдельных эпизодов. Так, например, и там и здесь татарский хан пишет вызывающее письмо Дмитрию; там и здесь Петр (Захария) отправляется к хану с миссией мирного характера; там и здесь посол ловко обманывает татарского хана, лишая его части войска»¹⁶.

Сопоставления с русскими текстами могут быть значительно расширены — прежде всего за счет привлечения других редакций повести, особенно некоторых списков так называемой «основной» редакции. Узнав о намерениях Мамаю, великий князь Дмитрий «вelmi опечалился»; он призывает своего брата князя Владимира, других князей, бояр и служилых людей и совещается с ними. Затем, по совету митрополита, отправляет Мамаю «много золота», назначив для выполнения этой миссии «юнашу <...> именем Захария Тютеева»¹⁷. В Орде Захария делает вид, что под-

¹² В. Я. Пр о п п. Русский героический эпос. Изд. 2. Л., 1958, стр. 360.

¹³ Л. И. Е м е л ь я н о в. Там же, стр. 237.

¹⁴ А. Л. П о г о д и н. Там же, стр. 505.

¹⁵ Издана дважды. См. С. Ш а м б и н а г о. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, тексты, стр. 74—128; Повести о Куликовской битве. Изд. подг. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржиги, Л. А. Дмитриев. М., 1959, (далее — Повести), стр. 109—158.

¹⁶ Л. И. Е м е л ь я н о в. Там же, стр. 240.

¹⁷ Отдел рукописей Гос. Публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Собр. Погодина, № 1555, л. 34 об.—38.

дался на требования и посулы Мамай и готов перейти на татарскую службу. Он просит только позволить ему съездить в Москву, дабы покончить с выполнением поручения «прежняго своего государя». Для гарантии возвращения Захарии и по его же совету Мамай отправляет сопровождать посла трех своих приближенных, «да с ними 200 татаринов». С дороги Захария тайно извещает об этом великого князя. По прибытии в Москву «всех татар поимаша», а затем «разосла по градам и заточи». Узнав о происшедшем, Мамай «возъярися яростию великою и рече: „Аще како Москву возму, князя их убью, а тому же Захарию сам главу отсеку за его ложное слово“»¹⁸. Русские собирают войска. Бой начинается поединком Пересвета с татарским богатырем. В сражении участвуют и великий князь Дмитрий и князь Владимир. Русские побеждают, Мамай в страхе бежит с четырьмя своими князьями. В «распространенной» редакции рассказ в ряде моментов дальше отстоит от содержания песни. Так, Захарию сопровождают не три знатных татарина, а четыре, их отряд состоит всего из 50 человек; схватывают татар не по прибытии в Москву, а в дороге. Зато другие моменты, напротив, еще более сближают повесть с песней: сначала посол едва не убит в Орде за дерзость; отпуская его в Москву, Мамай дает оскорбительное письмо для великого князя; когда татары схвачены, Захарий сам читает и рвет письмо, а обрывки отсылает с одним из татар Мамаю. Доставив связанных врагов к Дмитрию, посол советует ему скорее собирать русские войска¹⁹.

Наиболее близко соответствует содержание русского предания, отразившегося в повести, содержанию сербской песни во втором, пятом и шестом эпизодах. С этим нельзя совместить гипотезу А. Л. Погодина о позднейшей вставке из нерусского источника, который будто бы привнес в песню нововствование о военной хитрости (т. е. пятый и шестой эпизоды). Гипотеза о существовании русского устного предания, как первоисточника для повести о Мамаевом побоище и песни «Бож Руса са Татарима» также нуждается в доказательствах. Разумеется, предание не могло сохранить в устной традиции именно тот вид, который имели его варианты, использованные повестью и песней. Но при наличии фольклористической записи этого же сюжета вопрос можно было бы считать решенным, разумеется, если записанный вариант не основан на пересказе самой повести.

По какой-то досадной случайности ни один из трех исследователей песни не привлек для сравнения превосходный фольклорный текст, который как раз и восполняет недостающее звено²⁰. Это — героическое сказание о Куликовской битве, которое было записано А. Харитоновым в Архагельской губернии и издавалось в составе собрания А. Н. Афанасьева²¹. Текстологическое сопоставление с Повестью о Мамаевом побоище показало, что она не является источником сказания²², текст которого распадается на 12 эпизодов.

¹⁸ Там же, л. 40 об. — 44.

¹⁹ Повести, стр. 121—124.

²⁰ Исследователю же всей проблемы «Куликовская битва в фольклоре» неизвестны были и песня «Бож Руса са Татарима» и упомянутый текст. См.: Б. Н. П у т л о в. Куликовская битва в фольклоре. Тр. Отд. древнерусской лит-ры, т. XVII, М.— Л., 1961.

²¹ Последнее изд.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева (далее — А. Н. Афанасьев). Подг. текст и примеч. В. Я. Пропп, т. III, М., 1958, стр. 36—42 (№ 317). Данный текст не является сказкой — в примечаниях В. Я. Проппа он определен как историческое предание (стр. 415).

²² Соответствующие доказательства приведены в моей статье «Куликовская битва в славянском фольклоре», где данное сказание рассматривается специально. См. «Русский фольклор», т. XI. Исторические связи в славянском фольклоре. М.— Л., 1968, стр. 86—94.

Первые четыре эпизода сербской песни не имеют прямого соответствия в сказании: его краткая экспозиция сообщает только, что князь Дмитрий отправил своего посла Захария Тютрина с данью к Мамаю. Пятому эпизоду песни во многом аналогичен первый эпизод сказания: прибыв в Орду, посол ведет себя вызывающе, Мамай в гневе решает воевать против Руси. Отъезд татарского отряда мотивирован иначе, чем в песне: 29 татарских богатырей тайно отправлены Мамаем для вероломного убийства посла на его обратном пути. Шестому эпизоду песни соответствует второй эпизод сказания: посол уничтожает этих врагов, но не хитростью, а в открытом бою, где он сражается против них один. Захарий шадит пятерых воинов и отправляет их к Мамаю. Далее в сказании идет эпизод, связанный основным мотивом, но не идеей с четвертым эпизодом песни: Захарий рвет татарские ярлыки и шлет весть Дмитрию, призывая собирать войска. Следующий эпизод сказания связан аналогичным образом со вторым эпизодом песни: Дмитрий созывает в Москве совет князей, бояр и богатырей, предлагая бегство. Но по настоянию собравшихся решает дать бой татарам. Седьмому эпизоду песни аналогичен пятый эпизод сказания: собираются русские войска, по жребию полк Захария должен вступить в бой первым. Мотив поединка, присутствующий в седьмом эпизоде песни, подробно разработан в седьмом и восьмом эпизодах сказания: перед началом битвы происходят два поединка русских воинов с татарскими богатырями. Краткому восьмому эпизоду песни в сказании соответствуют девятый и одиннадцатый эпизоды, где о сражении говорится гораздо более подробно. Но общие моменты налицо: в бою участвуют непосредственно и князь Дмитрий, и Захарий, битва завершается бегством врага ²³.

Перед нами, таким образом, три разных версии одного фольклорного сюжета. Самой ранней из них — и по времени своей письменной фиксации, и по степени соответствия реальной истории — является версия предания, отразившегося в Повести о Мамаевом побоище. Разные варианты этого предания, повлиявшие на разные редакции самой повести, не имели существенных различий. Наиболее характерная композиционная особенность этой первой версии (условно назовем ее так) по сравнению с последующими: неизвестно, участвовал ли Захария Тютчев в самой Куликовской битве; о нем говорится только в связи с событиями, ей предшествовавшими. Героическое сказание не соответствует версии предания в двух основных моментах: 1) вместо удавшейся хитрости посла — неудавшаяся хитрость Мамаю, со сходным, однако, результатом; 2) Захарий оказывается одним из главных действующих лиц и в самом сражении. Версия сербской песни в этом втором пункте принципиально сходна с версией сказания, зато эпизоды песни, посвященные военной хитрости посла, в основных своих моментах повторяют первую версию. Собственная особенность песни — ее третий и четвертый эпизоды. Однако эпизод с выбором посла в Орду при ближайшем рассмотрении оказывается основанным на трансформации идеи, намеченной еще в первой версии: «И потом князь великий нача избирати от двора своего от юных отроков. Избраша юношу довольна суща умом именем Захарию Тютчева» ²⁴. Эпизод, в котором посол порученную ему «книгу» вскрывает, читает сам и разрывает, тоже основан на повторении (хотя и с иным идейным смыслом) аналогичного мотива первой и второй версий.

Как мы видели, почти все мотивы сербской песни, за исключением нескольких, так или иначе присутствуют и в русских версиях рассматриваемого сюжета. В песне нет ни одного эпизода, который мог бы быть

²³ Эпизоды 10 и 12 сказания не имеют аналогии в песне, но имеют ее в повести: великий князь, изнемогший от боя, уходит с поля сражения; его отыскивают после победы.

²⁴ Повести, стр. 119.

объяснен как результат инородного включения и не был бы связан с той или иной русской версией.

Очевидно, однако, что записанные собирателями XIX в. устные тексты русского сказания и сербской песни несут и следы сравнительно поздних наслоений, которые не могли присутствовать в вариантах XIV—XV вв. К числу таких наслоений относится, например, упомянутая тысяча турок (вместо татарского отряда в древнерусском предании). Однако неизвестно, привнесена ли эта столь важная для сербских исполнителей деталь только ими. В русском героическом сказании любопытен его короткий шестой эпизод, на первый взгляд, вовсе не связанный с реальной историей. Приведем его полностью. «Втепор слышал шведский король про великое побоище, набрал силы сорок тысяч: „Подите, воины мои любимые, на поле Куликово, Москвы не хватаючи: станьте, мои воины, на бугры на высокие; станет Задонский князь Дмитрий Иванович побивать Мамаю безбожного — по Дмитрию Ивановичу пристаньте; буде Мамай безбожный побивать Дмитрия Ивановича — по Мамаю пристаньте“. Лукав был шведский король, велел по правой силе приставать! Турецкий король слышал про великое побоище, приказал набрать силы сорок тысяч и посылал их на поле Куликово — сам наказывал: „Воины мои любимые! Какую силу побивать будут, по той пристаньте“. Прост был турецкий король, по виноватой силе велел приставать!» (Далее не говорится, участвовало ли в битве какое-нибудь из этих войск)²⁵.

Очевидно, перед нами позднейший отголосок впечатлений от русско-шведских и русско-турецких войн. Упоминания здесь шведского короля и особенно «короля» турецкого вряд ли могли появиться ранее XVII в. Однако весьма возможно, что только данными упоминаниями и ограничиваются столь инородные наслоения. Согласно свидетельствам русских летописей, к Куликову полю, кроме армий Мамаю и Дмитрия Донского, двигались еще два войска: литовского великого князя Ягайла и рязанского князя Олега, обещавших помощь Мамаю. Первый из них опоздал на один день и, узнав о победе русских, повернул назад (об участии в самой битве войска Олега не говорится)²⁶. Со многими подробностями явно фольклорного происхождения эта тема трактуется и Повестью о Мамаевом побоище. Вряд ли есть причины сомневаться, что соответствующие мотивы присутствовали в древних устных протографах нашего героического сказания. Возможно, что сербская песня восходит к такому из этих протографов, где уже успело появиться упоминание турецкого войска на месте литовского или рязанского. А это уже легко могло породить дальнейший домысел, что в русско-татарской войне турки составляли часть военных сил татарского царя. Тем более что в реальной истории XVII—XVIII вв. татарское Крымское ханство, печально памятное своими набегами на славянские земли, связано было, как известно, вассальными отношениями с Турцией и участвовало в ее войнах.

Такое переосмысление национальности союзников Мамаю легче всего могло произойти в среде казаков, столь долгое время выполнявших задачу обороны от нападений со стороны татарского Крыма и Оттоманской Турции. Именно на эту среду вполне определенно указывает другая поздняя деталь сказания. Захарий Тютрин, поручив князю Дмитрию собирать русские войска, сам едет «в свое место», чтобы «собирать мохначей, бородачей — донских казаков»²⁷. Далее он предводительствует полком этих казаков, который вступает в бой первым и сражается особенно успешно.

²⁵ А. Н. Афанасьев, стр. 39.

²⁶ См., например: Полное собрание русских летописей, т. VI. СПб., 1853, стр. 90—92, 96—97.

²⁷ А. Н. Афанасьев, стр. 37.

Указанные обстоятельства свидетельствуют, во всяком случае, что ареал распространения сюжета некогда был гораздо шире, чем в момент записи текста. В Сербию этот сюжет не обязательно перенесен из центральной России — как, вероятно, думал А. Л. Погодин, высказавший догадку, ничем, правда не подкрепленную, о возможности посредничества Пахомия Серба²⁸.

В каком именно оформлении произведение могло попасть в Сербию, прямых данных нет. Однако те особенности сербского текста, о которых говорилось вначале, свидетельствуют, что песня «Бој Руса са Татарима», используя содержание своего русского источника, испытала и некоторое воздействие его словесной и даже ритмической формы. А следовательно, форма источника была уже песенной.

²⁸ Нет нужды рассматривать специально все другие его догадки; коснемся еще только одной — о возможном прототипе главного персонажа песни. Очевидно, в связи с мотивом желаемого Петренней поединка А. Л. Погодин высказал предположение, что Петр — христианское имя Пересвета (стр. 505). Пересвет был монахом, и речь, следовательно, должна идти о его монашеском имени. Но оно было не Петр, а Адриан или Родион. См. Сергей. Полный месяцеслов Востока, т. II. Изд. 2. Владимир, 1901 стр. 570.



М. ЯНАКИЕВ, Н. В. КОТОВА

О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ ЭДИЦИОННОЙ ПАЛЕОСЛАВИСТИКИ

Новые веяния в лингвистике, связанные с идеями Ф. Соссюра и И. А. Бодуэна де Куртенэ, совсем не ощущаются или ощущаются очень слабо в филологических исследованиях фактов исчезнувших, ныне мертвых языков и более ранних этапов развития современных языков. Особенно подчеркнуто воздерживаются от использования новых теоретико-лингвистических трактовок филологи, занимающиеся публикацией старых текстов. Издания старых памятников письменности, осуществленные во второй половине XIX в. наиболее компетентными, наиболее эрудированными филологами того времени, поражают современного лингвиста своей обдуманностью и компактностью, легко дают ему элементарную и наиболее часто нужную информацию, так что он привыкает считать эти издания совершенными. Таково положение в палеофилологии вообще, таково оно и в палеослави- стике.

Авторитет И. В. Ягича и С. Н. Северьянова как эдиторов настолько стабилен, что в последние несколько лет часть их изданий старославянских памятников была факсимилирована и отпечатана без изменений. Но и тща- тельно подготовленные в последнее время публикации старых памятников славянского происхождения следуют без изменений эдиционным традициям И. В. Ягича, В. Н. Щепкина, С. Н. Северьянова.

Однако с каким бы почтением современный лингвист ни относился к грандиозной эдиторской работе, проделанной в XIX в. и начале XX в., он не может не испытывать трудностей, пытаясь извлечь из имеющихся публи- каций старых текстов более «современную» лингвистическую информацию: 1) о количественных и качественных характеристиках тех типов фактов, которые имеют соответствия в аллоэмической терминологической системе (графемы, фонемы, морфемы, их варианты — аллографы, аллофоны, алломорфы — и их сочетания, синтагмы); 2) об отношениях между гра- фемами, рассматриваемыми как компонент письменной практики, и фоне- мами — соответствиями графем в устной речевой практике; 3) о структуре языка (*langue*), породившего изданный текст, о степени ее «чистоты», т. е. о ее стилистических «подструктурах».

Настоящая статья имеет целью привлечь внимание лингвистов к основным, принципиальным проблемам, возникающим при попытке пред- ставить издание старого славянского текста, соответствующее современ- ному состоянию теоретической лингвистики, при максимальном исполь- зовании возможностей современной техники.

Г л о т т о м е т р и ч е с к и е п р о б л е м ы

Прежде всего возникают проблемы, связанные с количественными характеристиками текста, — проблемы, которые мы будем называть глоттометрическими¹. Первая из них — в какой степени издатель текста должен быть и его исследователем. Если издатель поставит своей целью дать очень подробное исследование издаваемого им текста, издание может задержаться на десятилетия, и работающие в данной области не смогут использовать ценную информацию²; наряду с этим, чем детальнее исследование, тем менее полезным оно делает само издание текста, который с увеличением объема исследования превращается в не особенно нужное приложение. Вот почему разумным решением проблемы было бы дать читателю возможно более компактную информацию о содержащемся в тексте, а не толкования этой информации.

Такое решение логически ведет к решению другой проблемы: только ли издаваемым текстом должен заниматься издатель или он должен заниматься и «памятником», т. е. «внешней историей» текста³, отношением его к другим подобным текстам? Изучение связей между издаваемым текстом и другими подобными текстами является частью именно подробного исследования текста, которое, если мы не хотим превратить его в некоторую совокупность весьма общих и потому не особенно убедительных утверждений, может задержать издание⁴.

Какие еще глоттометрические проблемы можно решить после такого решения двух указанных выше проблем?

Тексты, с которыми мы имеем дело в палеославиистике, состоят из двух типов фактов — частых (схнотипы) и редких (спаннотипы)⁵. Частые как правило более простые или элементарно простые, т. е. настолько простые, что мы рассматриваем их репрезентанты как атомарные (в первоначальном смысле этого слова, неразложимые на более простые) факты. Редкие обычно сложны, т. е. составлены из более простых и более частых фактов. Для пользующегося изданием было бы целесообразно индексирование составляющих текст фактов, т. е. классификация по различным признакам с указаниями, где эти факты находятся в тексте (сигнатуры, адреса). Составление хороших индексов к изданию текстов — работа, требующая высокой лингвистической квалификации, работа, при которой издатель должен принимать во внимание не только требования лингвистики, но и психологию ищущего информацию человека.

Индекс должен быть построен так, чтобы можно было максимально быстро находить извлеченную из текста информацию об интересующих нас

¹ О термине «глоттометрический» см.: Н. В. Котова, М. Янакиев. Составление некоторых количественных характеристик славянских языков. В сб. «Славянская филология», вып. 7. М., 1968, стр. 58.

² Так, например, от издания снимков Ассеманьева евангелия (1929 г.) до издания кириллической транслитерации текста (1955 г.) Й. Курцем прошла четверть века, причем к транслитерации не приложен ожидаемый лингвистический анализ памятника. Но практика публикации исследования текста отдельно от издания самого текста, ставшая традицией в палеославиистике, неудобна для лингвистики. См., например, монографию А. Маггулиэс. *Der altkirchenslavische Codex Suprasliensis*, Heidelberg, 1927, которая не является частью издания Супрасльского сборника.

³ Ср. по этому вопросу: Л. П. Жуковская. Лингвистические данные в текстологических исследованиях. В сб. «Изучение русского языка и источниковедение». М., 1969.

⁴ Примером того, насколько «поиски памятника в тексте» могут увеличить объем работы, является I том издания Тихонравовского дамаскина (см.: Е. И. Демин. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Часть I. Филологическое введение в изучение болгарских дамаскинов. София, 1968). Здесь на 235 страницах большого формата определяется место Тихонравовского дамаскина среди других болгарских дамаскинов, а публикация самого текста будет осуществлена в отдельном томе.

⁵ См.: Н. В. Котова, М. Янакиев. Там же, стр. 59.

типах фактов без опасности утонуть в море сигнатур, но и без многократного перелистывания, без необходимости делать подсчеты, если мы интересуемся «удельным весом», частотой, долей количества фактов определенного типа, но и без опасности пропуска редких типов фактов, даже единичных (*ἄπαξ λεγόμενα*).

При индексировании сихнотипов (наиболее частых типов фактов) текста перечисление адресов их репрезентантов теряет смысл. Если, например, сихноморфема « \therefore » (четверсточие) в паримейнике Григоровича реализуется около восьми тысяч раз, т. е. в среднем по сорок раз на каждой странице, давать в перечне графем сигнатуры всех четверсточий явно бессмысленно. Однако и следовать за И. В. Ягичем, который в отличном издании «Codex Marianus», например, для чрезвычайно частого же указывает только *saepissime occurit*, не соответствовало бы современному состоянию лингвистики.

Современная наука располагает проверенной методикой для описания больших массивов фактов — математической статистикой. Согласно математической статистике массово появляющийся тип фактов характеризуется совокупностью чисел, параметров некоторой хорошо аппроксимирующей распределение его появлений в тексте математико-статистической модели. Количественные лингвистические исследования, проведенные до настоящего времени, показывают, что почти всегда хорошо аппроксимирует распределения частых типов фактов в текстах модель, называемая обычно «нормальным распределением». А нормальное распределение определяется двумя параметрами: 1) средней частотой типа фактов в одинаковых по размеру отрезках текста (\bar{x}); 2) дисперсией частот этих появлений в равных отрезках текста около средней частоты (σ^2) или ее квадратным корнем, средним квадратическим отклонением (σ).

Вот почему для удовлетворительного описания сихнотипов фактов в издаваемом тексте необходимо каждый из них характеризовать двумя числами (\bar{x} и σ^2 или σ). А для того, чтобы \bar{x} и σ получали быстрое и легкое толкование и могли быть сразу использованы в сопоставительных исследованиях, единица измерения (моно- X -а ⁶, обычно «монофона» ⁷) размера текстовых сегментов, на основе которых вычисляются \bar{x} и σ , должна быть фиксированной и всегда соблюдаться; размером же текстовых сегментов (проб) удобнее всего брать размер, равный числу единиц измерения, кратному десяти (лучше всего дека- X -а, гекто- X -а, кило- X -а) или по крайней мере пяти. Пробы, путем математико-статистической (глоттометрической) обработки которых вычисляются \bar{x} и σ , образуют «репрезентативную выборку». Для вычислений наиболее удобно, если количество проб будет кратным десяти (например, 10 гекто- X). Минимальное количество проб определяется правилами, установленными математической статистикой.

У филологов существует неверное представление о точности количественного лингвистического описания текста. Описание считается «точным», если в нем указывается с точностью до единицы количество репрезентантов всех типов фактов. Распределение репрезентантов типов фактов в тексте, согласно математической статистике, характеризуется удовлетворительно по крайней мере двумя параметрами, один из которых (σ) можно вычислить, лишь разделив текст на части (пробы). А сообщение количества фактов с «точностью» «до единицы» дает представление только о (средней) частоте типа и лишь при условии, что известен размер всего описываемого текста. Так, например, в индексе лексем, представляющем часть во многих отношениях образцового издания «Изборника 1076 г.», наряду с сигнату-

⁶ См.: М. Я н а к и е в. Основы теории орфографии. «Вопросы языковедения», 1963, № 5, стр. 49—50.

⁷ См.: Н. В. К о т о в а, М. Я н а к и е в. Там же, стр. 65—67.

рами всех репрезентантов каждой лексемы, реализованной в тексте, указывается и количество этих репрезентантов. Однако нетрудно на конкретных примерах увидеть, что «точное» до единицы число с математико-статистической (глоттометрической) точки зрения недостаточно показательно. Так, из индекса лексем, включенного в издание «Изборника 1076 г.», видно, что лексемы **бывати** и **въпрось** имеют одинаковое количество реализаций в тексте — 32. А дисперсия появлений лексемы **бывати**, которую вычисляем, разделив текст на 5 равных частей ($\sigma^2 = 2,3$) более чем в 28 раз меньше дисперсии появлений **въпрось** для тех же пяти равных частей ($\sigma^2 = 65,3$), т. е. математик-статистик нисколько не усомнился бы в существенном различии между распределениями этих двух лексем, несмотря на одинаковое количество их реализаций в тексте⁸.

Точности в описании сихнотипов можно достичь, охарактеризовав их поведение в тексте не только оценкой \bar{x} , но и оценкой σ . Лишь для редко реализующихся типов фактов (спаниотипов) достаточно исчерпывающе указать в индексе сигнатуры (адреса) их реализаций. Естественно возникает вопрос: где граница между сихно- и спаниотипами фактов? Ее следует искать в минимизации усилий, которые должен затратить читатель, чтобы получить необходимую ему информацию от изданного текста. Практика показывает, что лингвист убеждается в наличии некоторого класса фактов после того, как ему приведут десять—двадцать примеров. А если для какого-либо типа фактов в индексе указано более двадцати сигнатур, они или не будут все до конца просмотрены читателем, или читатель решит, что в данном типе следовало бы искать подтипы. Вот почему было бы разумным раздроблять, где это возможно, статьи индекса, пока в каждой статье не окажется самое большее по двадцати сигнированных репрезентантов. При количестве репрезентантов более двадцати мы можем говорить о сихнотипе, который, с одной стороны, подлежит «раздроблению», а с другой — статистической обработке.

В лексикальных индексах этот принцип автоматически почти соблюдается, так как для каждой аллолексы адреса указываются отдельно, хотя и объединены в одну статью; и только небольшое количество статей, главным образом для неизменяемых слов, перегружено более чем двадцатью адресами. Так, в индексе «Изборника 1076 г.» в «раздроблении» нуждаются статьи только около сорока лексем, и только пять из них — статьи флективных лексем («изменяемых слов»): **себе**, **быти**, анафорическое местоимение **и**, **ты** и **богъ**. Только у этих пяти лексем есть аллолексы, реализованные в тексте значительно более двадцати раз.

С индексированием грамматических, фонематических и графематических типов фактов положение иное. О его специфике мы будем говорить ниже, здесь ограничимся лишь одним общим замечанием: современный лингвист рассматривает все типы фактов аналогичным образом, и поэтому индексированию в принципе подлежат не только лексические, но и все прочие типы лингвистических объектов — грамматические морфемы, фонемы, графемы. Кажущиеся различия в их описании объясняются различной частотой их реализации. Указание адресов реализаций очень частых фактов бессмысленно, но это не означает, что их редкие варианты не заслуживают специального внимания и адресования. Принцип очень просто формулируется следующим образом: реализации всех спаниотипов фактов (типов фактов, имеющих менее двадцати реализаций в тексте) даются с их адресами в соответствующем индексе, а обо всех сихнотипах фактов (т. е.

⁸ Оценка сделана на основе так называемого F-критерия Фишера. См.: В. Ю. Урбан. Биометрические методы. М., 1964, стр. 163—164.

типах с более чем двадцатью реализациями в тексте) дается глоттометрическая (обработанная математико-статистически) информация.

При адресовании и глоттометрической обработке описываемых типов фактов возникает еще одна проблема — проблема выбора способа связи адресов с измерением объема текста. Существующая традиция адресовать факты указанием номеров листов и строк неудобна для глоттометрии, так как она не дает возможности для глоттометрических сопоставлений: страницы одних памятников значительно больше страниц других, величина букв также различна.

По причинам, которые мы здесь не обсуждаем⁹, наиболее целесообразно адресовать лингвистические факты указанием номеров их начальной монофонии или, если эти факты не имеют фонетической стоимости, указанием номеров монофон, между которыми они стоят. Т. е., говоря не вполне точно, номеруются звуки текста, и по их номерам находится место всех других фактов (реализаций графем, фонем, морфем). Конечно, нумеровка фонем — процесс трудоемкий, но скрупулезность хорошего эдителя известна, а введение предлагаемой здесь практики обещает столько удобств в будущем в связи с машинной обработкой заключенной в тексте информации, что «монофонное» адресование должны были бы встретить с радостью издатели старых текстов.

Графематика и фонематика

Вторая группа проблем, возникающих при современном издании старых текстов, связана с выявлением отношений между письменной и устной реализациями языка. Подробное обсуждение этой проблемы выходит за рамки настоящей статьи. Здесь только необходимо подчеркнуть, что при анализе письменной специфики текста (его графематики) мы можем абстрагироваться от ее фонематических коррелятов, так как непосредственно нам дана именно графематика. Но при этом нельзя абстрагироваться от каких бы то ни было зрительно воспринимаемых результатов человеческого труда, вложенного в текст. В сущности, подобное требование стремились удовлетворить палеографические разделы хороших изданий старых текстов и во времена И. В. Ягича и С. Н. Северьянова, но в настоящее время мы в состоянии достичь гораздо больших результатов.

С одной стороны, современная фотографическая и полиграфическая техника, если их использовать в эдиционной и текстологической работе хотя бы в той степени, в какой их использует криминалистика, в состоянии обеспечить публикацию, которая даже при простом просмотре даст больше информации о тексте, чем просмотр самого рукописного текста, и притом сделает возможным его одновременный просмотр большим количеством людей. С другой стороны, легкость факсимильного издания старых текстов побуждает издавать только или почти только клише страниц памятников. Такая практика с основанием не одобряется лингвистической общественностью¹⁰. Факсимильное издание требует больших средств на всякий отпечатанный экземпляр, чем средства, необходимые для обычных черно-белых и даже цветных фотокопий страниц памятника, а качество отпечатков в нем не выше качества фотокопий.

Это не означает, что типографское воспроизведение факсимиле, особенно цветных, совсем устарело. Как часть издания текста оно все еще остается лучшим способом предохранения оригинала от изнашивания при палеографических справках, требующих зрительного ознакомления с содержащейся в тексте информацией. Конечно, наряду с воспроизведением факсимиле было

⁹ См. об этом: Н. В. Котова, М. Янакиев. Там же, стр. 65—67.

¹⁰ См.: Р. М. Цейтлин. *Юсип Врана. Вуканово еванђеље*. «Советское славяноведение», 1969, № 2, стр. 116.

бы уместно включить в комплект издания цветной диафильм для демонстрации страниц текста, позволяющей их рассматривать в значительно увеличенном формате и большему числу людей (при преподавании и исследовании текста).

Если в тексте есть трудно читаемые места и особенно если мы имеем дело с палимпсестом, издатели памятника должны постараться использовать все достижения современной фотографии, чтобы сделать ясно видимым все, что было написано или нарисовано на пергамене или бумаге. При известном старании даже без специальной аппаратуры можно получить факсимиле водяных знаков на бумаге, которые и до сих пор перерисовываются или описываются. Не следует забывать, что палеославистика все еще только «знает» о двух глаголических памятниках — смытых текстах, по которым написаны части Боянского и Зографского евангелий. Отчасти палимпсест, но со смытым греческим текстом, представляет собой и паримейник Григоровича, не говоря о более поздних памятниках.

Но обработка графематики добросовестно подготовленного к изданию текста не сводится к фототехническим операциям по выявлению нечитаемого. Традиционная же палеография нуждается в значительном усовершенствовании, чтобы удовлетворить современного лингвиста-теоретика. В настоящей статье, естественно, могут быть предложены для обсуждения только самые основные проблемы такого усовершенствования.

Теория анализа почерков сейчас интенсивно развивается как база для операций, помогающих криминалистам. Поставленная в соответствие с современными лингвистическими теориями описания языка, она могла бы кое-чему научить и эдителя старых текстов. Можно и нужно упорядочить понятийную систему, которую применяют палеографы при описании многообразия графем. Этого можно достичь, пользуясь аппаратом аллограф и графических дифференциальных элементов¹¹.

Что касается фонематики текста, то при ее описании следует помнить, что эдитор ее извлекает из графематики с помощью трансформационных процедур, характер и обоснование которых необходимо показывать читателю в возможно более доступной форме. При этом в современном издании нельзя по традиции пропускать фонетическую информацию, содержащуюся в пунктуационных графемах. Хорошее описание употребления пунктуационных графем может натолкнуть на серьезные размышления многих современных синтаксистов.

При описании графем, графемных дифференциальных элементов, фонем и фонемных дифференциальных элементов также необходима информация о количественном (глоттометрическом) распределении их появлений в тексте. И здесь применимы принципы описания частых (более 20 появлений) фактов с помощью \bar{x} и σ , а редких — исчерпывающим адресованием. Таким образом можно преодолеть скудость графематических и фонематических разделов описаний, составляющих часть изданий старых текстов.

М о р ф е м а т и к а и л е к с и к а

Сказанное выше применимо и к морфемам несловам, реализуемым часто или редко в тексте. Если эдитор признает, что морфема, а не слово, является основным, элементарным смысловым компонентом языковой системы (это теоретически сейчас признают все лингвисты), он постарается информировать читателя о распределении в тексте не только лексем (в большинстве случаев редко появляющихся морфем, спаниоморфем), но и о распреде-

¹¹ Интересную попытку в этом направлении сделала в своей кандидатской диссертации Е. М. Сморгунова. См. ее автореферат: Графика смоленской скорописи XVII в. М., 1967.

лении более часто реализуемых грамматических морфем (сихноморфем). В традиционной эditorской практике информация о сихноморфемах так же лапидарна, как и информация о графемах и фонемах.

Однако описание морфем неслов, как и морфем слов (лексем), ставит и новые проблемы вследствие того, что эти языковые факты являются носителями семантики, о которой издатель также должен дать информацию. Очень многие памятники славянской древности, как известно, представляют собой переводы с греческого (на востоке и юге) и латинского (на западе), причем переводы, очень близко следующие оригиналу. Вот почему опасно исследовать старые славянские тексты без сопоставления с оригиналами, с которых они переведены. Это обязывает эдтора палеослависта приводить в издании и оригинал (греческий или латинский) рядом со славянским текстом, тем более, что оригинал часто опубликован в трудно доступных старых книгах.

Иноязычный оригинал облегчает работу эдтора при описании семантики реализуемых в издаваемом тексте морфем (именно морфем, а не лексем). Однако недостаточно приводить в индексе иноязычные морфемы только после их славянских соответствий. К сожалению, даже от этого воздержались издатели «Изборника 1076 г.»; к тому же они помещают греческий текст не рядом со славянским, а отдельно, в конце издания, что затрудняет справки. Необходим также отдельный индекс, в котором иноязычные морфемы были бы даны в алфавитном порядке, а рядом с ними указывались бы их славянские соответствия. Аналогичное решение разумно и для современных переводов старых славянских морфем. Отдельный алфавитный индекс современных переводов старых славянских морфем был бы важным источником для семантических наблюдений над историей славянских языков.

Ст р у к т у р а я з ы к а т е к с т а

Все рассмотренные до сих пор проблемы, относящиеся к изданию текста, как, вероятно, уже ясно, затрагивают способы подачи более компактной, но и более исчерпывающей информации о тексте как готовом продукте языковой деятельности человеческого коллектива определенной эпохи и определенной национальности. Поскольку, однако, современный лингвист стремится в тексте (*parole*) найти структуру, устройство породившего текст механизма языка (*langue*), эдтор лучше всех, очевидно, знающий текст, должен ориентировать читателя и в этом отношении.

Так как этот механизм, называемый еще грамматикой, представляет совокупность разрешений и запретов определенных типов сочетаний морфем, эдтору следовало бы написать «грамматику», соответствующую издаваемому тексту, одновременно исчерпывающе указав и отклонения от этой «грамматики» в тексте, т. е. дав сведения и о стилистических особенностях языковой структуры, породившей текст. Однако в данном случае не идет речь о новой проблематике. Что в хороших традиционных изданиях проблемы структуры языка, породившего текст, ставились и отчасти решались, можно доказать, напомнив рассуждения Ягича о национальности переписчика Мариинского четвероевангелия — рассуждения, которые могут быть поучительными и для современного специалиста по структурной лингвистике, и для современного специалиста по стилистике.



ДОКУМЕНТЫ ДМИТРИЯ БЛАГОЕВА

Ниже публикуются недавно обнаруженные в советских архивах два документа выдающегося деятеля международного и болгарского революционного движения Дмитрия Благоева (1856—1924 гг.).

Начало его революционной деятельности неразрывно связано с рабочим движением России. В 1883 г. Благоев явился организатором первой марксистской группы в России. В 1885 г. он был выслан на родину, где в 1891 г. вместе со своими единомышленниками основал Болгарскую социал-демократическую партию. Острая идейная борьба с оппортунизмом, развернувшаяся в рядах партии, завершилась ее расколом, организационным оформлением ее левого крыла в самостоятельную Болгарскую рабочую социал-демократическую партию (тесных социалистов) — БРСДП (т. с.). Руководителем этой революционной марксистской партии болгарского пролетариата был Д. Благоев.

В 1919 г. БРСДП (т. с.) вслед за РКП(б), наряду с другими рабочими партиями, была инициатором создания III Коммунистического Интернационала, и с мая того же года стала называться Болгарской коммунистической партией (БКП). Болгарские коммунисты, в частности Д. Благоев, на всех этапах борьбы отстаивали принципы пролетарского интернационализма, поддерживали тесные связи с революционной Россией и международным рабочим движением.

Публикуемые документы отражают отношение Д. Благоева к важнейшим событиям в истории международного революционного движения.

Первый документ — телеграмма Д. Благоева Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов по случаю победы Февральской революции в России. Ранее был известен текст этой телеграммы, напечатанный 24 апреля 1917 г. в газете «Рабочий вестник». Публикуемый текст позволяет уточнить некоторые моменты, связанные с посылкой телеграммы, в частности дату ее получения. Телеграмма на французском языке хранится в Архиве внешней политики России.

Второй документ — ответное письмо Д. Благоева на приглашение Исполкома Коминтерна принять участие в работе III конгресса Коммунистического Интернационала. Письмо, написанное Благоевым 15 мая 1921 г., лишний раз свидетельствует о его личной скромности, глубоком уважении и внимательном отношении к соратникам по партии. Представляет интерес та краткая, но яркая характеристика, которую дает Д. Благоев В. Коларову и Т. Луканову, возглавлявшим делегацию БКП на III конгрессе Коминтерна. Письмо Д. Благоева хранится в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

В. М. Ендакова, М. М. Сумарокова

Т е л е г р а м м а

Принята 12 апреля 1917 г.

Из Стокгольма

Совет рабочих и солдат, Петроград

София (через социал-демократов в Стокгольме)

Социалистический пролетариат Болгарии с восторгом и восхищением приветствует героическую борьбу российского пролетариата за свободу, выражает братские, самые сердечные чувства, желает ему полной победы, создания Российской Демократической Федеративной Республики, установления всеобщего мира. Балканские рабочие ожидают, что европейский пролетариат выполнит свой долг, оказав поддержку революционному российскому пролетариату и продолжив начатое им дело. Для балканских народов Русская революция имеет огромное значение не только потому, что она отвела опасность завоевания со стороны деспотической и империалистической России, но и потому, что указывает путь к их собственному объединению в свободную демократическую федерацию.

Да здравствует Русская революция!

Да здравствует солидарность международного пролетариата!

Центральный комитет партии

Центральный комитет профсоюзов

парламентская группа

Благоев

Архив внешней политики России, фонд: Кан-
пелярия 1917, оп. 470, д. 159, л. 20 — 21.
Телеграфный бланк, текст на французском
языке.

Болгария, София

15 мая 1921 г.

Товарищу Председателю Исполнительного Комитета

Коммунистического Интернационала

Дорогой товарищ!

Получил приглашение Исполкома взять * участие в III конгрессе Коминтерна в качестве члена делегации Болгарской Коммунистической партии. Но к моему глубокому сожалению я не в состоянии предпринять такое далекое путешествие. Я не здоров, и по советам врачей мне необходимо полнейшее продолжительное спокойствие. Боюсь, что не выдержу, а если бы выдержал, то приехал бы к Вам совершенно больным и ни к чему не способным, и был бы просто только в тягость товарищам. ЦК Болгарской коммунистической партии посылает делегацию во главе двух своих секретарей **, одних из самых лучших деятелей-коммунистов. Я убежден, что они будут Вам и Коминтерну полезнее меня.

Ввиду всего этого наипокорнейше прошу Вас, дорогой товарищ, извинить меня перед Исполкомом и передать его членам мои горячие коммунистические приветы.

Преданный Вам

Д. Благоев

ЦПА ИМЛ. Из коллекции необработанных документов.

* Так в тексте.

** В. Коларов и Т. Луканов (примеч. ред.).



К ИСТОРИИ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ МИЦКЕВИЧА

К плеяде русских переводчиков Мицкевича, которую дал XIX век, в начале нашего столетия добавилось много новых имен; среди них имена таких выдающихся поэтов, как В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт, И. А. Бунин. Однако даже в самом полном указателе русских переводчиков Мицкевича ¹ не значится В. Ф. Ходасевич (1886—1939), а выполненные им переводы произведений «Пушкина польской литературы», как он назвал создателя «Пана Тадеуша», до сих пор оставались неизвестными нашей общественности.

Талантливый и самобытный поэт ², Владислав Ходасевич немало занимался также переводами. «В 1916—1918 гг., по поручению различных издательств, мне случилось перевести довольно много стихов для так называемых „инородческих“ сборников: еврейских, армянских, латышских, финских», — писал он в предисловии к сборнику «Из еврейских поэтов» ³.

Во время первой мировой войны в России с особой силой развернулась борьба вокруг «польского вопроса», в которой приняли участие в той или иной форме многие русские писатели. С этим был связан, кстати, и повышенный интерес русской читающей публики к литературе многострадальной Польши ⁴.

В 1915 г. в Петроград издательством «Прометей» был выпущен под редакцией Марии Моравской литературно-художественный сборник с весьма символическим названием «Мы помним Польшу». Открывался он стихотворением Эдварда Слоньского «Та, что не погибла» («Та, со nie zginęła») в переводе Владислава Ходасевича. Польский поэт отразил в строках этого стихотворения трагизм создавшегося в годы империалистической войны положения, когда поляки должны были стрелять друг в друга, так как пахотились в армиях враждующих государств. Примечательно, что почти одновременно с переводом Ходасевича появился другой русский вариант этого же произведения Э. Слоньского — в книге К. Висковатова «Из жемчужин польской поэзии» (Пг., 1915). В 1914—1915 гг. к творчеству Слоньского обращался также Валерий Брюсов, находившийся тогда в Варшаве в качестве военного корреспондента газеты «Русские ведомости» ⁵.

¹ «Адам Мицкевич в русской печати. 1825—1955». Библиографические материалы. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 562—566.

² Взыскательный Андрей Белый так охарактеризовал его творчество: «Про Ходасевича говорят: „Да, и он поэт тоже“... И хочется крикнуть: „Не тоже, а поэт Божьей милостью, единственный в своем роде“. И он может сказать языком Баратынского о характере музы своей, что красавицей ее не назовут, но что она поражает „лица необычим выраженьем“. И это „необычие выраженьем“ — теневая, суровая Рембрандтова правда штриха: духовная правда!» («Записки мечтателей», 1922, № 5, стр. 139).

³ В. Х о д а с е в и ч. Из еврейских поэтов. Изд-во З. И. Гржебина. Пг.—Берлин, 1922, стр. 5.

⁴ См. С в я т о с л а в Б э л з а. «Польская тема» и переводы с польского в русской поэзии конца XIX — начала XX в. В сб.: Польско-русские литературные связи. М., Изд-во «Наука», 1970, стр. 345—364.

⁵ См. С в я т о с л а в Б э л з а. Брюсов и Польша. В сб.: История и культура славянских народов. М., Изд-во «Наука», 1966, стр. 186—205.

В 1919—1921 гг. Ходасевич активно сотрудничал с московским издательством «Творчество»⁶, выпустившим в 1920 г. его третью книгу стихов «Путем зерна»⁷. По заказу этого издательства поэт подготовил сборник избранных произведений Адама Мицкевича в переводах русских поэтов. Книга эта не увидела света, — вероятно, в связи с прекращением деятельности издательства. Но рукопись ее сохранилась и находится в Центральном Государственном архиве литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ)⁸.

Книге предпослана небольшая вступительная статья Ходасевича.

О т с о с т а в и т е л я

Вторая четверть минувшего XIX столетия была золотым веком польской поэзии. Никогда ни до этого времени, ни впоследствии не звучала польская лира столь чистым и благородным звуком. Три поэта, которых творчество не может быть исключено из сокровищницы не только польской, но и всемирной литературы, жили и творили тогда одновременно. Эти трое — Мицкевич, Словацкий, Красинский. В их созданиях впервые с достаточной глубиной отразилась душа Польши. Они первые, и к сожалению — только они, сумели исконно польское сделать общечеловеческим.

Адам Мицкевич — Пушкин польской литературы. Он первый предугадал ей пути развития национального. Он первый сумел подойти к народному творчеству и из этого родника почерпнуть основные мотивы своей поэзии. До него книжная польская литература была оторвана от народа. Только в его стихах впервые услышал народ отголосок своих волнений и дум.

Но не только своей поэзией дорог Мицкевич Польше. Во всем его творчестве и во всей его жизни находит поляк отражение лучших заветов своего страдающего народа. Как человек, Мицкевич был одним из величайших борцов за свободу родины. Как писатель, он вскрыл высший, религиозный смысл этой борьбы. Вот почему память о Мицкевиче живет в Польше, как память о подвижнике и герое. В этом смысле вся личность его сделалась одной из священнейших и прекраснейших легенд Польши.

Творчество Мицкевича более знакомо русскому обществу, чем творчество Словацкого и Красинского. Но все же надо признать, что и о нем знает русский читатель мало. Из русских людей польским языком не владеет почти никто. Между тем, на русском языке существует только одно собрание сочинений Мицкевича⁹, да и то весьма неполное, по цене же доступное далеко не всякому. Книгоиздательство «Творчество» предложило мне для популярного издания составить сборник избранных стихов Мицкевича в переводе русских поэтов. В этой работе я встретил трудности, часто непреодолимые.

Прежде всего, как уже сказано, многие стихи Мицкевича, подчас замечательные не только своими литературными достоинствами, но и идейно занимающие важное место в творчестве польского поэта, не переведены вовсе, —

⁶ Это подтверждается, помимо всего прочего, двумя расписками в получении денег (от 31 мая 1919 г. и 11 октября 1921 г.), выданными В. Ф. Ходасевичем представителю книгоиздательства «Творчество». См.: Отдел рукописей Всесоюзной Гос. библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 1, картон 2, ед. хр. 43 и 44.

⁷ Заметим попутно, что об интересе Ходасевича к польской поэзии свидетельствует и тот факт, что стихотворению «Золото», вошедшему в этот сборник, предпослан эпиграф из З. Красинского.

⁸ ЦГАЛИ, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 30. Точное название книги — «Адам Мицкевич. Избранные стихи в переводе русских поэтов. Составил Владислав Ходасевич».

⁹ Имеется в виду собрание сочинений А. Мицкевича под редакцией П. Н. Полевого, выпущенное впервые в 1882—1883 гг. (в 5 томах) и переиздававшееся в 1902 г. (в 4-х томах) и в 1913 г. (вышло 2 тома).

и таким образом не могли войти в предлагаемый сборник. Далее, многое, прекрасное в подлиннике, никогда не было переведено сколько-нибудь удовлетворительно. Общий уровень переводов из Мицкевича оказался весьма невысок. Естественно, что я предпочитал вовсе отказаться от того или иного стихотворения, нежели лишний раз печатать его в искаженном и изуродованном виде. Но даже и при этом условии мне порой приходилось быть более снисходительным к существующим переводам, чем того хотелось бы. Так, плавая между Сциллой и Харибдой, — между полным отсутствием переводов и старанием избежать переводов неудовлетворительных, — составил я эту книгу. Надеюсь, что эти объяснения послужат некоторым оправданием ее недостатков. С другой стороны — надеюсь, что и в таком виде она до известной степени достигнет цели своей: хоть сколько-нибудь познакомить широкие круги русских читателей с поэзией Мицкевича. Если же она к тому же послужит для русских поэтов толчком к переводам из Мицкевича, я сочту цель свою достигнутой.

Владислав Ходасевич

Приступив к составлению сборника, Ходасевич проделал большую подготовительную работу. Он завел специальную толстую тетрадь, в которую записывал, после сверки с польским оригиналом, свои критические разборы имевшихся в его распоряжении русских переводов Мицкевича, коих почти за столетие накопилось немало¹⁰. Приведем для примера несколько таких кратких рецензий.

О сделанном Н. В. Бергом переводе стихотворения «Странник» («Pielgrzym») из «Крымских сонетов» Ходасевич пометил себе (стр. 1):

Помимо различий от подлинника по форме, перевод бесконечно далек от оригинала. Весьма многого не *хватает*, еще больше *отсебятин*. Вместо *Литва*, о которой тоскует М-ч, у Берга: «Но снятся мне родимые метели... О Русь! леса дремучие твои...». У М-ча говорится: «Литва! прекраснее пели мне твои шумящие леса». О метелях, конечно, в подл-ке нет ни слова. В общем перевод, приятный для слуха, совершенно неудовлетворителен как перевод из Мицкевича.

Высокую оценку дал Ходасевич труду А. А. Фета, переведшего сонет «Свидание в лесу» («Widzenie się w gaju»), но отметил вместе с тем некоторые недостатки (стр. 14):

Прекрасно и точно, кроме 4-го стиха:

... Скажи мне, могла я

О чем постороннем подумать, любимец мой строгий?

Здесь не по-русски: «о чем *постороннем*» и не точно «любимец строгий» — у М-ча «милый *неблагодарник*» (буквально).

Не особ. хорошо — «любуюсь с отрадой, немею» — у М.: «говорю так мало».

Но в общем хорошо; жаль, что амфибрахий вместо ямба.

Относительно минаевского перевода стихотворения «Wizyta pana Franciszka Gzumału» в тетради Ходасевича записано следующее (стр. 26):

По-русски совсем недурно и верно переведено. Одна беда: подл. — размером Горация и (что по-польски редкостно) — сплошь *мужскими рифмами* (aabbcc, у Минаева: abab и т. д.). Если это не важно — взять. Еще: пропущено *про царя*, — а между тем есть *в ценз. Варш. изд. 1886 г.* Не оговорить ли в примеч. относительно того, что это, соб. — *пародия* на Горация.

¹⁰ ЦГАЛИ, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 31.

Учитывая те высокие требования, которые предъявлял составитель к русским переводам Мицкевича, представляет интерес, что же именно было им в итоге отобрапо для сборника. Вот оглавление этой книги ¹¹:

Баллады и романсы

Романтизм.	Пер. И. Толмачева.
Свитезянка.	Пер. А. Фета.
К друзьям.	Пер. В. Бенедиктова.
Вот люблю!	Пер. Л. Трефолева.
Пани Твардовская.	Пер. Л. Мея.
Воевода.	Пер. А. Пушкина.
Бегство.	Пер. В. Бенедиктова.
Будрыс и его сыновья.	Пер. А. Пушкина.

Сонеты

Воспоминание.	Пер. Н. Луговского.
К Лауре.	Пер. Н. Берга.
Утро и вечер.	Пер. Н. Гербеля.
К Неману.	Пер. Н. Берга.
Резиньяция [Rezugnacja].	Пер. К. Бальмонта.
К*** [Ты смотришь мне в глаза, несчастное создание?..].	Пер. В. Лихачева.

Крымские сонеты

Аккерманские степи.	Пер. А. Майкова
Морская тишь.	Пер. Н. Семенова.
Плавание.	Пер. А. Кугушева.
Буря.	Пер. В. Ходасевича.
Вид гор из Козловских стеней.	Пер. Л. Медведева.
Бахчисарай.	Пер. Л. Медведева.
Бахчисарай ночью.	Пер. Н. Луговского.
Могила Потоцкой.	Пер. Л. Медведева.
Могилы гарема.	Пер. Л. Медведева.
Байдары.	Пер. Л. Медведева.
Алушта днем.	Пер. В. Петрова.
Алушта ночью.	Пер. Ив. Бунина.
Чатырдаг.	Пер. В. Ходасевича.
Пилигрим.	Пер. И. Козлова.
Дорога над пропастью в Чуфут-Кале.	Пер. В. Петрова.
Гора Кикинеис.	Пер. Л. Медведева.
Развалины замка в Балаклаве.	Пер. Н. Луговского.
Аю-Даг.	Пер. С. Дурова.

Разные стихотворения

Гимн [на день Благовещенья].	Пер. В. Бенедиктова.
Полуночная беседа.	Пер. В. Бенедиктова.
Могать любовь...	Пер. В. Ходасевича.
Триолет.	Пер. В. Ходасевича.
К Д. Д.	Пер. Н. Семенова.
Разговор.	Пер. Л. Мея.
Сон.	Пер. Н. Луговского.
Греческая комната.	Пер. В. Бенедиктова.
Фарис.	Пер. А. Соколова.
В альбом Людвиги Мицкевич.	Пер. Оммулевского [И. Федорова].
В альбом Г. Головинской.	Пер. Н. Семенова.
В альбом***.	Пер. Н. Семенова.
К М.	Пер. Н. Семенова.
В альбом К. Яниш.	Пер. В. Брюсова.
В альбом К. Ржевуской.	Пер. Н. Гербеля.
В альбом Марии Шимановской.	Пер. Н. Берга.
Матери-польке.	Пер. неизвестного ¹² .
Князю Голицыну.	Пер. В. Ходасевича.
Над водами.	Пер. В. Бенедиктова.

¹¹ ЦГАЛИ, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 30, л. 110—№ 13.

¹² Этот анонимный перевод был опубликован в журнале «Русская мысль», 1906, кн. 6, стр. 65—66.

О т р ы в к и и з п о э м

Альпухара.	Пер. Ф. Миллера.
Хор юношей — девушке.	Пер. В. Ходасевича.
Вампир [«Дяды», ч. II].	Пер. А. Соколова.
Песня [Феликса — «Дяды», ч. III].	Пер. К. Бальмонта.
Друзьям-русским.	Пер. неизвестного ¹³ .

Как видно из оглавления, пять стихотворений Мицкевича и фрагмент из первой части «Дядов» Ходасевич перевел для готовившегося сборника сам. Важно отметить, что стихотворение «Князю Голицыну» («W albumie księcia Golicyna») было переведено им на русский язык впервые, а переводы стихотворений «Мотать любовь...» («Snuć miłość...») и «Триолет» до сих пор являются единственными в русской поэзии. Ниже следуют тексты шести указанных переводов Владислава Ходасевича¹⁴.

Б у р я

Прочь — парус, в щепы — руль, рев вод и вихря визг;
Людей тревожный крик, зловеющий свист насосов,
Канаты вырваны из слабых рук матросов,
С надеждой вместе пал кровавый солнца диск.

Победно вихрь завыл; а там на гребни пены,
На горы тяжкие нагроможденных вод,
Вступает смерти дух — и к кораблю идет,
Как воин яростный — в проломленные стены.

Ломает руки тот, тот потерял сознание,
Тот в ужасе, крестясь, друзей своих обнял,
А тот молитвой мнит от смерти оградиться.

Был путник между них: сидел один в молчаньи
И думал он: счастлив, кто здесь без чувств упал,
Кто детски молится, кому есть, с кем проститься.

Ч а т ы р д а г

Трепещет мусульман, стопы твои лобзая,
На крымском корабле ты — мачта, Чатырдаг!
О мира минарет! Гор грозный падишах!
Над скалами земли до туч главу вздымая,

Как сильный Гавриил перед чертогом рая,
Воссел недвижно ты в небесных воротах.
Дремучий лес — твой плащ, а молнии сеют страх,
Твою чапму из туч парчею расшивая.

Нас солнце пепелит; туманом дол мрачим;
Жрет саранча посев; гяур сжигает дома, —
Тебе, о Чатырдаг, волненья незнакомы.

Меж небом и землей толмач, — к стопам своим
Повергнув племена, народы, земли, громы,
Ты внемлешь только то, что Бог глаголет им.

¹³ Данный перевод отрывка из III части «Дядов» («Вы вспоминаете ль меня? А я мечтаю...») принадлежит, по мнению Е. Г. Бушканца, Н. А. Добролюбову. См. Е. Г. Бушканец. Неизвестные стихотворения Н. А. Добролюбова. Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1957, т. XVI, вып. 1, стр. 67—71.

¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 30, л. 53, 60, 70, 71, 94, 100.

* * *

Мотать любовь, как нить, что шелкопряд мотает;
 Из сердца лить ее, как ключ, что не скудеет;
 Ковать, как золото — пусть блещет и сверкает;
 Рассеивать ее, как зерна пахарь сеет;
 Лелеять благостно, как мать дитя ласкает;
 Таить ее — пускай в душе вскипает,
 Как под землей родник; взвить ввысь, как ветер веет;
 Рассыпать по земле, как пахарь зерна сеет;
 Людей лелеять в ней, как мать детей ласкает;
 И будет мощь твоя, как мощь мировращенья,
 Потом как мощь земли — мощь роста и цветенья,
 Потом как мощь людей, потом — как херувимов,
 И будет, наконец, как мощь Творца творенья.

Т р и о л е т

Так! Больше не скажу я ни *yвы!* ни *ax!*
 Мне вечно горевать, вам слушать надоело.
 Веселый триолет пускай звучит в стихах.
 Но повториться все же должны *yвы!* и *ax!*
 Адам — любовник, друг, поэт: на всех путях
 Все то же правило судьба ввести сумела:
 Он должен повторять свои *yвы!* и *ax!* —
 Хотя мне горевать, вам слушать надоело.

К н я з ю Г о л и ц ы н у

Когда свободу ты любить и чтить умеешь,
 В беседе нашей слов не нужно с этих пор:
 Пойму твой вздох, а ты — мой плач уразумеешь
 И руку мне пожмешь. Вот польский разговор!

Х о р ю н о ш е й — д е в у ш к е

(«Дяды», ч. I)

Красотка, ручек ломать не надо!
 Не плачь: ведь жалко и рук, и взгляда.
 В глаза другому ты томно взглянешь,
 Другую руку сжимать ты станешь.
 С голубкой голубь летят из рощи,
 За ними третий — орленок тощий...
 Ах кинь, голубка, на небо взоры:
 Летит ли следом муж среброперый?
 Не плачь, не сетуй в тоске мятежной:
 Любовник новый воркует нежно.
 На ножках шпоры, на шейке перья
 Горят отливом, как ожерелье.

С тюльпаном роза в расцвете мая
 Сплетают руки, благоухая.
 Пришел работник, коса промчалась, —
 Супруг подкошен, вдова осталась....
 Не плачь, не сетуй в тоске мятежной:
 К тебе нарцисс наклоняет нежно
 Свой глаз блестящий между цветами.
 Уж месяц светит между звездами.

Красотка, ручек ломать не надо!
 Не плачь: ведь жалко и рук, и взгляда.
 По ком ты плачешь — уж он не взглянет,
 Руки рукою сжимать не станет.
 Он крестик черный в руке сжимает,
 Он мертвым взором в раю витает,
 По нем обедню прослушай снова —
 И к нам, живущим, промолви слово.

Поэтические достоинства переводов Ходасевича неоспоримы, — вспомним, что то был период создания стихотворений, вошедших в «Тяжелую лиру» — четвертую книгу стихов поэта (М. — Пг., 1922). Но точность этих переводов неравноценна. Перевод четверостишия «Князю Голицыну», например, чрезвычайно близок к оригиналу, в то время как в переводе стихотворения «Мотать любовь...» добавлена целая строка (13 вместо 12), есть повторы, отсутствующие у Мицкевича («как зерна пахарь сеет», «как мать дитя ласкает»), не говоря уже о введении новых образов («таить ее — пускай в душе вскипает, как под землей родник»).

Что касается сонета «Чатырдаг», то это, на наш взгляд, едва ли не самая большая удача Ходасевича; его перевод в целом, пожалуй, даже превосходит ставший уже классическим бунинский. Из труднопереводимого «Триолета» выпало обращение к Янку (Яну Чечоту). В переведенном отрывке из «Дзядов», очень верно передающем интонацию фрагмента, вкралась явная неточность (возможно, при переписке набело): строке «Уж месяц светит между звездами» должна предшествовать не точка, а запятая, причем вместо слова «уж» должно быть «как» («Jak księżyc między gwiazdami świeci»).

Такого рода неточностей можно было бы отметить гораздо больше, и, разумеется, они в какой-то мере снижают достоинство переводов Ходасевича, заслуживающих, однако, внимания благодаря своей поэтичности. Нельзя не сказать также о том значении, какое приобретают в переводах Ходасевича аллитерационные приемы выразительности, — достаточно привести начало «Бури»: «Прочь — парус, в щепы — руль, рев вод и вихря визг...». Правда, у Мицкевича нет «слабых рук матросов», — но для того, чтобы полнее понять процесс передачи Ходасевичем образов оригинала, нужно вспомнить строки его «Баллады», венчающей сборник «Тяжелая лира»:

...Но звуки правдивее смысла,
 И слово сильнее всего.



ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Н. ПРОКОФЬЕВА

И. И. ШИШКИН О ЧЕШСКИХ ХУДОЖНИКАХ

В рукописном отделе Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранится рукопись автобиографии И. И. Шишкина и его дневник, рассказывающий о поездке за границу — в Чехию и Германию — в 1862 г.¹ В дневнике содержатся материалы, которые дают дополнительные сведения о русско-чешских культурных связях 60-х годов прошлого века, а также содержат в себе профессиональные характеристики чешского и немецкого изобразительного искусства того времени.

Начало дневника датировано январем 1860 г., последняя запись — июлем 1863 г. К сожалению, дневник не окончен. Записи в нем велись с большими перерывами и, по всей вероятности, не были рассчитаны на постороннего читателя, так как в них встречается много пометок сугубо личного характера.

В предлагаемой работе внимание будет акцентировано, в основном, на высказываниях русского художника, касающихся чешского изобразительного искусства.

И. И. Шишкин и В. И. Якоби пробыли в Чехии почти все лето. Здесь впервые русские художники познакомились с видными деятелями чешской культуры и искусства, с которыми у них установились дружественные контакты. Сразу же по приезде в Прагу художники по рекомендации Пыпина направились разыскивать Йозефа Коллара — одного из известнейших переводчиков и знатоков русского языка. По этому поводу И. И. Шишкин пишет: «6 июня. Были у Коллара; как вошли сейчас заговорил по-русски. Говорит очень хорошо, и человек прекраснейший, милый...» и далее: «...Он (Коллар) перевел Кольцова и Некрасова и в восторге от них. Коллар профессор чешской гимназии, читает словесность и естественные науки. Человек молодой, очень хороший», — пишет об этом знакомстве И. И. Шишкин. Именно Коллар познакомил И. И. Шишкина и В. И. Якоби с представителями прогрессивной чешской интеллигенции. Он ввел русских художников в круг чешских литераторов и переводчиков, представил русским художникам одного из самых популярных переводчиков русских литературных произведений на чешский язык — Эммануила Вавру, «который перевел «Обломова» и еще несколько русских вещей на чешский язык и, как говорят, — хорошо», — пишет И. И. Шишкин. Он, Коллар, ввел русских гостей в чешский клуб и познакомил их со многими чешскими художниками, о которых русский художник с восторгом восклицает: «Народ все прекрасный». В клубе русские гости подробно рассказывали о состоянии и успехах русского искусства.

В дневнике Шишкин с сожалением отмечает недостаточное знакомство и отсутствие взаимных контактов между русским и чешским изобразительным искусством.

«И Россию и наших художников они не знают так же, как и мы их. Мы им советовали присылать свои картины к нам на выставки. Они бы и охотно посылали, да австрийское правительству тому препятствует. С Россией нет порядочного сношения даже почтового».

С глубоким вниманием русские художники знакомились с изобразительным искусством и художественным творчеством чешских мастеров. В этой области их особенно интересовали те явления, которые так или иначе свидетельствовали о пробуж-

¹ Рукописный отдел Б-ки им. Салтыкова-Щедрина, ф. 861, № 1.

ждающемся самосознании чешского народа, борющегося за независимость, с его стремлением создать свою национальную культуру и искусство.

Во время пребывания в Чехии русские гости посетили пражский Национальный музей, где Коллар хотел показать им «преимущественно чешских художников, по ла беду их оказалось очень мало, но и то из них есть много порядочных...», отмечает в своих записках Шишкин.

Затем И. И. Шишкин и В. И. Якоби посетили Бельведер, где осмотрели роспись, выполненную известными чешскими мастерами. Здесь следует отметить, что в 50-е годы в чешском изобразительном искусстве особую популярность получает школа Рубала. Именно учениками этого художника — И. Тренквальдом, К. Свободой и Е. Ромом была выполнена роспись «Бельведера» в технике «al fresco». Картины написаны на темы чешской истории, но трактованы в традиционно-академическом плане, это было официальное искусство, носившее в себе черты немецкого провинциального романтизма. Свое знакомство с этим архитектурно-художественным памятником, Шишкин описывает следующим образом. «Мы были в Бельведере — древнее здание, особенно хороша колоннада вокруг него, хотя не массивна, но очень изящна. На этой-то колоннаде когда-то наблюдал движение звезд знаменитый Тихо де Браге, который здесь и похоронен, также и знаменитый Кеплер покоится здесь. И странно таким великим людям не отдана дань справедливости, ни одного признака их здесь нет, а на каждом шагу попадаются статуи и памятники бог знает кому. Грустно и досадно. Картины помещены в самом здании, весьма простым и изящном. Особенно лестница, ведущая в залу, очень хороша. Так же хорош и портик снаружи. Картин там шесть — все из чешской истории. Некоторые недурны».

Шишкин очень тонко почувствовал основные достоинства чешской живописи и ее национальные особенности, но в то же время чешская историческая живопись его не удовлетворила.

Шишкин и Якоби видели картину К. Свободы, посвященную одному из событий чешской истории. В начале 30-летней войны из окна Пражского Града были выброшены чешскими патриотами два предателя — Славата и Мартиниус, предлагавшие вести антинациональную политику. Отмечая точность костюмов в изображенной Свободой сцене, Шишкин в то же время говорит, что художник не сумел воспользоваться замечательным сюжетом, показать его драму и исторический интерес. Русские художники сами побывали на Граде у знаменитого окна, и их поразили рассказ об этом историческом эпизоде. Интересно, что Якоби собирался писать картину на эту тему и в Праге сделал подготовительные этюды комнаты и окна.

В дневнике в связи с этим посещением сделаны следующие записи: «8 июля ... Пошли в чешский собор. Снаружи великолепен. Он не кончен, а затеян был о: ромнейший, но не достало средств у чешской нации, да он еще пострадал от пожара, бывшем давно уже. Стиль готический. Были в той комнате, из которой были выброшены Мартиниус и Славата. Якоби думает эту сцену написать. Мы там все необходимое зачертили. Картина может быть хорошая драма». И далее: «Видели картину Свободы или происшествие в знаменитой комнате, о которой я уже упоминал. Картина эта теперь в гостинице не помню какой, кажется, Штепано. Ее не позволили выставить на выставку, немцам показалась слишком либеральна, на наш взгляд вещь весьма посредственная, он худо воспользовался сюжетом, но мы заметили костюмы, за верность которых ручается Коллар».

Критически относясь к произведениям Свободы и других художников исторического жанра, творчество которых не выходило в целом за рамки официального академического искусства, И. И. Шишкин сочувственно отзывался о произведениях, созданных талантливыми чешскими прогрессивными художниками, стремившимися к созданию своего национального искусства.

Одним из самых популярных художников этого времени, отстаивавшим принципы национально-демократического искусства, был Йозеф Манес. Идеиное содержание творчества этого художника было несколько ограничено национально-буржуазными иллюзиями и идеями. Представления о единой нации, об особой высоте национального

духа, об идеальной красоте патриархального уклада жизни чешской деревни были широко распространены в чешской культуре. Эти черты в определенной мере характерны для творчества Й. Манеса; художник видел в народе прежде всего носителя лучших особенностей национального характера, но не активного борца. Отсюда — созерцательность и некоторая идеализация патриархального крестьянского быта, собственные произведения Манеса. Большая часть его рисунков запечатлела крестьян и крестьянок в красочных национальных одеждах. Это галерея чешских национальных костюмов и типов.

В Праге И. И. Шипкин познакомился с произведениями этого чешского мастера, посетил его мастерскую и дал высокий отзыв его работам. «7 июля. С Колларом пошли к художнику Й. Манесу. Это чешский художник, популярный и талантливый господин, видели у него много этюдов фигур и пейзажей. Типы славянские, есть прелесть, нарисованы хорошо — я еще не видел художника более строгого, добросовестного и честного. А как Манес рисует пером и потом акварелью, карандашом свинцовым, красками в цветах. Это в головках которые у него особенно хороши. И нужно заметить, что его работа несколько не похожа на заграничные вообще, т. е. такую вкусную и часто пустую и бессмысленную, у него строгий характер и манера напоминает старых, но хороших художников».

Й. Манес всегда относился с большим интересом к народному искусству и этнографии. При посещении России он остался верен своим вкусам; его интересовало искусство старой России, которым была так богата Москва. Петербург удивил художника своими грандиозными и богатыми постройками, но не приковал к себе его внимания. Художник был очарован Москвой, когда увидел Кремль и панораму города с колокольни Ивана Великого и с Воробьевых гор, когда, бродя по городу, он познакомился с его старинными храмами, церквями и колокольнями.

По словам друга Й. Манеса доктора Ванкла, он с восхищением отзывался о русском искусстве, говоря, что оно «соединяет идеальное и реалистическое направление и своей оригинальностью выгодно отличается от искусства Запада»².

Интерес замечательного чешского художника к древнерусскому искусству весьма понятен. Для чешской культуры характерно особое внимание к эпохам русской истории, связанной с борьбой русского народа за отстаивание национальной самостоятельности.

Древнерусское искусство было для Чехии 60-х годов наглядным воплощением идей свободолюбия, подтверждением огромной жизненной силы всех славянских народов. Й. Манес, в творчестве которого идеалы национальной самобытности были главной темой, не мог не увлечься древнерусским искусством. Москва так поразила Манеса, что когда все гости уехали из Москвы, он остался в городе еще на неделю, чтобы собрать материал «для своей кисти»³.

Й. Манес много рисовал будучи в России, но, к сожалению, почти все рисунки были им утеряны на обратном пути в Чехию. В настоящее время известны только три из них: два карандашных рисунка и одна акварель, в которых запечатлены соборы Троице-Сергиевской лавры.

Поездка в Россию дала Й. Манесу богатый материал для его творчества. Автор «Пути в Дрождяны» имел возможность создать цикл работ более богатый и разносторонний, чем его предыдущие произведения того же жанра, — а именно цикл под названием «Путь в Россию», где бы нашли свое отображение впечатления художника о новых землях и новых людях.

К сожалению, воплощению в жизнь этих замыслов помешала болезнь художника и последовавшая за этим смерть.

Другим чешским художником, привлечшим сочувственное внимание Шипкина, был Ярослав Чермак. Несколько слов о нем. Искусство Чермака связано с нацио-

² Цит. по ст.: J. Nejmá n. Národní Galerie. díl. I, 1950, s. 53.

³ Всероссийская этнографическая выставка. М., 1867, стр. 409

нально-освободительным движением. Его картины, написанные на темы народно-освободительных гуситских войн, как бы передают дух революционных дней 1848 г. Творчество Чермака выросло из той же национальной основы, что и искусство Й. Манеса, но раскрывало иное направление чешского искусства, а именно — национально-патриотическую проблематику. Художник обращается к теме героического подвига чешского народа, к теме национального освобождения.

Из дневника Шишкина становится известно, что Йозеф Коллар показывал ему в 1862 г. фотографии не только с исторических картин и график Чермака 50-х годов, но и «Жену повстанца». В записях Шишкина мы находим следующий отзыв о Чермаке: «Познакомились с произведениями чешского художника Я. Чермака на сюжеты из чешской истории. Картины его великолены, он напоминает Поль де Ляроша и также хорош. Картины не сложные, в две, три фигуры. Особенно хороша жена разбойника, муж которой ранен и лежит с ребенком, а жена сторожит неприятеля, врага, конечно, немца. Художник даровитый и молодой, 30 или 35 лет».

Творчество Я. Чермака известно в России. Годы русско-турецкой войны, когда русская общественность особенно интересовалась судьбами балканских славян, в русских журналах («Пчела», «Художественное обозрение») появляются репродукции «Раненого черногорца» и других картин художника.

О картине «Раненый черногорец» восторженно писал И. Е. Репин в одном из писем, адресованных Стасову: «Какой героический художник Чермак. Сегодня в галерее Гушиля видел я его чудную картину: с вершины в горах, которая служит, вероятно, крепостью, несут раненого героя два дюжих черногорца, герой этот не вспыльчивый мальчик, который в увлечении забрался не туда, куда следует — это опытный полководец, глава. Все женские фигуры кланяются ему в пояс и смотрят на него с благоговением. Во всем ансамбле и подробностях так и веет поэзией. Это чисто „Тарас Бульба“ Гоголя. Какой бесподобный, какой реальный и красивый вместе художник. Что за благородство в этом бледном лице седоусого вождя»⁴.

Редакция «Пчелы» специальным запросом в Прагу попросила чешского искусствоведа Тырша написать статью о Чермаке, которая была опубликована в 1877 г.

Доктор Тырш, лично знавший многих друзей Чермака и написавший первую биографию художника по живым первоисточникам, отмечает, что художник возлагал большие надежды в освобождении южнославянских народов на Россию. Известно, что Я. Чермак был знаком с Герценым и некоторыми другими представителями русской эмиграции. Подтверждением этому может служить тот факт, что именно Я. Чермак в 1859 г. рекомендовал Герцену И. В. Фрича. «Рекомендательное письмо Чермака — пишет Фрич — открыло для меня двери гостиной этого прославленного публициста»⁵.

Помимо Й. Манеса и Я. Чермака Шишкин и Якоби, находясь в Чехии, познакомились с творчеством других чешских живописцев и даже побывали в мастерских некоторых из них: у Лготы, Томаса Зайдена, Гавранека и др. Шишкина особенно интересовала чешская пейзажная живопись, для которой в то время в основном была характерна условно-романтическая трактовка картин родного края. В этом отношении особенно показательно творчество Косарека, с именем которого связано романтическое направление в чешской пейзажной живописи. Работы этого мастера понравились русским художникам, хотя и вызвали у них чувство грусти: «Заходили в один частный дом посмотреть картину молодого умершего пейзажиста Косарека — не дурна, талантлива, но уж очень грустна. Потом пошли к пейзажисту Гавранеку, но не застали дома, а говорят хороший пейзажист — жаль не видели. Были у исторического художника Лготы, пишет по большей части католические образа. У него впрочем много хороших эскизов. У скульптора Томаса Зайдена маленькая мастерская вся уставлена посредственными вещами. Между прочим он начал работать Петра Великого, когда тот кует в Карлсбаде подкову. У него видели мы модель памятника Ганки который поставится в Вышеграде — не дурен. Посетили хорошего скульптора — нем-

⁴ И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, т. I. М.—Л., 1948, стр. 91.

⁵ Цит. по кн.: «Литературное наследство», т. 64. М., 1958, стр. 786.

ца — бедна у него вещей и работает неутомимо. Вот бы взять пример нашим скульпторам. Он здесь самый популярный. Видели альбом Богемских литографий. Южная Богемия особенно отличается видами, также фотографии какого-то приморского пейзажа с картины — не знаю какого художника, — я ничего лучше не видел из фотографий. Передан решительно каждый мазок кисти до невероятности».

Познакомились также русские художники с творчеством чешских художников-жанристов Гвидо Манеса и П. Дворжака, произведения которых их не удовлетворили. Следует сказать, что в чешской жанровой живописи этого периода критика социально-общественного строя еще не сказалась. Художников интересуют больше положительные образы, лирические сценки частной жизни и массовые народные праздники. Темы остаются мелкими. Герои произведений — маленькие незначительные люди. Художника не волнуют ни большие события, ни большие чувства. Знакомство с этим видом живописи и творчеством художника Г. Манеса вызвало у И. И. Шишкина весьма скупой отзыв. «3 июля. Посетили меньшого Манеса, жанриста. Особенно хорошего ничего не нашли. Господин малодаровитый и еще молодой».

Шишкин и Якоби посетили многочисленные пражские соборы и церкви, подробно осмотрели храм святого Витта, национальный музей, побывали в соборе крестоносцев и познакомились со многими другими достопримечательностями Праги.

Человек тонкого художественного вкуса — Шишкин отрицательно относился ко всякому проявлению псевдохудожественной декоративности, что было отчасти свойственно соборам немецкого позднеготического стиля. В этом отношении характерны его впечатления от собора крестоносцев, о котором он писал: «Внутренность собора напоминает чрезвычайно наши соборы — такое же безвкусие в употреблении образов и золота, а здесь еще скульптуры. Скульптурные произведения все на один лад, художники хотели постоянно придать больше грации и выражения и, обыкновенно, вещь исковеркана без пощады. Но есть одна хорошая вещь в церкви — памятник графа Колеродо мальтийского ордена, очень хорош, из мрамора, в средневековом рыцарском одеянии, современного художника Макса в Праге».

Художники побывали во Владиславском зале⁶, который вызвал чувство истинного восхищения перед этим памятником архитектурного искусства. «Были мы в зале Вячеслава — хороша. Своды готические переплетены узкими выпуклыми карнизамы, что очень красиво. Эта зала совершенно пуста, но в другой несколько мест и трон под балдахин — интересная вещь для хорошего исторического художника».

Видели русские художники «между прочим, старую часовню в византийском стиле — весьма живописную, — как отмечает в своем дневнике И. И. Шишкин. — называется часовня св. Креста». Далее рассказывается история сохранения этого памятника: «Часовня принадлежала по месту частному лицу, который хотел ее сломать, но город, боясь потерять такой памятник, купил ее за 6 тысяч гульденов, и чешские художники на свой счет хотят ее реставрировать».

Знакомство русских художников с чешской действительностью не ограничивалось сферой узкопрофессиональных интересов. И. И. Шишкин и В. И. Якоби были свидетелями проявления национальной активности чешского народа, что находило свое выражение в различного рода массовых патриотических выступлениях прогрессивной общественности, проведении различных национальных праздников, а также организации всевозможных национально-патриотических обществ и коллективов. 60-е годы XIX в. в Чехии — это новая эра возрождения чешской национальной культуры, время ее расцвета. По всей стране возникают общества «беседы», которые ставят своей задачей будить патриотические настроения чешского народа, объединять все прогрессивное, национальное, чешское. В это время создается ряд культурно-просветительных и научных организаций — таких, как «Чешская Матица», «Общество для научного развития чешского языка и литературы», «Общество искусства», «Чешская научная энциклопедия», «Глагол Пражский», «Сокол», «Умелецкая беседа» и др.

⁶ В подлиннике дневника Владиславский зал ошибочно назван «залой Вячеслава».

На одном из праздников, проводимом спортивной организацией «Сокол», присутствовали русские гости⁷.

Шишкин с большим энтузиазмом принимал участие в празднике освящения знамени этого общества. Дошедшее до нас описание этих событий представляет собой интересные свидетельства очевидца, дающие яркие представления об общественной жизни Чехии 60-х годов. «13 июля были на освящении знамени общества гимнастиков и певчих. Началось с того, что все собрались на Стрелецкий остров на площади, на которой было устроено нечто вроде балдахина, как у нас на крещенье, только без креста: пришли гимнастики и певцы, старшины, обрядные старосты, были под балдахином также и дамы. Певчие стали петь народные песни. Я сначала думал, что будут попы, а оказалось, что это гражданское освящение знамени. Хор очень большой, пели не дурно; костюм обыкновенный, только на левом борте сюртука особый знак. Гимнастиков 900, они стояли по 3 в ряду. На них был костюм: красная рубашка, серые панталоны и такая же куртка в натяжку, обыкновенная черная шляпа с соколиным пером. Костюм красивый и некоторым физиономиям очень идет. Старшина, доктор князь Турн-Таксис говорил речь, из которой я, конечно, ничего не понял. Человек он, говорят, очень хороший и отчаянный демократ и либерал. Говорила также и жена его. Она тоже член общества. Ему и ей аплодировали. Затем начался самый обряд освящения. Женщины самое полотно знамени прибавали к деревку, певчие пели. Знамя — это символ будущей свободы чехов». В этом национальном торжестве принимал участие известный политический и общественный деятель Чехии К. Сладковский. Его выступление произвело на И. И. Шишкина большое впечатление, о чем свидетельствует сохранившаяся в дневнике запись. «Я тут только понял, что значит сила слова и выражения, — пишет художник, — говорил он так сильно, с таким чувством, что я понял смысл его речи, зная из их языка почти несколько слов. Молодец и либерал до невозможности. Я думаю ему завтра будет выговор от немцев, если не больше, к тому же он известный публицист. Но странно мне и многим другим показалось, что когда он кончил — и кончил великолепно — раздалось только обыкновенное, даже предписанное формой, восклицание вроде „слава“ по три раза — и только, а я думал, что разразятся рукоплескания, но холодны стали чехи. Или немцев боялись — не знаю. А у меня признаюсь, руки чесались. Смысл его речи был — общая свобода всех славян, самого громадного племени в Европе. Коллар тоже находит, что Сладковского скверно встретили. Другие говорили плохо. Старшина прочитал несколько депеш от разных других обществ и тем дело кончилось. На вечер мы тоже были приглашены. Гимнастики показывали разные штуки, бегали, прыгали и пр. Певчие пели народные гимны. Вообще вечером все было больше одушевлено, шумело, пело и веселилось».

Шишкин и Якоби также посетили загородное гуляние, связанное по традиции с историко-религиозным местом — горой, где расположена церковь и пещера св. Проккопа. В дневнике отмечено, что на том празднике «... народу было много всякого звания. Крестьянки здешние одеваются очень хорошо и не без вкуса. Само же гуляние состоит в питье пива и танцев под шарманку. Молодежь также много поет патриотических песен». Место, где происходил праздник, очень красиво. Особенно, по словам художника, дорога, ведущая вверх к пещере и церкви. В целом, в дневнике большое место уделено описаниям красот чешской природы. Русского пейзажиста в картинах чешского края особенно привлекает их схожесть с русскими необычными и разнообразно живописными просторами. В своих записках Шишкин сравнивает Чехию и Россию, причем находит в природе этих стран много общего.

Сохранившиеся свидетельства и высказывания И. И. Шишкина помогают нашим современникам правильно представить общую картину состояния и развития изобразительного искусства 60-х годов XIX в. в Чехии и Германии. Эти заметки еще раз подтверждают, что в это время русская культура по своему общественному содержанию и идейной направленности была близка чешской культуре эпохи Национального

⁷ Это спортивное объединение в 60-е годы пользовалось широкой популярностью и имело свои отделения в ряде славянских стран. В эти годы были созданы Пражская, Львовская, Люблинская организации братства «Сокол». Общество ставило перед собой большие патриотические задачи.

возрождения. Именно на этой основе возникает взаимный интерес к изучению культуры и искусства этих двух славянских народов.

60-е годы XIX в.—это начальный этап укрепления и развития чешско-русских связей в области изобразительного искусства. По определению Г. П. Богатырева «Оживление общественно-политической жизни Чехии в 60-х годах совпадает с революционным подъемом в России. Интерес чешской общественности к России никогда не был столь сильным, как в эти годы. Растут русско-чешские культурные связи, увеличивается число переводов русской художественной литературы, на чешской сцене с успехом идут русские пьесы и оперы. Чешские газеты пестрят статьями о революционном движении в России»¹⁸. В этот период Чехия и Россия значительно обогащаются сведениями о культуре и искусстве друг друга.

После 1867 г. в Чехии прокатилась широкая волна русофильского движения. В чешском прогрессивном журнале «Кветы», литературным редактором которого был один из наиболее передовых писателей своего времени Галек, а первым редактором отдела изобразительного искусства — замечательный чешский художник К. Пуркине, часто появляются в эти годы иллюстрации на русские темы. Особенно часто помещаются рисунки с видами московского Кремля, храма Василия Блаженного и других московских церквей. Репродукции сопровождаются подробными описаниями.

Здесь же впервые в чешской печати были приведены описания и оценка картин Перова («Похороны крестьянки» и «Утопленница»). В это время представители чешской художественной интеллигенции стали посещать международные выставки в Париже и Вене, где могли познакомиться с творчеством этого русского художника.

Впервые появляющийся в 60-х годах интерес к современной демократической русской живописи подтверждает те прогрессивные, принципиально новые сдвиги, которые произошли в чешском изобразительном искусстве.

Касаясь вопроса развития русско-чешских художественных связей, следует отметить демократическую направленность русского и чешского изобразительного творчества этого времени, что было обусловлено общественно-политической обстановкой этих стран.

Если в начале 60-х годов делаются только первые шаги к установлению взаимных связей в области изобразительного искусства между Чехией и Россией, то впоследствии эти контакты ширятся и крепнут. Во второй половине XIX столетия поездки русских и чешских художников в Чехию и Россию с целью ознакомления с культурой и искусством этих стран уже не редкость. Обществом «Умелецкая беседа» организуются индивидуальные выставки творчества русских мастеров. Многие из известных русских художников удостоиваются звания почетных членов чешского общества «Умелецкая беседа». Среди них имена таких выдающихся живописцев, как Г. И. Семирадский, В. В. Верещагин, И. И. Шишкин, И. К. Айвазовский, И. Е. Репин и др.

В целом 60-е годы XIX в. можно считать тем благотворным началом, когда в изобразительном искусстве двух дружественных славянских стран — Чехии и России устанавливаются контакты знакомства и взаимовлияния, что в свою очередь имело положительное значение для общего развития культуры этих народов.

¹⁸ Цит. по кн.: «Литературное наследство», т. 64. М., 1959, стр. 770.



ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Г. В. ПОПОВ

РУССКАЯ ИКОНА ИЗ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ В БЕЛГРАДЕ

В 1962 г. проф. С. Радойчичем в альбоме, посвященном иконам Сербии и Македонии, было опубликовано небольшое по размеру «Рождество Богоматери» из собрания Белградского Национального музея¹. Икона отнесена издателем к концу XIV в. Ее стилистические особенности и место среди собранных в альбоме памятников не оговорены особо. Однако самый факт включения иконы в издание должен предполагать ее сербское или македонское происхождение. Между тем характер этого произведения дает основание сделать иные выводы.

«Рождество Богоматери» из Белграда (известное автору заметки только по указанному изданию) не имеет аналогий среди икон Сербии и Македонии конца XIV столетия и каких бы то ни было точек соприкосновения с живописью этих областей периода так называемого палеологовского возрождения и более позднего времени (в том числе XVI—XVII вв.). Исключение составляет иконография «Рождества». Но она, в силу своей распространенности, не может служить аргументом в пользу того или иного решения вопроса о месте изготовления памятника. Следует лишь отметить, что размещение действующих лиц, аналогичное белградской иконе (с полулежащей на ложе Анной, приближающимися к ней служанками, развернутой ниже сценой купания новорожденной и с обособленными с правой — от зрителя — части иконы «ласканием» Марии родителями), получило едва ли не наибольшее распространение в древнерусской иконописи XVI в., особенно в новгородских памятниках. К русской живописи этого времени тяготеет и предельно простой архитектурный стаффаж-стена и два флажкирующие изображения здания с перекинутым между ними велумом. Подобной упрощенности мы не найдем в Сербии и Македонии конца XIV в. Нет ее и в более поздних сербских памятниках, испытавших воздействие русского искусства².

«Рождеству Богоматери» свойствен жанрово-фольклорный дух, которым отмечены многие провинциальные памятники русской живописи середины второй половины XVI в. Оно выполнено в характерной, упрощенной, небрежно «скорописной» манере, с приблизительностью в передаче движений и жестов фигур. Значительное место в иконе уделено орнаментальным элементам. В отдельных случаях орнамент организует конструкцию предметов (кресло, подушка на ложе, стена на заднем плане, велум). Его мотивы типичны для большинства русских памятников XVI в., как столичных, так и выполненных на периферии. Белградская икона обладает еще одним принципиальным отличием от сербской или македонской (можно сказать, вообще южнославянской) средневековой стапковой живописи. Речь идет о сети крупных, преимущественно горизонтальных кракелюр, покрывающих ее поверхность. Подобные кракелюры отсутствуют в южнославянских памятниках, сохранивших ремесленные традиции византийского искусства, и опять-таки характерны для русских икон XVI в. (особенно провинциальных). Округлые, с небрежно прорисованными, тяжеловесными

¹ S. R a d o j č i ć. Icones de Serbie et e Macédone. Beograd, [1962], p. 58.

² Ср. С. Петковић. Руски утицај на српско сликарство XVI и XVII века. «Старинар», Нова сер., књ. XII, 1961, стр. 101—103.



«Рождество Богоматери». XVI век. Белградский Национальный музей

чертами, лица «Рождества», как и качество его живописи в целом, позволяют сделать предположение о связи иконы с северной художественной традицией, длительное время находившейся под воздействием новгородской иконописи. Вероятнее всего, «Рождество» выполнено во второй половине (третьей четверти) XVI в.

Современные «Рождеству» иконы этого уровня многочисленны и зачастую остаются вне поля зрения специалистов. Свобода исполнения, независимость от столичных художественных течений, архаизм обуславливают их нередкое отнесение к XIV в. (в этом смысле рассмотренная атрибуция характерна)³.

³ См., например, В. И. Антонова. Древнерусское искусство в собрании П. Корина. М., 1967, № 2. Наиболее часты смешения XIV и XVI вв. в дореволюционной литературе.

В указанном выше альбоме С. Н. Радойчича отсутствуют сведения о происхождении белградского памятника. Но время его создания дает право на определенные выводы и в этом случае. На вторую половину XVI в., особенно период царствования Ивана Грозного (до 1584 г.), приходится наиболее активные сношения России с Сербией⁴. В Сербии и на Афоне хранится значительное число разнообразных русских древностей этого времени. Московское правительство уделяло серьезное внимание вопросу их снабжения памятниками религиозного искусства.

Качество «Рождества Богородицы» из Национальной галереи противоречит мысли о причастности иконы к какому-либо официальному (царскому или митрополичьему) вкладу. Для этой цели зачастую использовались произведения столичных мастеров. Скорее всего мы имеем здесь дело с личным пожертвованием, что также не было редкостью для второй половины XVI в. Возможно и другое предположение: икона могла быть приобретена в России кем-либо из приезжих сербов, переводчиков, паломников и т. д.

⁴ С. Р а д о ј ч и ч. Везе између српске и руске уметности у срдњем веку. «Зборник Филозофског факултета», I. Београд, 1948, стр. 241—258; С. П е т к о в и ч. Там же, стр. 91—108; М. Ј о в а н о в и ч. Руско-српске уметничке везе у XVIII веку. «Зборник Филозофског факултета», VII,1. Београд, 1963, стр. 379—381.



КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Idee Lenina — źródło przyjaźni narodów Lublim — Lwów, 1970, 192 s.
Идеи Ленина — источник дружбы народов

Под таким названием ученые Львовского (УССР) и Люблинского (ПНР) университетов опубликовали сборник работ, посвященных 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Он открывается статьей Э. Лоркевича и Н. Максимовича, рассказывающей о научных контактах двух братских университетов. Авторы напоминают о помощи советских ученых Люблинскому университету, который начал свою деятельность в конце 1944 г., когда линия фронта находилась в 50 км от Люблина. Из Москвы, Киева и других городов Советского Союза шли книги и оборудование для первого в народной Польше университета. С 1956 г. налаживаются тесные связи между Люблинским и Львовским университетами, укрепляется сотрудничество, о чем, в частности, свидетельствует и рецензируемый сборник — плод совместных усилий польских и украинских ученых.

Значительное место в сборнике заняли материалы, освещающие влияние ленинизма на польскую и западноукраинскую общественную мысль. Так, Н. Волянюк в работе «Распространение ленинской мысли в Восточной Галиции (конец XIX в.—1917 г.)» пишет о проникновении произведений В. И. Ленина на территорию тех украинских и польских областей, которые тогда находились в составе Австро-Венгрии. Приводятся интересные данные о масштабах распространения там ленинской литературы, в частности, при помощи революционеров-эмигрантов из России. Во Львове жили агенты ленинской «Искры», которая транспортировалась в Россию через Галицию. Только с сентября 1902 г. по февраль 1903 г. в Россию было переправлено 22 645 экземпляров «Искры». Ленинская «Искра», а также произведения В. И. Ленина распространялись и среди галицийского населения. Во Львове действовала группа, сотрудничавшая с РСДРП, с В. И. Лениным были связаны и некоторые социалистические деятели Галиции.

Интересная статья Н. Волянюка не свободна от упущений. Хотя исследователь пообещал осветить процесс распространения ленинских идей в Восточной Галиции до 1917 г., он, по существу, ограничился периодом до мировой империалистической войны. Между тем, 1914—1917 гг. являются важнейшим этапом в истории влияния ленинизма на прогрессивную общественную мысль в Галиции. Об этом свидетельствует творчество В. Левинского, который был лично знаком с В. И. Лениным¹. В ценной работе Н. Волянюка эволюция общественной мысли Галиции в связи с распространением идей ленинизма не раскрыта с достаточной полнотой.

Упомянутое исследование в известной мере дополняет статья Ч. Гофроня «Ленин в Польше (1912—1914)», написанная на основе произведений и писем В. И. Ленина, а также исследований других авторов. Ч. Гофронь подсчитал, что в период пребывания В. И. Ленина на Краковщине в 1912—1914 гг. он только в «Правде» опубликовал около 270 статей, написал 50 работ по национальному вопросу, а всего создал около 400 трудов. В. И. Ленин выступал с докладами перед социалистами, направлял революционное движение в Галиции на путь интернационального единения польских, украинских, еврейских и других рабочих. К сожалению, Ч. Гофронь осветил только некоторые моменты из жизни В. И. Ленина в Польше, отойдя несколько в сторону от главной тематической линии сборника. Автор не показал, какую роль сыграл ленинизм в деле интернационального единения польских и украинских прогрессивных сил накануне первой мировой империалистической войны.

В статье П. Амирова «Борьба В. Ленина за международную солидарность

¹ Львовская научная библиотека АН УССР, отдел рукописей, ф. НТШ, д. 546, л. 16, 24.

пролетариата» широко использованы факты из истории польского социал-демократического движения, выступления В. И. Ленина. Автор подчеркивает, что «ленинские идеи, идеи пролетарского интернационализма сплотили народы Советского Союза в единую братскую семью строителей социализма. Эти идеи цементируют братскую общность народов социалистических стран».

В статье С. Кшикалы «Ленин и независимость Польши» говорится о большом внимании, которое В. И. Ленин уделял борьбе польского народа за независимость своей страны. Интересно отметить, что из 51 номера ленинской «Искры» в 30 помещены материалы, посвященные Польше. В. И. Ленин всегда с уважением относился к польскому народу и его революционным традициям. Благодаря Великой Октябрьской социалистической революции была восстановлена польская государственность. Руководствуясь учением В. И. Ленина, Советский Союз помог польскому народу воссоздать свое государство после второй мировой войны.

В статьях «Ленин и первые годы деятельности Коммунистической партии Польши» Я. Шреняевского и «Ленинизм — основа программы и деятельности КПП и КПЗУ» А. Колобовича и В. Савинца исследуются история, идеология, стратегия и тактика коммунистических партий Польши и Западной Украины.

Авторы этих работ освещают последовательную борьбу В. И. Ленина против различных уклонов в польском и западно-украинском коммунистическом движении. Так, Я. Шреняевский указывает, что «Ленин, критикуя со всей решительностью национализм ППС, никогда не соглашался на недооценку национального вопроса СДКПШЛ». Известны неоднократные выступления В. И. Ленина против люксембургизма в КРПП. В том, что КРПП стала на революционные позиции, — пишет автор — большая заслуга В. И. Ленина. С этим утверждением нельзя не согласиться, однако следовало обосновать его более последовательно.

Отсутствие такой последовательности еще резче выступает в статье А. Коробовича и В. Савинца, которая состоит из двух до некоторой степени различных частей. Чувствуется, что ее писали два автора, не выработавшие четких принципов изложения материала. Все же ими в целом правильно начертана главная линия борьбы КПП за ленинизм, раскрыта роль идейного наследия В. И. Ленина в теоретическом вооружении КПП и КПЗУ. Связанные крепкими узлами пролетарского интернационализма КПП и КПЗУ вписали много славных страниц в историю борьбы польского и украинского народа за Советскую власть, за

победу социализма и коммунизма — отмечают авторы.

Интересной является статья А. Копруковника «Из периода общей борьбы», в которой идет речь о сотрудничестве советских и польских партизан в борьбе против фашизма во время второй мировой войны, в частности на Люблинщине. Так, еще в сентябре 1941 г. западно-украинские коммунисты А. Скубий, Л. Демчук, Н. Ящук, В. Ковальчик и В. Хуль на территории Хелмского повята организовали партизанскую группу. В дальнейшем было создано много партизанских отрядов, в которых вместе боролись поляки и советские люди различных национальностей. Так, только в рядах Гвардии людовой, действовавшей на Люблинщине, насчитывалось 2500 советских граждан. С марта до июня 1944 г. через Люблинщину прошло около 15 украинских партизанских отрядов численностью в 4500 человек. Советская Армия и советские партизаны спешили на помощь польскому народу. Один из руководителей советских партизан П. Вершигора говорил: «Вот наша освободительная миссия! Там живет и борется братский славянский народ. Истекает кровью. Тридцать две партии довели его до войны и поражения... И только одна, рабочая, вместе с нами вывела Польшу на путь национального освобождения».

Ныне пародная Польша — высоко развитая социалистическая страна. Ее достижения можно продемонстрировать на примере Люблинского воеводства. О них рассказывает Э. Махоцкий в статье «Общественно-экономические преобразования на Люблинщине в годы народной власти».

В статье Б. Дудыкевича «Очаг пропаганды идей ленинизма» и В. Чугаева «Коммунистическая партия — организатор социально-экономических и культурных преобразований в западных областях Украинской ССР» раскрывается руководящая роль КПСС в тех коренных изменениях, которые произошли в Прикарпатье за годы Советской власти. Благодаря воплощению в жизнь ленинских идей Львовщина — бывшая колониальная окраина иностранных государств — превратилась в высокоразвитую область УССР. Социалистический строй обеспечил ликвидацию вековой отсталости и Люблинщину — области народной Польши. Люблинщина и Львовщина находятся в составе двух братских государств, идущих по пути, указанному В. И. Лениным. Ленинизм является основой их плодотворного сотрудничества, отвечающего интересам украинского и польского народов. Это наглядно показано в сборнике «Идеи Ленина — источник дружбы народов».

СОВЕТСКОЕ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СЛАВЯНО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Вслед за довольно детальным обзором советских медиевистических исследований О. Л. Вайнштейна¹ появилась большая монография З. В. Удальцовой², специально посвященная характеристике развития византиноведческих исследований в СССР в 1917—1957 гг.

И по охвату материала и по характеру его анализа труд З. В. Удальцовой выгодно отличается от обычных обзорных работ, рассматривающих ту или иную отрасль наших общественных наук, в том числе и от подготовленного в свое время обзора советских славистических исследований³. Новую книгу известного нашего византиниста во многих отношениях справедливее было бы именовать историей византиноведческих исследований в нашей стране после Октября. Это во-первых. А во-вторых, в ряде, причем очень существенных проблем истории Византии З. В. Удальцова выступает в своей книге не как историк, со стороны оценивающий разработку их в советской историографии, а как ученый, в большой мере заново анализирующий результаты собственных исследований и исследований связанного с нею большого коллектива византинистов.

По ходу дела автору неоднократно приходится возвращаться к точкам зрения, высказанным в ее прежних работах, сопоставлять их с результатами новых исследований, иногда даже корректировать или уточнять выводы, сделанные в прошлом. Именно поэтому труд З. В. Удальцовой в значительной своей части является к тому же итоговым исследованием, причем подводящим итоги не только собственной научной деятельности, но и, как уже сказано, развитие научного поиска византинистов. Вместе с тем именно поэтому в книге заключается и большая и хорошо продуманная наметка, программа исследований на будущее.

Рецензируемая книга построена хронологически и состоит из трех частей, соответствующих предлагаемой автором периодизации развития византиноведческих исследований в СССР: 1) 1917 — конец 30-х годов, 2) конец 30-х — середина 50-х годов и 3) 1955—1967 гг. Впрочем, автор отдает себе отчет в том, что второй и третий периоды, в сущности

говоря, являются одним большим периодом (стр. 7), а разделение его на два подэтапа скорее вызвано стремлением выделить и подчеркнуть время становления в СССР византиноведческих исследований и некоторыми соображениями общен исторического порядка, специально не связанными с развитием византиноведения (стр. 165), чем намерением противопоставить их друг другу в принципиальном плане. Думается, что с таким решением проблемы периодизации развития отечественного византиноведения вполне можно согласиться.

Как и в истории наших славистических исследований, в византиноведении период подготовки для возрождения на новой методологической базе изучения истории Византии действительно затянулся до конца 30-х — начала 40-х годов. И связано это тоже было как с преимущественно реакционным по своей идеологической направленности характером дореволюционного византиноведения, так и с очень большим моральным уроном, который принесли с собой в нашу науку ошибки школы Покровского, явно недооценивавшей и даже неправильно оценивавшей место византиноведческой и славистической проблематики в общей проблематике всеобщей истории и истории СССР. В отличие от славистических исследований, в византиноведении годы второй мировой войны не образовали самостоятельного этапа, хотя и были ознаменованы определенным подъемом интереса к проблемам византийской истории. Именно поэтому автор и включает их в общий большой этап: конец 30-х годов — 1967 г. Показательно, что и в области историко-славистических исследований представляется более оправданным рассматривать послевоенный период как единый по существу этап развития науки, разделяя его серединой 50-х годов на два подэтапа. Что касается нового этапа византиноведческих исследований, связанного с качественными изменениями самой методики и проблематики их (применение точных методов, широкие сравнительно-исторические исследования, резкое возрастание в проблематике удельного веса культурно-исторических штудий, а также комплексное изучение проблем международного развития), то думается, что первые признаки зарождения его, как и в исторической славистике, можно констатировать только с 60-х годов.

¹ О. Л. Вайнштейн. История советской медиевистики. Л., 1968.

² З. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет. «Наука», М., 1969, 362 стр.

³ См.: В. Д. Королюк, Н. И. Толстой, И. А. Хренов, И. М. Шептунов, С. А. Шерлаимова. Советское славяноведение. Краткий обзор литературы 1945—1963 гг. М., 1963.

Первая часть монографии З. В. Удальцовой посвящена главным образом характеристике тех условий, в которых происходило в нашей стране преодоление реакционных ошибок дореволюционного византиноведения и закладывался методологический фундамент для марк-

системного изучения вопросов византийской истории. Здесь автором критически проанализированы работы старшего поколения русских византистов, оставшихся еще на почве буржуазной науки, и отмечены новые работы, свидетельствовавшие о возрождении в СССР византистических исследований, но на основе принципиально новой методологии. Одним из коренных вопросов был тогда вопрос о социально-экономической природе Византийской империи. Определение ее как феодальной являлось краеугольным камнем создания новой, марксистской концепции истории Византии. Не потому ли в возрождении в СССР на новых основах византиноведческих исследований сыграли столь выдающуюся роль, как отмечается автором, такие историки, как Е. А. Косминский, В. И. Пичета, Б. Д. Греков и др. Ведь это были именно те исследователи, которые разрабатывали в отечественной науке коренные проблемы феодализма в Западной и Восточной Европе.

Вторая часть книги З. В. Удальцовой открывается главой: «Создание и начало деятельности византиноведческих центров». Затем следует рассмотрение проблематики советских византиноведческих исследований конца 30-х годов — 1955 г. по трем основным направлениям: проблемы социально-экономической истории, история международных отношений и культуры. Аналогичным образом, только с еще большей степенью детальности, рассматривается византиноведческая проблематика периода 1955—1967 гг. Помимо того, в третьей части появляются специальные разделы, посвященные характеристике проблем источниковедения, археологии и нумизматики, эпиграфики и сфрагистики, палеографии. Распределение материала по двум частям книги, разумеется, несколько затрудняет пользование ею, принуждает автора дважды подводить итоги своим наблюдениям, а иногда и повторяться. Читателю приходится сопоставлять материал, охарактеризованный в разных местах исследования. Зато автор выигрывает в другом отношении. Ему действительно удается убедительно показать яркое нарастание интенсивности византиноведческих исследований во времени, прежде всего в последние пятнадцать лет.

Как во второй, так и в третьей части книги очень много места уделяется анализу собственно славянской проблематики в той ее области, где она непосредственно соприкасается с византиноведением. При этом, чего нельзя не подчеркнуть, автор внимательнейшим образом изучил не только работы византистов, затрагивающих более широко славянистическую проблематику, но и исследования славистов-медиевистов (специалистов по истории Руси и южных славян), так или иначе касавшихся про-

блем истории Византии. Помимо тех разделов книги, где рассматриваются проблемы генезиса и падения феодальной Византийской империи, и где без анализа славянистической проблематики, естественно, никоим образом нельзя было обойтись, в книге имеются специальные параграфы и главы, посвященные славяно-византийским отношениям в широком смысле слова: «Взаимоотношения Византии со славянами и другими варварскими народами в эпоху падения рабовладельческого строя» (стр. 70—78), «Византия и Русь» (стр. 108—123), «Отношения Византии с южными и западными славянами» (стр. 124—126) во второй части книги и «Русско-византийские отношения» (стр. 229—246) и «Византия и славяне» (стр. 247—252) — в третьей. Вместе с тем славяно-византийская проблематика хорошо представлена в разделах, характеризующих исследования проблем византийской культуры и состоящие вспомогательных исторических дисциплин.

Для славистов-медиевистов эти страницы книги З. В. Удальцовой тем более важны и интересны, что соответствующие обзоры славяно-византийской проблематики, принадлежащие славистам, либо устарели или очень неполны, либо по большей части проблематики вообще отсутствуют. Вместе с тем страницы эти еще раз, и теперь уже вполне достаточно научно аргументированно, свидетельствуют в пользу необходимости самой тесной координации усилий византистов и славистов по целому большому кругу исследовательской проблематики. До сих пор, к сожалению, как отмечает это и З. В. Удальцова (стр. 344) такой координации не было. Не было научного центра, способного объединить усилия византистов, славистов и историков СССР, занимающихся смежной проблематикой. Такой центр необходим.

Капитальная монография З. В. Удальцовой позволяет одновременно и более точно сформулировать задачи, стоящие перед славистами в области широко понятой славяно-византийской проблематики. К сожалению, намечая программу актуальных проблем византиноведения, требующих в ближайшее время концентрации на себе исследовательских усилий, З. В. Удальцова именно этой стороне дела уделила недостаточно внимания, хотя такие ее предложения, как подготовка специальной монографии на тему «Византия и славяне на территории Византии в IV—X вв.», издание корпуса известий византийских писателей о Древней Руси (Byzantino — Rossica) и обращение к проблемам изучения византийского влияния на славян в области идеологии (стр. 343—344) заслуживают самой энергичной поддержки.

Тщательное изучение монографии З. В. Удальцовой вместе с анализом со-

временного состояния наших славистических исследований в области медиевистики позволяет, однако, более широко сформулировать задачи совместных усилий славистов и византинистов в области славяно-византийской проблематики. Задачи эти вытекают прежде всего из того коренного, установленного факта, что становление феодализма в странах Юго-Восточной Европы было неразрывно связано с формированием феодализма как социально-экономической формации в Восточно-Римской империи. Важно при этом подчеркнуть, что в результате новейших исследований византийский тип формирования феодализма (разумеется, с учетом значения славянских поселений), характеризующийся особой ролью античного континуитета, понятного, конечно, как явление античного наследия, а не прямого перехода неизменных рабовладельческих институтов и порядков в новое общество, все более вырисовывается не как некая особенность или даже аномалия развития Юго-Восточной Европы, а как путь развития общества, не менее показательный, чем являвшийся до сих пор своеобразным эталоном путь франкский.

В связи с этим особое внимание заслуживают до сих пор очень слабо разработанные в нашей историографии вопросы феодализации южнославянского общества. Совершенно очевидно, однако, что только совместными усилиями византинистов и славистов, при тесной координации этих усилий, возможно действительно научное изучение социально-экономического и этнического синтеза, определившего переход южных славян на пути феодального развития. Вместе с тем такое изучение открывает возможности для широких сопоставлений и сравнительно-исторического исследования проблемы типологии генезиса феодализма у южных, с одной стороны, — западных и восточных славян, — с другой (имеется в виду бессинтезный путь развития славянских стран Центральной и Восточной Европы). Думается, что сопоставления эти в дальнейшем смогут сыграть важную роль в общем переосмыслении проблемы генезиса феодализма как проблемы не только европейской, но и всеобщей истории.

Только что сказанным определяется и особое научное значение для славистики и византиноведения проблемы славянских переселений на Балканы, которая вообще не может изучаться без учета не только внешней политики Византии, но и без учета ее внутреннего развития, как не может отрываться и от изучения того материнского и духовного наследия, с которым явились славянские племена на территорию Балкан и в Паннонию. Тому факту, что это наследие фактически не изучалось до сих пор, мы в большой мере обязаны и

отставанием в области наших этногенетических исследований. Сам механизм этнического синтеза, происходившего в Юго-Восточной Европе, не может быть до конца понят до тех пор, пока не будут определены параметры материнской и духовной культуры синтезирующихся элементов. А поскольку параметры эти необходимо должны были отразиться в языке, а сам язык наряду с брачными связями был важнейшим инструментом этнического синтеза, комплексное исследование названной проблематики требует еще и координации исследовательских усилий археологов, историков и лингвистов, не говоря уже об этнографам.

Логически вполне убедительно предположить, что характер генезиса феодализма в Юго-Восточной Европе должен был определить и особенности развития феодального общества в странах Юго-Восточной Европы в период развитого феодализма (XII—XV вв.). Очевидно, особенности эти не могли формироваться без непосредственного экономического, политического и культурного воздействия Византии, к стати и в области идеологии. Этим, однако, обуславливается острая необходимость сотрудничества славистов и византинистов и при изучении проблематики развитого феодализма, причем не только южнославянского, но и, разумеется, восточнославянского.

Поскольку до своего падения Византия являлась важнейшим фактором политического, экономического и культурного развития славянских стран Центральной и Восточной Европы, начиная с эпохи Великоморавской державы (особенно в связи с культурно-просветительской деятельностью Кирилла и Мефодия) и до начала XV в., постольку думается, что без учета политического развития славянских стран Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы не может быть полностью разрешена и проблема падения Византии, как и вопрос о причинах успеха турецкой агрессии на Балканы, в страны Дунайского бассейна и на восток Европы. Координация исследовательских усилий византинистов и славистов и здесь представляется поэтому первоочередной задачей как для одних, так и для других. В ней фактически заинтересованы даже те историки, которых специально занимают западные аспекты византийской политики. Тем более это относится к славистам, еще очень далеким от того, чтобы в полной мере оценить значение падения Византии для последующего исторического развития стран Центральной и Восточной Европы, для коренного изменения расстановки политических сил в этом регионе в послевизантийский период.

Славянские народы Балкан, как и славянские народы Восточной Европы, вме-

сте с молдавским и румынским народами явились естественными наследниками византийской цивилизации. Проблема византийского культурного наследства (а через него и благодаря ему наследства эллинистического) является поэтому в очень большой мере даже не столько византиноведческой, сколько собственно славистической. Кстати сказать, без учета византийского наследия нельзя достаточно всесторонне исследовать и многие важные аспекты межславянских культурных связей, осмыслить ту разницу, которая в течение многих веков существовала между культурным общением южных и восточных славян и славян восточных и западных.

Сказанным, вероятно, не исчерпывается вся научная проблематика, требующая

координации работы византинистов и славистов. Рецензируемое исследование З. В. Удальцовой всем своим содержанием подчеркивало необходимость этой координации как одной из самых неотложных наших задач, необходимость создания общего научного центра, координирующего исследование византинистов, славистов и специалистов по истории СССР. Таков один из выводов, прямо вытекающих из большого и серьезного труда З. В. Удальцовой. Работа З. В. Удальцовой заслуживает, конечно, более подробного разбора, чем настоящий. В наши задачи входило подчеркнуть только то безусловно важное и ценное, что принесла она славистике.

В. Д. Королук

ВАСИЛ ГЮЗЕЛЕВ. *Князь Борис Първи*. София, 1969, 530 стр.
ВАСИЛ ГЮЗЕЛЕВ. *Князь Борис Первый*

Со вкусом оформленная, щедро иллюстрированная книга молодого ученого В. Гюзелева принадлежит к тому жанру, который в последнее время все шире распространяется в болгарской исторической литературе¹. Это повествование, основанное на фактах, и вместе с тем — живой и эмоциональный рассказ о давних и дорогих современнику событиях. Гюзелева интересует «драма, приведенная князя Бориса в монашеское уединение» (стр. 454), он постоянно говорит о трагичном в истории (стр. 174, 331, 337 и др.) и, видимо, не случайно вторгается в ход его рассуждений противопоставление «пера беллетриста» «серьезной научной литературе» (стр. 336). Равновесие между тем и другим было, вне всякого сомнения, предметом поиска болгарского исследователя.

Монография Гюзелева — серьезное исследование, основанное на изучении разнообразных источников, скудость которых, отмечаемая и самим автором (стр. 385), подчас вынуждает или, лучше сказать, позволяет нагромождать гипотезу на гипотезу (например, на стр. 357). Четкий аппарат дает возможность судить о широте использованной литературы, и наш читатель с удовлетворением отметит имена советских авторов. Подробный и последовательный рассказ о правлении Бориса разворачивается на фоне социально-экономической характеристики болгарского общества (стр. 41 и сл.) — характеристики несколько суммарной из-за недостатка источников. Гюзелев обрисовывает и административную структуру Болгарского государства (стр. 380

и сл.). Он отчетливо видит политические основы дипломатической игры, и в том числе политические предпосылки моравской миссии (стр. 66), для которой находит затем остроумное диалектическое определение: «По странной и красивой игре истории рожденные среди и для болгарских славян письменность и литература были превращены в Константинополе в оружие византийской дипломатии, получили свое идеологическое осмысление и освещение в Риме и трагически реализовались в Великой Моравии с тем, чтобы вернуться на свою истинную родину и пережить здесь блестящий расцвет» (стр. 338). Что миссия Константина и Мефодия была политическим оружием византийской дипломатии — этот для нас естественный вывод примет далеко не каждый болгарский историк!

Диалектическую противоречивость политической игры отмечает Гюзелев и разбирая результаты римско-византийского соперничества из-за Болгарии (стр. 252): удар по интересам пап был нанесен как раз при патриархе Игнатии, с которым римский престол связывал свои сокровенные надежды.

В книге Гюзелева немало зримых характеристик. Особенно удачным кажется мне сопоставление и противопоставление двух посланий Борису — от Фотия и папы Николая I (стр. 186—204): именно сопоставление их обнаруживает различие методов и приемов византийской и римской церковной дипломатии.

При всех достоинствах рецензируемой книгистораживает один момент — идеализация всего болгарского, идущая параллельно с весьма критическим суждением обо всем неболгарском. В самом деле, о Борисе Гюзелев говорит в исклю-

¹ См. к примеру книгу Надежды Драговой «Климент Охридски. Разказ за него и за враговете му». София, 1966.

чительно восторженном тоне: «блестящий дар дипломата» (стр. 55), «проницательность ума, широкий государственный кругозор, большая политическая смелость» (стр. 302), «государственный гений» (стр. 354), «проницательный и умный организатор» (стр. 388) и, наконец, исполнитель «неповторимой миссии в нашей истории» (стр. 510). Даже портрет Бориса в рукописи XII в. излучает «неповторимое и привлекательное очарование молодости» (стр. 492). И Климент «достойно исполнил свою историческую миссию» (стр. 367). И предшественники Бориса имели «огромную заслугу» (стр. 46), осуществляли «успешную государственную деятельность» (стр. 49). Когда же речь заходит о византийцах или итальянцах, язык Гюзелева настраивается на иной лад. Михаил III — пьяница и гомосексуалист (стр. 243 и сл.)²; Василий I — амбициозен, его опыт в управлении империей — ничтожен (стр. 244); Фотию свойственны вероломство и хитрость (стр. 190, 221); папа Адриан II неактичен (стр. 234); папа Иоанн VIII амбициозен и упрям (стр. 275). Для одного только Формоза Португальского делается исключение (стр. 225, 229) — ведь он чуть было не стал архиепископом Болгарии.

Так характеризуются не только отдельные личности. В применении к папству мы встречаем «наглость лживого акта» (стр. 145), в применении к византийцам — «фанатичное упрямство» (стр. 191) или «пустословие основной политической идеи» (стр. 131). На страницах книги появляется — несколько преждевременно — папская инквизиция (стр. 338), а византийское культурное влияние на Болгарию обозначается эпитетом «пагубное» (стр. 324 и сл.) что, впрочем, не мешает Гюзелеву на стр. 401 и следующих разбирать вопрос о рецензии болгарам византийского права.

Напротив, роль Болгарии определяет

² Замечу попутно, что Михаилу III не было четырех лет в 842 г. (стр. 55) — он родился в январе 840 г.

ся чуть ли не в провиденциалистских понятиях: подчиненные византийцами славянские племена «протягивают руки к Болгарии» (стр. 33), Болгария выполняет «свою историческую миссию защитника и объединителя славян» (стр. 38) — хотя, впрочем, борьба сербов и хорватов против Болгарии названа справедливой (стр. 70). Гюзелев неоднократно говорит о болгарском военном превосходстве — как над франками (стр. 39), так и над Византией (стр. 180). Правда, в этой связи непонятно, почему Борис отступил перед угрозой со стороны Византии, да еще «с решительностью обреченного» (стр. 194 и сл.). Во всяком случае, по мысли Гюзелева болгары имели право продолжать набеги на Фракию (стр. 58).

Мне кажется, что известная тенденциозность Гюзелева ставит под сомнение и его вывод о том, что крещение Болгарии было большой дипломатической победой Бориса (стр. 307 и сл., 310, 512). Именно с этого момента Болгария оказалась втянутой в сферу византийского влияния и вопреки отчаянным усилиям Симеона и Самуила в конце концов была инкорпорирована империей. Церковная зависимость от далекого Рима могла бы оказаться более безопасной.

Впрочем, Гюзелев отвергает мысль о церковном подчинении Болгарии Константинополю, настаивая на том, что болгарская церковь была автономной (стр. 410 и сл.). Между тем, аргументация его не бесспорна; в приводимом им свидетельстве, относящемся к XII в., Нил Доксопатр ставит болгарскую церковь в один ряд с кипрской (стр. 414), а Кипр был одной из областей империи. Отмечу попутно, что Василий Багрянородный, о котором идет речь у Доксопатра, конечно, Василий II, а не Василий I, как у Гюзелева.

Добротная и умно написанная книга Гюзелева только выиграла бы, если бы ее изложение освободилось от тенденциозности — даже если эта тенденциозность порождена самыми благородными, патристическими эмоциями.

А. Каждан

КНИГА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОГРЕССИВНОГО УЧИТЕЛЬСТВА В ЧЕХОСЛОВАКИИ

В 1968 г. в Пражском издательстве «Праге» вышел сборник воспоминаний и исследований «Учителя в труде и в бою»¹.

Рецензируемый сборник состоит из 25 отдельных исторических этюдов и воспоминаний прогрессивных чехословацких педагогов. По замыслу его инициаторов он должен был стать первой книгой в серии, посвященной исто-

рии чехословацкого учительства с 1848 г. до наших дней.

В его основу были положены воспоминания педагогов о важнейших событиях в жизни чехословацкого учительства с начала первой мировой войны до конца второй мировой войны и очерки о преподавательской и антифашистской деятельности таких крупных ученых и педагогов, как Эденек Неелды, Иозеф Гакен, Петр Илемницкий и народный учитель — герой Советского Союза Ян Налешка.

¹ «Učitelé v práci a v boji». Sborník vzpomínek a studií, Praha, 1968, s. 368.

Материалы сборника посвящены узловым вопросам в истории чехословацкого учительства: влиянию учителей-коммунистов на прогрессивную педагогическую общественность страны, налаживанию связи между чехословацкими и советскими педагогами и активному участию чехословацкого учительства в антифашистской борьбе в годы второй мировой войны. Все названные выше проблемы в той или иной степени нашли отражение в интересной вводной статье О. Кодедовой и З. Угерка «Из истории учительства».

Значительное место в этой статье отводится разбору деятельности созданной чехословацкими учителями-коммунистами прогрессивной организации «Социалистическое содружество учителей», которая сыграла большую роль как в распространении марксистско-ленинских взглядов, так и в ознакомлении чехословацкой общественности с успехами советской педагогики.

В этой статье, а также в очерке «Учительский авангард двадцатых годов» В. Павласека рассказывается о деятельности коммунистов, которыми руководил Йозеф Гакен, в рядах «Социалистического содружества учителей» и в массовых прогрессивных организациях, например федерации рабочего физкультурного единства. Большое внимание в названных статьях уделяется активному участию передового учительства Чехословакии в созданном Зд. Неедлы в 1924 г. «Обществе друзей Новой России».

Приведем лишь несколько фактов, свидетельствующих об установлении связей между чехословацкими и советскими педагогами: приезд в Прагу в 1927 г. советской писательницы, в прошлом народной учительницы — Лидии Сейфулиной; организация в 1928 г. выставки в Праге о советской школе; первая поездка в СССР чехословацкой учительской делегации на первую Всесоюзную педагогическую выставку в 1930 г.

В яркой, небольшой статье Я. Породы «К развитию школьного дела в Словакии в 1919—1938 гг.» на широком социально-политическом фоне Словакии того времени показаны успехи, которых добилось прогрессивное словацкое учительство, поддерживаемое коммунистами, в борьбе с фашистской реакцией и католической церковью за светское демократическое школьное образование. Большую помощь в этой борьбе, как указывается в книге, словацкому учительству оказывали: журнал «Словацкий учитель» и издаваемая в Праге «Учительская газета», главным редактором которой в 1933—1934 гг. был Зд. Неедлы. Непосредственное влияние, как подчеркивает Порода, на формирование мировоззрения передового словацкого учительства оказали выдающиеся деятели словацкой

культуры Ладислав Новомеский, Владо Клементис и Петр Илемницкий.

В статье Я. Койзара «Педагогические взгляды Зденека Неедлы» говорится о многогранной научной и педагогической деятельности З. Неедлы, направленной на воспитание народов Чехословакии в духе национальных прогрессивных традиций.

Еще во времена буржуазной диктатуры Чехословакии он призывал передовое учительство активно участвовать в социальной борьбе рабочего класса, считая, что учительство по своему положению больше чем другие группы интеллигенции связано с рабочим классом.

Большое внимание в рецензируемом сборнике уделено участию чехословацкого учительства в антифашистской борьбе.

А. Зайц посвятил свой очерк деятелям чехословацкого учительского союза, которые в тяжелых условиях фашистского концлагеря Маутхаузена вели бесстрашную борьбу. Всего в годы фашистской оккупации в концентрационных лагерях, как указывается в книге, было заключено пять тысяч чехословацких учителей, из которых более 1000 человек погибло.

О мужественной борьбе двух чешских педагогов-коммунистов — Ярослава Манека и Ладислава Хорника — рассказывается в очерке М. Медоносовой. Нельзя без волнения читать страницы этого очерка, посвященные поискам после освобождения Чехословакии останков зверски замученного гестаповцами Ладислава Хорника, который прожил короткую, но полную борьбы жизнь коммуниста, деятеля прогрессивной учительской печати, краевого секретаря «Общества друзей СССР». Образ другого чешского учителя-коммуниста — Ярослава Манека — активного деятеля сопротивления в годы фашистской оккупации автор воссоздает на основании писем, адресованных Манеком автору очерка и его родным в разные годы, и в частности во время второй мировой войны и накануне его смерти в 1947 г. Блестящему педагогу и смелой чехословацкой патриотке — Ружене Стокласовой из Прешова, которая была казнена гестаповцами в Брно 10 июля 1942 г., посвящен очерк М. Копрживовой. В рецензируемом сборнике находим и цифровые данные об участии чехословацких учителей в движении Сопротивления и в Словацком национальном восстании 1944 г. Так, в Словацком национальном восстании 1944 г. участвовал 871 учитель².

² Участию словацкого учительства в борьбе против фашизма в годы второй мировой войны 1939—1945 гг. посвящена книга: J. M a t e j. «Slovenské učiteľstvo v boje proti fašizmu 1939—1945». Bratislava, 1960, s. 240.

В сборник включен и очерк И. Матея о педагогической деятельности в тридцатые годы в Словакии и антифашистской борьбе в рядах словацкой дивизии в Белоруссии и на Украине в годы Великой Отечественной войны словацкого народного учителя и патриота Яна Налепки.

Жизни и учебе Петра Илемницкого в конце 20-х годов в СССР и его участию в Словацком национальном восстании в 1944 г. посвящено два очерка. В целом рецензируемый сборник создает доволь-

но полное впечатление о прогрессивном движении чехословацкого учительства с 1914 по 1945 гг.

Этот сборник, безусловно, вызовет интерес и у советских исследователей. В приложениях к сборнику даны фотографии делегации чехословацких педагогов в Ленинграде в Эрмитаже в 1930 г., фотокопия заголовка последнего номера «Учительской газеты» от 23 января 1939 г. и фотографии чехословацких учителей-патриотов.

Ф. А. Молок

СБОРНИК СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ К 90-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ БОЛГАРИИ

Перед нами небольшой по объему (всего шесть печатных листов), но удивительно насыщенный новыми материалами сборник статей¹, содержащий новейшие исследования сотрудников Института славяноведения и балканистики АН СССР и Института истории АН Молдавской ССР.

Сборник открывается статьей и публикацией В. Д. Конобеева, Н. В. Зуевой и Е. М. Шатохиной — «Из истории борьбы за национальную автономию Южной Болгарии в 1878—1879 гг. (Организация народной обороны)». Литература о борьбе болгарского народа против установлений Берлинского конгресса 1878 г. весьма велика². Тем не менее авторам указанной статьи на основании архивных данных удалось раскрыть совершенно новый ее аспект: создание вооруженных сил Южной и Северной Болгарии, осуществлявшееся как русским управлением и главнокомандованием, так и болгарским «Комитетом народной обороны», тесно связанным с комитетом «Единство». Более того, оказывается русские военные власти, совместно с «Комитетом народной обороны», разрабатывали планы обороны Южной Болгарии от возможного вторжения турецких войск. Напряженная международная обстановка, возможность новой войны, на этот раз с англо-австро-турецкой коалицией, заставляли русское военное министерство вместе с главнокомандованием русской армии на

Балканах и русскими военными властями в Болгарии разрабатывать планы действия Балканской армии, в составе которой должны были находиться и болгарские дружины, сформированные из участников гимнастических обществ, члены которых были обучены русскими офицерами и вооружены трофейным оружием. (Только в Южной Болгарии их насчитывалось 64 000 человек, стр. 17.) Исходя из своих целей, русское правительство стремилось укрепить оборону болгарского плацдарма, а это способствовало созданию болгарских национальных вооруженных сил, что немалое помогало борьбе болгарского народа за независимость. Штаб IV армии сотрудничал с «Комитетом народной обороны» (стр. 21—25). План разрабатывался и болгарскими офицерами и был передан «Комитету народной обороны» Восточной Румелии (стр. 25). Все эти приготовления немало способствовали постепенному созданию и повышению боеспособности болгарской армии.

В приложении к статье публикуется письмо М. Д. Скобелева генерал-губернатору Восточной Румелии А. Д. Столышину от 11 апреля 1879 г., в котором он сообщает о политической обстановке в Восточной Румелии. В публикуемой записке русского генерального консула в Пловдиве А. Н. Церетелева на имя Н. К. Гирса от 18 мая 1879 г. излагается история возникновения центров сопротивления болгар после Берлинского конгресса, в частности комитета «Единство».

При несомненной ценности и новизне как статьи, так и публикации, известным недостатком является то, что в статье не отмечена гибкость внешней политики русского правительства, его умение приспособляться к местным условиям, вплоть до сотрудничества с революционными организациями болгар, несмотря на его монархические принципы. Эти действия — ярчайшее проявление специфики балканской политики русского царизма. Последний вынужден был счи-

¹ «Юбилей дружбы». Сборник статей, посвященный 90-летию освобождения Болгарии. Кишинев, 1969 г., 96 стр.

² В качестве примера укажем на монографию Горана Тодорова «Временное русско управление в България през 1877—1879 гг.», София, 1958; В. Д. Конобеев. Борьба болгарского народа за национальную независимость в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и против решений Берлинского конгресса. В сб.: «Освобождение Болгарии от турецкого ига», М., 1953, а также многие другие исследования болгарских и советских авторов за последние годы.

таться с национально-освободительным движением балканских народов и с общественным мнением внутри самой России, которое в период 1875—1877 гг. выросло в большую силу и оказывало немалое влияние на правительство.

Об этом влиянии русской общественности говорится в статье А. А. Улуныяна «Русская пресса об участии болгар в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.». А. А. Улуныян показал, как прогрессивная печать осуждала правительство за слишком робкие меры по формированию болгарского ополчения. А когда оно было сформировано, то русская пресса пристально следила за его действиями и восторженно писала о героизме болгар и боевой дружбе русских и болгарских воинов. В русских газетах и журналах освещались действия болгарских партизан, специальные статьи были посвящены их выдающимся руководителям — П. Хитову, Илю-Воеводе и другим.

Очевидно, размеры статьи не позволили автору проанализировать интереснейшие корреспонденции В. И. Немировича-Данченко, Е. Утина, А. Н. Пыпина. В статьях Пыпина и Утина поднимались острые вопросы положения болгар, трудности переходного периода от османского ига к свободе. Они критиковали русское гражданское управление во главе с князем В. А. Черкасским, предупреждали об опасности «океки»³. И это было учтено русским управлением во главе с А. М. Дондуковым-Корсаковым.

В статье С. З. Новака «Участие бесарабских болгар в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.» раскрыта роль Кишинева, как колыбели болгарского ополчения, названы имена болгар из Бессарабии, принимавших участие в освобождении Болгарии и позднее ставших ее видными деятелями.

Очень интересна и богата новыми фактами статья К. А. Поглубко «Распро-

странение революционной литературы среди русских войск на Балканах во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг.». Автор ее привлек огромный неопубликованный материал из архивов Советского Союза. В сочетании с имеющимися публикациями и литературой они дают, при умелой композиции и изложении их автором, яркую картину распространения революционной литературы в русской армии. Это одна из интереснейших страниц русского революционного движения 70-х годов XIX в. Автор называет много новых имен офицеров и медицинского персонала, связанных с народниками. Может быть, К. А. Поглубко следовало резче подчеркнуть мысль, пока только мелькающую в тексте, что благородное дело освобождения Болгарии от османского ига не только не отвлекло прогрессивно настроенных участников войны от революционных идей, но так надеялось правительство, вступая в войну, но наоборот — война явилась ускорителем и стимулятором процесса революционизирования армии.

Статья М. А. Мунтяна о значении советско-болгарских договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи от 18 марта 1948 г. и 16 мая 1967 г. удачно подчеркивает преемственность традиций дружбы, показывает, какой невиданный размах приняло советско-болгарское сотрудничество после победы народной революции 9 сентября 1944 г. М. А. Мунтян приводит данные о помощи Советского Союза Болгарии в деле социалистического строительства и раскрывает содержание договоров. Мне кажется, однако, что нужно было подчеркнуть, что договор 1967 г. является не только двусторонним договором, но и одним из звеньев системы Варшавского договора.

Сборник заканчивается хроникой юбилея дружбы. Небольшой по объему, но содержательный и отличающийся новизной тематики и материалов, сборник будет несомненно с интересом встречен советскими и болгарскими читателями.

И. Козьменко

ТАЛАНТЛИВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЮГОСЛАВСКОГО ИСТОРИКА

Богатое событиями двадцатилетие 1860—1880 гг. явилось переломным периодом в развитии нации в хорватских землях. В формировании национального самосознания произошел скачок — следствие накапливавшихся изменений в социально-экономической, политической и культурной областях.

Несмотря на систематический интерес югославской исторической науки к национальному возрождению, проблемы той эпохи не были всесторонне исследованы.

Речь шла по преимуществу об изучении хода политических событий, в лучшем случае — вопросов национальных программ и идеологии¹.

¹ Обширная литература появилась в начале 60-х годов в связи со столетием национального возрождения в Далмации. См., например, «Radovi Instituta J. A. u Zadru», br. 8. Zadar, 1961. Библиографию см. там же: N. Sola k. Narodni preporod u Dalmaciji u svijetlu

³ Е. И. У т и н. Письма из Болгарии. 1877. СПб., 1879; А. Н. П ы п и н. Наша печать и болгарские дела. «Одесский вестник», 1877, № 10.

Рецензируемая книга², содержащая комплексное исследование идейно-политических явлений того времени в Далмации, — шаг вперед в развитии марксистской историографии Югославии.

Монография состоит из трех больших глав. В главе I рассмотрены социальные, национально-политические и культурные предпосылки национального движения, наиболее общие условия начала движения в Далмации после военного поражения Австрии в 1859 г. В главе II изложена история создания Национальной партии, ее социальный и национальный состав, структура, источники финансирования и, наконец, программа. Глава III посвящена формированию национального самосознания югославянского населения Далмации, отражению этого процесса в идеологии народняков и его влияние на судьбу партии. Книга построена по принципу, который можно назвать проблемно-хронологическим (с акцентом на первой части).

Производит впечатление глубокое обоснование автором своих выводов. Базой исследования являются прежде всего архивные материалы, среди которых центральное место занимает богатейшая переписка деятелей и идеологов движения. Значение этого источника не приходится разъяснять.

Большое удобство для читателя составляет то обстоятельство, что Р. Петрович имел возможность поместить в подстрочнике текст соответствующих документов в больших отрывках или полностью (объем этой публикации составляет более трети текста, а по отдельным вопросам значительно больше!).

Автор начинает с рассмотрения особенностей исторического развития отдельных частей тогдашней австрийской Далмации и в дальнейшем умело увязывает эти особенности с характером национальных воззрений и политических событий в б. венецианской Далмации, Боке и Дубровнике. Он приводит данные о составе и численности городского населения области, его экономических интересах, выделяет торговлю и мореходство как ведущие (наряду с сельским хозяйством) отрасли экономики, отмечает торговую ориентацию Далмации на Италию и свой южнославянский хинтерланд, указывает на связь относительно слабой торговой и ростовщической буржуазии с землевладением и чиновничеством. «Слой купцов, занятый торговлей

с Боснией и Герцеговиной и Черногорией, — делает вывод Р. Петрович, — поставил самых убежденных приверженцев Национальной партии в городах» (стр. 26), сторонников объединения южнославянских земель (стр. 39). Городская интеллигенция, в особенности адвокаты, выступала «в качестве защитников итересов землевладельцев и торговой буржуазии» (стр. 27), тогда как чиновничество являлось противником национальных устремлений (стр. 47).

Краткому, но четкому анализу в книге подвергается общественная ситуация на селе (колонат, кметчина, влияние классовой борьбы крестьянства на политическую жизнь).

Особое внимание автор уделяет духовенству в связи с его ролью в национальном движении. Духовенство разделялось на городское, близкое австрийскому государству и дворянско-буржуазной верхушке, и мелкое, сельское, во многом противостоящее первому, хотя и связанное с ним церковной дисциплиной.

Исследуя национально-политические предпосылки деятельности Национальной партии в 60-е годы, автор останавливается на традициях иллиризма в Далмации, прежде всего на победе идеи единого литературного (сербскохорватского) языка, как культурной основы объединения хорватских земель, на борьбе за это объединение в 1848 г., далее — на идейном влиянии Рисорджименто.

На фоне политических событий начала 60-х годов Р. Петрович прослеживает историю организации Национальной партии — единой «славянской партии» Далмации, анализирует участие в партии представителей отдельных общественных слоев. Представляет интерес подмеченный автором факт, что партия с трудом приобретала сторонников в городской среде. В начавшемся движении в защиту прав народного языка и за воссоединение с Хорватией города отставали (стр. 143). Среди городского населения за народниками шла по преимуществу мелкая буржуазия, стремившаяся на путях национального движения упрочить свое социально-экономическое положение (стр. 146—148).

Автор указывает на идейное лидерство в партии в 60-х годах небольшой либеральной интеллигентской группировки (М. Клаич, Л. Молти и др.), воспитанной в университетах Падуи и Милана и вставшей идеи европейского либерализма (светская школа, гражданский брак, аполитизм церкви и др.).

Часть дворянства (особенно в Дубровнике), ориентированного в широком славянском и южнославянском духе, поддерживала движение, но была консервативной по своим социальным воззрениям.

Наряду с городской интеллигенцией крупную силу движения представляло

historiografije; I. Jelić. Novi prilozi o narodnom preporodu u Dalmaciji. «Historijski zbornik», 1963; J. Šidak. Hrvatska historiografija 1955—65 (I dio). «Historijski zbornik», 1965.

² R. Petrović. Nacionalno pitanje u Dalmaciji u XIX stoljeću (Narodna stranka i nacionalno pitanje 1860—1880). Sarajevo, 1968, 474 s.

сельское духовенство (М. Павлинович и др.), близкое к крестьянству по народному языку, обычаям и т. д. Малочисленность и слабость либералов побуждала их опираться на сельское духовенство. Прочной опорой партии являлось и сельское православное духовенство.

Автор делает вывод, что Национальная партия состояла из немногочисленной экономически относительно слабой буржуазной интеллигенции, части компрадорской буржуазии, обедневшего дворянства и, наконец, низшего духовенства (стр. 184).

Пестрота социального состава партии сказывалась в подходе ее деятелей к общественным проблемам, во внутренних конфликтах в партии в 70-е годы. Отсутствие в Далмации сильной буржуазии определило политическую тактику партии, характер ее требований.

Крестьянство тянулось к народникам в надежде на аграрные преобразования (крупные землевладельцы в городах, за исключением Дубровника, были итальянизированы и поддерживали противников движения — автономистов). Национальные идеи находились для крестьян на заднем плане. Из крестьянства с его аграрными требованиями рекрутировалась основная масса избирателей, голодовавших за народников, и в этом смысле можно сказать, что «аграрный вопрос — социальная основа национального возрождения в Далмации» (стр. 170).

Но народники не пошли навстречу интересам крестьянства. Они, как и автономисты, вели среди крестьян демагогическую пропаганду: обе дворянско-буржуазные группировки не смели коснуться колоната, их классовые интересы в социальной сфере совпадали. Буржуазно-ростовщик, становившийся к тому же землевладельцем, блокировался с дворянином против крестьянства. Поэтому база Национальной партии оставалась узкой, политика ее — недемократической, возможности — небольшими. Партия ставила задачу привлечь к национальному движению все слои общества, заинтересовать своим «славизмом» автономистов, не касаясь их экономических привилегий (стр. 187).

Надо сказать, что в основном эта задача была народниками решена: в 70-х годах буржуазные круги в своем большинстве уже поддерживали Национальную партию. Мне представляется, что автору книги следовало уделить больше внимания общественно-политическим причинам этого явления. Полагаю, что одним из важных обстоятельств, побуждавших социальные верхи Далмации перейти в национальный лагерь и тем самым «сблизиться с народом», была острота классовых противоречий между итальянизированным городом и огромным большинством (до 9/10) населения — крестьянством.

Далее Р. Петрович излагает организационную структуру Национальной партии, значение «славянских читален» как местных организаций партии, финансовые ресурсы партии (этот момент представляет интерес в частности для понимания процесса развития внутринациональных связей хорватов). Говоря о печати партии, автор прослеживает возрастание значения «Народного листа», первоначально являвшегося скромным сербско-хорватским приложением к выходившему на итальянском языке органу партии «Национале». За этими изменениями автор видит важную идейно-политическую эволюцию (стр. 205), отражавшую распространение национального самосознания в хорватском обществе и одновременно начало процесса его клерикализации.

Программа Национальной партии, сформулированная в «Национале» от 1 III 1862 г. и публицистике того времени, заключалась в подготовке воссоединения Далмации с Хорватией и Славонией путем развития национального самосознания населения, требования политических свобод и введения «славянского языка» в общественную жизнь Далмации. Автор характеризует социальное содержание языковой проблемы в Далмации, где итальянский язык, родной для 15—20 тыс. человек (землевладельцев, горожан и чиновников) господствовал во всей общественной жизни, а достичь более высокого положения можно было, лишь получив итальянское образование. Программа игнорировала социальные требования крестьянства, ограничившись тезисом о необходимости «открыть источники богатства» области.

Таким путем автор подводит читателя к восприятию комплекса центральных проблем исследования — «национальный вопрос и Национальная партия».

Все исследование Р. Петровича пронизано историзмом, автору присущ диалектический подход к процессу формирования наций в Далмации, а в связи с этим — к истории Национальной партии. В отличие от большинства статей, в основном трактовавших вопросы славяно-итальянских взаимоотношений, автор добивается до сердцевины проблематики, исследуя историю вызревания хорватского и сербского национального самосознания и последствия этого процесса для политической жизни Далмации и судьбы Национальной партии.

До 1880 г. Национальная партия была общей организацией хорватов и сербов, если, как оговаривается Р. Петрович, «ради лучшего понимания употребить эти термины» (стр. 187). Тем самым подчеркивается условность применения указанных этнонимов для периода, когда процесс формирования соответствующих наций не завершился.

Значительная часть труда как раз и

посвящена процессу распространения в 60-е — 70-е годы XIX в. н а ц и о н а л ь н о г о сознания в массе югославянского населения, ранее разбившегося главным образом по религиозной принадлежности³. Эти религиозные различия не мешали возникновению «единого славянского фронта» борьбы за права языка и объединение с Хорватией и Славонией. Вероятно, разделы, посвященные проблеме формирования наций, представляют наибольшую научную ценность. Они читаются с большим интересом. Р. Петрович впервые построил солидное основание для научной характеристики процесса, собрав массу свидетельств, почерпнутых из источников. Это позволило ему раскрыть существо процесса в его конкретности. По мысли автора, задача состояла в том, чтобы «установить состояние народного и национального самосознания в 60-е годы XIX в.», выяснить, «как ощущало себя в национальном смысле население Далмации и под знаменем какой национальной идеи совершался процесс распространения национального сознания» и на этой основе «изложить национальные, политические и идейные противоречия и брожения, переживавшиеся Национальной партией» (стр. 251). Об особом значении национального самосознания в процессе формирования югославских наций нам уже приходилось говорить⁴.

Р. Петрович последовательно излагает те компоненты этнического самосознания далматинского населения, которые, находясь во взаимосвязи и изменяясь, определили процесс оформления самосознания нации, как исторически принципиально новой общности. Речь идет о «славизме» и «далматинстве», далее — о «хорватстве» и «сербстве». Эту эволюцию самосознания этнической общности автор рассматривает в связи с политическими событиями 60-х — 70-х годов XIX в.

Как показано в труде, национальное возрождение, начавшееся в Далмации в 1 половине XIX в., интенсивно продолжалось в 60-х годах под знаменем с л а в и з м а, славянства (стр. 252), тогда как 70-е годы были переломными, приносящую быструю победу хорватизму и сербизму, как самосознанию наций. Таково содержание национального возрождения в Далмации. Имевшее место ранее хорватское самосознание, бытование этнонима «хорват» среди крестьян Далмации, как правило, не было выражением «единого хорватского целого», т. е.

нации: для далматинцев «хорват» — по преимуществу житель Хорватии (в узком смысле), «серб» долгое время означал лишь православного.

Славизм народняков в своей сущности был югославизмом, а не панславизмом. Например, публицист Н. Нодило считал, что существует четыре славянских народа, в том числе южнославянский (стр. 252). По Р. Петровичу, югославизм был формой, ступенью национального сознания (вероятно, можно сказать: формой сознания этнической общности), которое принималось народняками за самосознание нации, но в действительности еще не было им. Воссоединение Далмации с Хорватией и Славонией понималось в 60-х годах как шаг к возрождению «славянской (южнославянской. — В. Ф.) национальности» (стр. 253). Югославизму соответствовало «далматинство»: представление, что далматинцы являются частью [южно] славянского народа, таким же «племенем», как хорваты, босняки, сербы, герцеговинцы и т. д. Но представляет интерес, что уже в 40-х годах проявилась тенденция к превращению Далмации в центр хорватского возрождения, т. е. имело место сознание «хорвато-далматинской» общности.

Югославизм не сопровождался выдвижением планов государственного объединения южных славян, но можно согласиться с Р. Петровичем, что в единстве южных славян народняки видели основу для возникновения такого государства в будущем.

По Р. Петровичу, причиной югославизма в Далмации, вероятно, было не столько то, что идея южнославянского единения придавала силу и уверенность деятелям национального движения, сколько реальное состояние их (национального якобы) самосознания, действительно являвшегося югославистским (стр. 257). Проблема эта весьма сложная. В тогдашней Хорватии, где уже сложилось ядро хорватской нации, в 60-х годах национальное самосознание уже находилось на такой ступени, что можно говорить о стремлении югославистов приспособить идеологию югославизма к целям своей нации, задачам своего движения (отсюда — прогрессивная программа южнославянской федерации), хотя и здесь нельзя отрицать элементов реальной югославистской идеологии. В Далмации, отстававшей от Хорватии в развитии национального самосознания, югославизм (в смысле приверженности к теории единого народа) очевидно имел более глубокие корни в умах лидеров движения. Однако в 60-х годах XIX в. это положение стало быстро изменяться. На базе славизма в условиях капиталистического развития «вырастали хорватская и сербская нации, как совсем новые категории» (стр. 258).

По поводу обоснованной концепции

³ Ранее тема была изложена в статье: M. Gross. O nekim aspektima razvoja nacionalne ideje za vrijeme narodnog preporoda u Dalmaciji. «Historijski pregleđ», 1963, br. 1, s. 11—18.

⁴ «Советское славяноведение», 1969, № 4.

Р. Петровича можно лишь заметить, что исследование поднялось бы на большую высоту, если бы автор больше внимания и места уделил состоянию национального самосознания в других хорватских (и сербских) областях и в особенности последних на Далмацию (в работе лишь вскользь упоминается о деятельности в Далмации священников, воспитанных в Сремских Карловцах и о других подобных фактах). В процессе формирования нации это имело огромное значение. Говоря о славизме, автор абстрагируется от важных идейных влияний (например, не упоминает о Я. Колларе). Это также сужает рисуемую им картину.

В 60-х и особенно в 70-х годах этноним «славяне» вытесняется и «далматинец» превращается в далматинского хорвата или серба. В связи с формированием наций и «общим движением в Хорватии и Сербии» (стр. 261) нарушается единство «славянского фронта» в Далмации. Национальная партия переживает кризис.

Разногласия развивались как по линии хорваты—сербы, так и в хорватской среде. Либеральная интеллигенция с внутренним сопротивлением воспринимала процесс хорватско-сербской дифференциации по религиозному признаку, а когда проникалась национальным самосознанием, то стремилась сгладить политические конфликты, отстаивала хорватско-сербское сотрудничество, звала вернуться к «старой программе». Сельское же духовенство усиленно распространяло хорватское национальное самосознание, связывая его с клерикализмом. Православное духовенство проводило аналогичную пропаганду среди сербов.

Хорватские клерикальные идеологи (М. Павлинович), имевшие заслуги в преодолении далматинского регионализма, вместе с тем развивали концепцию великохорватскую и проавстрийскую.

Р. Петрович указывает на «внедалматинские корни» столкновения между хорватскими югославистами-либералами и великохорватами-клерикалами, а именно на конфликт европейского либерализма с консервативно-клерикальными силами, на борьбу папства, отстаивавшего светскую власть главы католической церкви, против итальянского государства, вольнодумства, демократии, социализма (стр. 367 и далее). Различия во взглядах на эти проблемы раскалывали Национальную партию, так как сельское духовенство вело пропаганду в духе указаний Ватикана.

Признавая важность этой аргументации, считаю, что автору следовало обратиться к внутридалматинским условиям, способствовавшим отмеченным расхождениям. Очевидно, эволюция далматинского общества в эпоху завершения про-

мышленного переворота в центральных районах Австрии сказалась на идеологии мелкобуржуазных кругов, рупором которых стала часть интеллигенции и сельское духовенство (принадлежность к духовенству не обязывала быть клерикалом в политике, — вспомним Штрессмайера, Рачкого и др.). Мелкособственническая среда подвергалась тяжелому давлению крупного капитала и одновременно страшила «пролетарства», а потому была весьма восприимчива к клерикализму, к призывам папы бороться против всего нового. Либеральная интеллигенция выступала против узкого шовинизма и клерикализма не только ввиду своей просвещенности, но и отвечая деловым интересам более богатых буржуазных торговых кругов, судовладельцев и т. д. Автор отмечает, что либералы имели опору в городах, клерикалы — на селе, где «поддерживали консервативные представления сельской среды» (стр. 396), что влияние духовенства было следствием определенной общественной структуры Далмации (стр. 444). Однако эти замечания не развернуты в должной мере.

Здесь же отметим, что национальная дифференциация не обязательно должна была привести к длительным конфликтам. Причину последних можно увидеть в интересах определенных общественных сил. Именно поэтому в конце XIX в. наступил новый период хорватско-сербского сотрудничества и Далмации в этом отношении шла впереди.

Далее Р. Петрович рассказывает о борьбе и компромиссах между либералами и клерикалами (школьное дело, печать и др.), об оппортунистической группе «Земляки», в начале 70-х годов поддержавшей австрийское правительство, о политике Национальной партии, перешедшей к сотрудничеству с властями. Книга завершается изложением позиции партии в годы восстания в Боснии и Герцеговине и австрийской оккупации этих земель, — событий, серьезно повлиявших на сербско-хорватские взаимоотношения вообще и в Далмации, в частности.

Придирчивый рецензент вероятно мог бы подметить некоторые странности в порядке изложения, указать на отсутствие историографического очерка. Но таковы творческая мысль автора и оригинальность исследования, что как-то не к месту разбираться, является ли все это недостатком исследования.

Труд Раде Петровича — крупное достижение современной югославской исторической науки. Хотя речь идет об исследовании проблем «всего лишь» небольшой Далмации, полученные автором результаты имеют значение для изучения новой истории народов Югославии в целом.

В. И. Фрейзон

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ МЫСЛИ В ПОЛЬШЕ

В условиях острой идеологической борьбы между социализмом и капитализмом на современном этапе общественного развития, активизации антикоммунистической пропаганды в буржуазных странах, весьма актуальным и практически важным является изучение истории развития и распространения идей марксизма-ленинизма в братских социалистических странах. Этой теме посвящены недавно опубликованные работы А. С. Клевчени¹.

Автором на большом фактическом материале исследованы и раскрыты научная и общественно-политическая деятельность крупных польских мыслителей, марксистов Стефана Руднянского (1887—1941 гг.) и Владислава Спасовского (1877—1941 гг.). Мировоззрение С. Руднянского и В. Спасовского, подчеркивается в монографиях, формировалось под влиянием роста польского революционного движения, марксистско-ленинских идей, победы Великой Октябрьской социалистической революции и успехов нашей страны в строительстве социализма.

Рассматривая мировоззрение одного из наиболее видных теоретиков польской марксистской философии и педагогической мысли С. Руднянского, автор подчеркивает, что ранее знакомство с рабочим движением, изучение трудов классиков марксизма помогли польскому мыслителю выработать подлинно научный метод изучения явлений общественной жизни, стать активным пропагандистом и защитником марксистско-ленинских идей в Польше. С. Руднянский впервые перевел на польский язык работу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», выступал активным пропагандистом теоретического наследия В. И. Ленина, научных трудов советских философов и педагогов. Волнующим событием в жизни С. Руднянского явились встречи с В. И. Лениным. Ему дважды посчастливилось слушать выступления великого вождя, которые произвели на него огромное впечатление, помогли осознать необходимость борьбы за идеалы пролетариата.

В своих трудах («Философские беседы. Очерк теории познания», «Наставник человечества», «Технология умственного труда» и др.) С. Руднянский, как отмечается в монографии, стремился «содействовать приобретению научных знаний, выработке научно-материалистических взглядов у широких масс читателей, бо-

ролся за народное просвещение» (стр. 36). Автор последовательно прослеживает, как постепенно рос и ширился круг научных интересов С. Руднянского, которого интересовали буквально все разделы философской науки, проблемы общественного воспитания и культуры. Представлены они в исследовании А. С. Клевчени в их логической связи и во взаимоотношениях как с общемировоззренческими проблемами, так и с самим творчеством польского мыслителя.

Подробно проанализированы идейные последние, сложный путь эволюции от буржуазного демократа к марксисту В. Спасовского, автора широко известных в Польской Народной Республике книг «Освобождение человека», «Основы самообразования», «СССР. Построение нового общества» и др. Творчество, работы этого талантливого польского педагога и мыслителя знает лишь узкий круг специалистов в нашей стране. В книге А. С. Клевчени рассмотрены жизненный путь и идейная эволюция В. Спасовского, его философские и социологические взгляды, вопросы морали и атеизма. Подробно говоря о мировоззрении В. Спасовского, автор не обходит молчанием заблуждения мыслителя, не сглаживает острых углов. В книге предпринята попытка спокойно и объективно разобраться в воззрениях польского ученого, дать им историческую интерпретацию. О мировоззрении мыслителя автор судит не по отдельным его высказываниям, статьям, а по всему творчеству. Каждая работа, выступление В. Спасовского рассматриваются в отдельности и в то же время как неотделимая часть всего его наследия. Большая заслуга В. Спасовского в развитии польской марксистской мысли, отмечается в монографии, состоит в том, что «он страстно отстаивал марксистско-ленинское учение, противопоставляя его всем буржуазным учениям» (стр. 214). Будучи патриотом-интернационалистом, В. Спасовский, подчеркивается в книге, использовал любую возможность в условиях буржуазной Польши, чтобы с гордостью рассказать о грандиозных успехах нашего народа в строительстве социализма под руководством партии великого Ленина. Свидетельством этого была книга В. Спасовского «СССР. Построение нового общества» (1936 г.). В ней он делает вывод, что подлинное освобождение человека во всех областях его деятельности возможно только в условиях социализма.

Нет смысла подробно пересказывать содержание рецензируемых книг. Следует только заметить, что они несомненно привлекут внимание всех тех, кто интересуется историей борьбы польского на-

¹ А. С. Клевчени. Стефан Руднянский. Минск, 1968; его же. Мировоззрение Владислава Спасовского. Минск, 1969.

рода и его лучших представителей за идеалы коммунизма.

На наш взгляд, рецензируемые работы А. С. Клевичи не лишены и некоторых недостатков. Порой анализ скуп, некоторые положения и оценки в должной мере не аргументированы. Следует отметить, что в монографиях немало новых фактов и тонких наблюдений. Однако иногда выяснение оригинальности произ-

ведений, воззрений мыслителей подменяется оценочными характеристиками. Но эти критические замечания не снижают в целом высокую оценку. В советском славяноведении растет интерес к истории марксистской мысли братских социалистических стран. Книжки о С. Руднянском и В. Спасовском — новое тому свидетельство.

С. А. Малевич

НОВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ ЧЕШСКОЙ ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ XVII ВЕКА

Новый труд Зд. Тихой, известной работами в области текстологии и истории чешской литературы XVII—XVIII вв., содержит критическую публикацию двух памятников XVII в. — сборника песен, поднесенных неизвестным поклонником Анне Витановской в 1631 г., и поэмы видного, патристически настроенного литератора юриста Вацлава Розы, сочиненной в 1651 г. в честь Анны Беноловой¹. В отличие от сборника Анны Витановской, содержащего 17 любовных песен, сюжетно не связанных друг с другом, поэма «Терзания Липирона» представляет законченное целое. Ей предпослано обращение автора к Анне Беноловой и разъяснение действий «печального кавалера» Липирона. Содержащие поэмы вкратце сводятся к следующему. Липирон, увидев во сне прекрасную даму, обратился к Амуру с просьбой помочь ему познакомиться с ней. Амур отказывается это сделать, предлагая Липирону проявить инициативу самому. После различных приключений и переживаний Липирон просит Венеру, чтобы она убедила Амура в необходимости помощи, на что в конце концов Амур соглашается.

Оба эти произведения давно уже вошли в поле зрения историков чешской литературы, а тексты их были опубликованы. Но до сих пор эти ценные памятники чешской литературы побелогорского периода не стали еще предметом самостоятельного текстологического и историко-литературного рассмотрения. Несомненно, что настоящая публикация сделает возможным решение этой задачи. В особенности благодаря обширной вступительной статье крупнейшего современного чехословацкого историка старой чешской литературы Й. Грабака. Статья эта представляет интерес не только благодаря детальному анализу формы и литературных особенностей обоих памятников, но и ввиду широкого круга важных вопросов, выдвинутых автором в связи с этим анализом. Прежде всего заслу-

живает поддержки точка зрения Й. Грабака о необходимости расширения источниковедческой базы изучения истории чешской литературы побелогорского периода в целях преодоления традиционных представлений, не отвечающих действительному положению вещей. В частности, автор считает, что, несмотря на суровые испытания, выпавшие на долю чешской культуры в «эпоху тьмы», в народе, в том числе среди городского населения, существовали и развивались различные жанры поэзии, не попадавшие в печать, а потому позднее забытые. «До тех пор, — пишет он, — пока единственным представителем литературной жизни считалась, с одной стороны — эмигрантская литература, а с другой — местное иезуитское творчество, или в широком смысле официальная литература, естественно возникало представление, что вся литературная жизнь сосредоточивалась в религиозных и исторических сочинениях, а остальное полностью оказывалось вне поля зрения, тем более, что подавляющая часть такой литературы не печаталась и существовала лишь в рукописной форме или же передавалась изустно» (стр. 10). Рассматривая труды таких крупных буржуазных исследователей, как Ч. Зибрт, Й. Иречек, Я. Влчек, Э. Калиста и др., Й. Грабак справедливо подчеркивает, что литературная жизнь XVII в. была несравненно богаче тех схематических представлений, которые о ней сложились. Но для правильного понимания ее, продолжает автор, необходимо отрешиться от более поздних представлений и подходить к ее оценке с позиций художественных и эстетических представлений той эпохи. Указание Й. Грабака на необходимость исторического подхода к памятникам древне-чешской литературы заслуживает всяческого одобрения, равно как и его попытка охарактеризовать приемы и принципы художественного творчества этого периода. В этой связи автор затрагивает и спорный вопрос о так называемом стиле барокко в литературе. Отмечая сложность вопроса, Й. Грабак, на наш взгляд, справедливо считает, что его нельзя сводить только к проблеме стиливых особенностей или так называемой «чистой идео-

¹ «Smutní kavaleři o lásce. Z české milostné poesie 17 st.». K vyd. přípr. Zd. Ticha. Úvod napsal J. Hrabak. Praha, 1968, 228 s., 16 ill.

логии», но следует рассматривать в более широком контексте социальной жизни того времени (стр. 31). Характеризуя на примере публикуемых памятников особенности чешской лирической поэзии побелогорского времени, Й. Грабак стремится показать ее связь с чешской гуманистической поэзией XVI в. и проследить элементы нового, которые в полную меру проявились позднее, в эпоху национального возрождения.

Большую пользу читателям принесет справочный аппарат к книге. Он состоит из примечаний публикатора к тексту, комментария и краткого словаря устарелых слов и понятий. Все это выполнено тщательно и с достаточной полнотой, что, несомненно, повышает ценность издания, интересного не только специалистам, но и всем любителям древнечешской литературы.

А. Мильников

ИЗДАНИЕ ТРУДОВ П. А. РОВИНСКОГО В ЮГОСЛАВИИ

Научное наследие видного слависта, деятельного участника «Земли и Воли» П. А. Ровинского (1831—1916) привлекает все более пристальный интерес советских и зарубежных исследователей.

Так, 15 февраля 1966 г. в Институте славяноведения АН СССР состоялось научное заседание, посвященное 135-летию со дня рождения и 50-летию со дня смерти ученого. В докладах Н. И. Хитровой, Ю. В. Ивановой, В. Г. Карасева, Е. В. Михайлова были освещены основные моменты научной и общественной деятельности Ровинского. Вместе с тем была высказана мысль о необходимости дальнейшего, углубленного изучения трудов и идей ученого-слависта¹.

В центре научных интересов П. А. Ровинского в течение многих лет находилась история и культура Черногории, страны, в которой он провел, начиная с 1879 г., почти 30 лет.

Значительным вкладом в славяноведение по праву считается его фундаментальное исследование «Черногория в прошлом и настоящем» (т. I—III, 1888—1911), к сожалению, оставшееся незавершенным (ряд фрагментов дошел до нас в рукописных набросках).

Немало сил и времени отдал ученый созданию обширного труда, посвященного жизни и деятельности крупнейшего государственного деятеля и выдающегося поэта Черногории П. П. Негоша². Этот труд представляет интерес, в частности, и тем, что в нем живо ощущается острая полемика П. А. Ровинского с монографией П. А. Лаврова на ту же тему, вышедшей за два года до исследования Ровинского³.

Недооценка яркой индивидуальности П. Негоша, человека, поэта, просветителя, государственного деятеля вызвала резкую отповедь со стороны Ровинского, отразившуюся в его письме к В. И. Ламанскому от 24 ноября 1887 г.: «Читаю книгу Лаврова о владыке Петре II и удивляюсь бездарности ее. Этот человек — высокий талант, замечательный политик, поэт, „Лудска вила“, как говорят черногорцы, вышел каким-то мертвым, безмозглым и бескровным манекеном, который он обвешал архивными тряпками, снабдив их своими мурмыми сентенциями. Об литературе предмета не имеет ни малейшего понятия...»⁴.

Несомненные научные достоинства книги Ровинского о Негоше, равно как и высокий авторитет ее автора в Югославии, побудил югославских исследователей опубликовать ее в переводе на сербско-хорватский язык⁵.

Рецензируемое издание содержит помимо перевода книги о Негоше, выполненного Радиславом Пауновичем на высоком научном уровне, ряд других работ Ровинского, касающихся той же проблематики (в том числе статьи «Негоша и Иеремия Гагич», «Владыка Черногорский Петр II в отзывах иностранных писателей», «Сербское зеркало», написанные Ровинским на сербском языке и опубликованные в свое время в сербской и черногорской периодике)⁶. Таким образом, издание, вышедшее в Цетинье, можно рассматривать как своего

⁴ Лен. отделение Архива АН СССР, ф. III, оп. 1, № 1221.

⁵ П. А. Ровински. Дјела о јужним Словенима, књ. 1. Ровински о Негошу. Уредник Др. Нико С. Мартиновић. Цетиње, 1967 (в действительности книга вышла в 1969 г.).

⁶ П. А. Ровински. Владика Петар Петровић негош и Ј. Гагић, руски конзул у Дубровнику. «Јавор», Нови Сад, 1886; его же. Владика Црногорски Петар II по одзивима странијех писаца. «Књижевни лист», Цетиње, 1902, св. III, IV, V, VI, IX—X; его же. Српско огледало. «Луча», Цетиње, 1895, св. IX, X, XI.

¹ Е. П. Наумов. Заседание, посвященное памяти П. А. Ровинского. «Советское славяноведение», 1966, № 4, стр. 111—113.

² П. А. Ровинский. Петр II (Раде) Петрович Негош — владыка Черногорский (1830—1851). СПб., 1889.

³ П. А. Лавров. Петр II Петрович Негош, Владыка Черногорский и его литературная деятельность. М., 1887.

рода синтез всего, что было написано русским славистом об известнейшем югославянском поэте.

Книге предпослана обстоятельная вступительная статья Нико С. Мартиновича, югославского исследователя деятельности П. А. Ровинского в Черногории, обнаруживающая глубокое знание литературы вопроса и научного наследия Ровинского.

Отдавая должное заслугам Ровинского как историка Черногории, Мартинович подчеркивает, что он стоял на голову выше своих непосредственных предшественников не только «по методам исследования, тщательному использованию источников как архивных, так и литературных», но и, что особенно важно — в плане мировоззрения. «Участие в русском тайном обществе „Земля и Воля“, близкое знакомство с Чернышевским, — отмечает исследователь, — отразились на всем его научном творчестве» (стр. 11).

Автор вступительной статьи справедливо утверждает, что работы Ровинского, посвященные Негошу, не утратили актуальности и в наши дни, сохранили свою значимость для современных историков и литературоведов, ибо в трактовке Ровинского Негош «в равной степени является прогрессивным государственным деятелем и великим поэтом-филологом» (стр. 20).

MICHAŁ KOMASZYŃSKI. Polska w polityce gospodarczej Wersalu (1661—1715). Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968, 220 s.

М. КОМАШИНЬСКИЙ. Польша в экономической политике Версаля (1661—1715)

Углубленное изучение экономических связей между отдельными европейскими странами на заре нового времени представляет значительный интерес для исторической науки. В связи с этим заслуживает особого внимания исследование польского историка М. Комашиньского о месте Польши в экономической политике Франции в период правления Людовика XIV в 1661—1715 гг. Оно проливает свет на то, как сложились отношения между феодально-абсолютистской централизованной Францией и феодально-крепостнической децентрализованной Речью Посполитой.

Хотя автор использовал самые разнообразные источники и прежде всего польские и французские, а также немецкие, датские, шведские и другие, он, по собственному признанию, рассмотрел только отдельные вопросы темы.

Книга начинается с краткой характеристики международных отношений в Европе в середине XVII в., тут же дан обзор источников и литературы, определение основных вопросов исследования.

В первом разделе книги рассматри-

вается статья Мартиновича несомненно выиграла бы, если бы приводимые исследователем воспоминания близкого друга Ровинского в Черногории Лазаря Томановича⁷, написанные незадолго до смерти и содержащие целый ряд неточностей и искажений, сопровождались соответствующим комментарием критического характера. Разумеется, этот просчет отнюдь не умаляет достоинств статьи в целом.

Издание, предпринятое в Югославии, является первой книгой в серии, ставящей целью перевод и публикацию той части наследия Ровинского-слависта, которая имеет непосредственное отношение к Черногории. Следует приветствовать это полезное начинание, красноречиво свидетельствующее о прочности культурных связей народов нашей страны и Югославии, о значимости вклада, внесенного русскими славистами, и в первую очередь Ровинским, в дело изучения истории и культуры Черногории.

В. К. Петузов

⁷ Др. Л. Томановић. Павле Ровински. «Слободна мисао» Никшић. 1932, XI, бр. 1, 18.

вается состояние польско-французской торговли этого времени, делается попытка определить ее объем и ассортимент. Мы узнаем, что Польша экспортировала во Францию селитру, воск, древесину, смолу, золу, мед, мачтовое дерево, коноплю, меха, шерсть, янтарь. Значительно меньшим был ассортимент французских товаров, вывозившихся в Польшу. Это — соль, вино, шерстяные изделия. Автор анализирует также причины, ограничивавшие дальнейшее развитие взаимной торговли.

В следующем разделе рассказывается о доставке строительного леса из Польши для французских королевских верфей. Автор на основании свидетельств современников детально освещает значение польского леса для французского кораблестроения.

Третий раздел посвящен вопросу об организации и отправке транспортов зерна во Францию польской королевой Марией Собеской. Получение Францией зерна в голодные для нее годы из польских портов значительно ослабило последствия этого стихийного бедствия. Здесь

подробно рассказывается о трудностях осуществления этого мероприятия и их преодоления. Вскрыты также причины, побудившие королеву осуществить это.

Четвертый раздел книги повествует о конфликте между Версалем и Гданьском в связи со стремлением французского двора усилить свои позиции в Польше путем возведения на польский престол своего ставленника.

Последний раздел исследования рассказывает о попытках Версаля приобрести польский хлеб в 1709 г., когда во Франции снова был голод.

Заканчивается книга своеобразным эпилогом, в котором автор подводит итоги своего исследования. В целом книга дает довольно широкую картину польско-французских экономических отношений в указанный период. В то же время, на наш взгляд, не всегда достаточно раскрывается взаимосвязь между экономическими и политическими факторами в польско-французских отноше-

ниях. Особенно это относится ко времени попыток Станислава Лещинского утвердиться на польском престоле.

Иногда автор увлекается изложением не имеющих непосредственного отношения к теме подробностей переписки между отдельными лицами. В некоторых случаях нет достаточно убедительного анализа фактического материала. Более четкими могли бы быть общие выводы.

Удачным дополнением к исследованию являются помещенные здесь весьма важные источники — «Инструкция для торговли» от 25 апреля 1693 г., «О торговле Польши» (1696 г.), а также словарь мер, библиография, географический и именной указатели. Украшают книгу 14 интересных иллюстраций.

Книгу с пользой прочтут исследователи истории Польши и Франции, а также международных отношений второй половины XVII — начала XVIII в.

Я. С. Мельничук

«Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения (конец XVIII — начало XX в.)» М., 1968, 475 стр.

В конце 1968 г. в издательстве «Наука» вышла книга «Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения (конец XVIII — начало XX в.)». Это издание — результат плодотворного сотрудничества советских и чехословацких ученых.

Проблематика сборника безусловно отражает настоящие потребности и фактическое состояние науки в области межславянского сравнительного литературоведения. На опыте работы двух последних международных съездов славистов в Софии и Праге мы знаем, что многие ученые-литературоведы постоянно сетуют на недостаточность конкретного историко-литературного материала, необходимого для сравнительных исследований. Рецензируемый сборник в какой-то степени исполняет этот пробел.

В сборнике представлены исследования двух видов: статьи по теории и методике изучения литературных связей и очерки по истории чешско-русских и словацко-русских литературных отношений. При этом в некоторые историко-литературные работы иногда вкраплены также элементы чешско- и словацко-украинских контактов.

Авторы теоретических работ в основных своих положениях исходят не только из фактических данных двусторонних чешско-русских и словацко-русских литературных связей, но и из опыта общечеловеческого художественного мышления (Я. Мукажовский, Ю. Доланский, М. Бакош, П. Н. Берков). Теоретическое значение некоторых статей этого вида не уменьшается и в том случае, если их авторы, строго придерживаясь теорети-

ческой направленности сборника, исходят в своих наблюдениях из опыта двусторонних связей (К. Крейчи, В. Форст, Л. С. Кишкил, И. Грабак). В памяти наших ученых разных поколений еще свежо то время, когда сам термин «компаративистика» был на грани одиозности, как некое сомнительное научное понятие. Сегодня мы говорим о правомерности компаративистики как метода сравнительного литературоведения, признающего несомненность диалектической взаимосвязи в развитии мирового художественного мышления. И чехословацкие, и советские авторы теоретических статей согласны с тем, что речь идет не о кризисе самого метода, а о несостоятельности некоторых спекулятивных концепций буржуазной науки. Авторы теоретических статей не только ставят проблему преодоления ложных концепций сравнительного литературоведения в прошлом, но и намечают перспективу развития исследований в недалеком будущем. Во всех работах сборника учитываются результаты состоявшихся дискуссий по проблематике литературных связей в СССР и за рубежом (нашедшие отражение, в частности, в работах В. М. Жирмунского, И. Г. Неупокоевой и др.). Критикуя пресловутую модель «зависимых и подчиненных» литератур, советские и чехословацкие ученые приходят к выводу, что одной из актуальных задач сравнительного литературоведения продолжает оставаться изучение закономерностей явления растущего параллелизма в мировой литературе (в области сюжетов, стилей, образов и т. п.).

Важное практическое значение для историков национальных литератур имеет постановка вопроса периодизации литературных контактов в статье М. Бакоша «К проблеме периодизации межлитературных связей». Здесь автор весьма убедительно обосновывает тезис о том, что история любой национальной литературы, взятая обособленно от процесса ее связей с другими, является ограниченной. К сожалению, опыт периодизации истории отдельных славянских литератур даже в новейших многотомных курсах (скажем, чешской, словацкой, русской, украинской и белорусской) еще небогат практикой органического совмещения внутренних и внешних импульсов их развития.

Интересны статьи П. Н. Беркова «Об историческом подходе к изучению международных литературных контактов» и Ю. Доланского «Сравнительная типология в изучении чешско-русских литературных взаимоотношений». В частности, работа П. Н. Беркова близка читателю своим конструктивным тезисом о необходимости отказаться, наконец, от множественности рабочих терминов в определении такого общепонятного явления, как межлитературные связи. На наш взгляд, автор вполне убедительно доказывает научную емкость предлагаемой теории «литературных контактов» (стр. 45), которая, с одной стороны, предполагает все виды «взаимобмена», а с другой — исключает теорию «литературных влияний» («вливовлогия»). Важно отметить при этом и то обстоятельство, что из поля зрения автора не выпадают и явления ряда так называемых нулевых связей (обращение живых литератур к художественному наследию народов умерших).

Названная статья Ю. Доланского, в которой органически связаны теоретические положения с практическим исследованием чешско-русских литературных взаимоотношений XIX в., приводит нас к убеждению, что разговор о содержании понятия «типология» (образов, явлений и т. д.) далеко не окончен. В одних случаях мы говорим о типологии, как специальной области литературоведения, посвященной толкованию литературных типов (как в статье Ю. Доланского), в других — подразумеваем наличие ряда определенных межлитературных аналогий, возникающих на родной почве независимо от каких-либо контактов (работы И. Г. Неупокоевой, В. М. Жирмунского и др.). Разумеется, мы помним при этом оговорку редколлегии в предисловии, что в сборнике не унифицирована терминология, но в данном случае речь идет о различии понятий.

Проблеме национального своеобразия искусства посвящена статья Л. С. Кишкина «Об изучении национальной образности в литературе». Сама постановка

вопроса представляется вполне правомерной, однако в статье, конечно, есть и гипотетические положения, в частности, затронутая в ней проблема национальной образности в произведениях на инациональную тематику. Статья во многих случаях дает повод для серьезных размышлений о национальной образности в литературе применительно к проблематике межлитературных связей.

Важные аспекты проблемы о природе межлитературных связей раскрывают в своих статьях К. Крейчи и В. Форст. Нельзя не согласиться с ними, что факт и документ в сравнительном литературоведении, как и само явление связей, имеют смысл постольку, поскольку они являются импульсивным стимулятором развития каждой данной национальной литературы. В конечном итоге они выступают как средство, а не причина в процессе развития словесного искусства.

Интересный, сравнительно малоразработанный, вопрос о методике изучения литературных взаимоотношений в области стиха затронут в статье Й. Грабака. Автор убеждает читателя в том, что глубокое проникновение в стилевую и метрическую структуру стиха — один из эффективных путей исследования глубинных явлений литературных контактов.

Видное место в сборнике занимают статьи о роли художественного перевода как формы связей (Б. Догнала, Д. Дюрришина, Э. Пановой, Н. К. Жаковой). Иногда у этих авторов наблюдается разный подход к изучению переводов, различное толкование их как формы связей (импульс для родной литературы, влияние, идейно-эстетическая консолидация автора и переводчика, понимание художественной адекватности перевода и проч.). Однако это вовсе не производит впечатления разногласия, а лишь придает дискуссии столь желательный полифонический характер.

Особую группу исследований представляют работы историко-литературного характера. Естественно, что большинство из них тематически восходит к наиболее ярким явлениям и периодам чешско-русских и словацко-русских литературных отношений: штуровцы и русская литература, Божепа Немцова, Неруда, Вацлавский, Пушкин, Тургенев, Достоевский, Л. Толстой, Некрасов, Горький и др. Некоторые из работ вводят в научный обиход новые, ранее неизвестные или почему-либо забытые факты и материалы. Особое внимание историков литературы может вызвать статья А. П. Соловьевой «Тургенев и чешско-русские связи 50—80-х годов XIX в.», где кроме новых и частью забытых документов, читатель найдет методологически верную оценку целого периода в развитии двух славянских литератур. Интересные факты двусторонних связей приведены также в

статьях А. С. Мильникова, Р. Бртаня, С. Лесняковой, П. Петруса, А. Червеняка, Ю. Копаничака, З. Урбана, К. И. Ровды и М. Батуры, которые также сообщают результаты изучения целых периодов в истории чешской, словацкой, русской и отчасти украинской литератур.

Качественно нового периода в развитии наблюдаемых литератур касаются в своих работах И. М. Порочкина, М. Батура, И. Сватоньова, Р. Паролек и В. А. Лазарев. Проблематика их статей связана с литературой конца XIX — начала XX в. Центральное место большинства статей этого цикла занимают вопросы различия и своеобразия путей реализма русского, чешского, словацкого. Дискуссионным мне представляется вопрос, поставленный О. М. Малевичем в его работе «Ян Неруда и Достоевский». Сама возможность исследования в предложенном аспекте не вызывает у нас возражений. Однако при чтении работы создается впечатление, что автору не хватило фактического материала для сравнения явлений типологического ряда в на-

статьях Неруды и Достоевского. Почти полное отсутствие документальных данных о характере отношения Неруды к Достоевскому обязывало автора более уверенно провести наблюдения типологические.

Заключая обзор сборника, укажем на некоторые фактические погрешности. Речь идет о случаях неточного цитирования. Так, на стр. 93 Гоголь первый раз процитирован правильно, а второй раз — буквально в следующем абзаце — неточно. Настораживает и чешский текст в цитате из Некрасова на стр. 382. Похоже, что неточно набрана строка: «a v lesku šperku promenuje».

Однако отдельные недочеты и спорные положения не меняют общего благоприятного впечатления о книге. Сборник «Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения» следует оценивать как солидное научное издание по актуальным вопросам сравнительного литературоведения и как отрядный факт живого и плодотворного продолжения лучших научных традиций.

В. И. Шевчук

VI Mezinárodní sjezd slavistů v Praze 1968. Bibliografie. Praha, 1969, 135 s. Zpracovala Dr. Eva Velinská.

VI Международный съезд славистов... Библиография

В 1968 г. к VI Международному съезду славистов в Славянской библиотеке в Праге, являющейся частью Государственной библиотеки ЧССР, было подготовлено библиографическое издание: «I sjezd slovanských filologů v Praze 1929» (составитель Ружена Рейнкова). Год спустя под грифом той же Славянской библиотеки появилась новая библиография, теперь уже посвященная проходившему в Праге в августе 1968 г. IV съезду славистов. Сравнение этих двух библиографий наглядно показывает, как далеко вперед шагнуло за истекшие десятилетия славяноведение, какой большой размах получили в наше время славистические исследования. Если вся библиография I съезда представлена 225 позициями, то библиография VI съезда содержит названия 1324 работ. Эти цифры говорят сами за себя. Правда, следует иметь в виду, что в последнем съезде принимали участие не только литературоведы и лингвисты, но и историки, историки культуры. Однако разница в количестве публикаций останется большой и в том случае, если сравнивать только филологические работы. Она будет еще больше, если учесть, что в первую библиографию вошли не только материалы к съезду, но и о съезде, появившиеся позже.

В библиографию «VI Международный съезд славистов...» включены исключи-

тельно съездовские материалы. Как сказано в тексте от редакции, она содержит «литературу, изданную к VI Международному съезду славистов, т. е. публикации (книжные и журнальные) и статьи, вышедшие из печати до конца 1968 г., в которых было сказано, что они посвящены съезду».

Библиография материалов VI съезда состоит из двух частей: 1. Самостоятельные издания и журналы; 2. Статьи и сообщения. В первую из них включено 95 названий, приуроченных к съезду сборников, монографий, специальных номеров журналов и других самостоятельных изданий. Вторая часть включает в себя роспись статей и сообщений из различных сборников и журналов (всего 1195 названий). Кроме того 34 названия разного рода славистических работ даны еще в «Дополнении». В первой части библиографический материал расположен по странам, а внутри по алфавиту, во второй — только по алфавиту, в соответствии с именами авторов или названием статей.

Отмечая большую и очень полезную работу составителя библиографии, надо все же сказать, что в ней есть пробелы. Так, например, в первой части отсутствует название изданного к VI съезду сборника «Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения»

(Москва, 1968), в подготовке которого участвовали советские, чешские и словацкие литературоведы. Думается, что в библиографии следовало включить и книгу К. И. Ровды «Чехи и русские в их литературных взаимосвязях» (Ленинград, 1968), тема и время выхода которой так же связаны с подготовкой к съезду. Можно было бы указать и на другие пропуски. Но это — част-

ности. В целом же библиография «VI Международный съезд славистов...» достаточно широко и полно охватывает съездовскую литературу. Она безусловно может оказать существенную помощь ученым-славистам в их многообразной работе, содержание и объем которой по сравнению с 1929 годом заметно расширились.

Л. К.

А. Е. СУПРУН. *Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи.* Минск, 1969, 232 стр.

Книга А. Е. Супруна — это обобщение, итог почти двадцатилетних размышлений автора в области славянских числительных. Итог получился, несомненно, выдающимся. Взяв самую важную, узловую проблему развития числительных — выделение их в самостоятельную часть речи, исследователь всесторонне и глубоко рассмотрел ее и выдвинул обоснованное ее решение, верное в принципе и во многих своих деталях.

Процессы, приведшие к превращению числительных в особую часть речи, трансформировали общее, единое, еще праславянское наследство. В этом — обоснование сравнительно-исторического аспекта монографии А. Е. Супруна. А тот факт, что данные процессы протекали уже в отдельных славянских языках, после распада общеславянского единства, выдвинул в работе А. Е. Супруна необходимость также и типологического аспекта. Совмещение сравнительно-исторической и типологической методики, присутствующее (хотя и в разной мере) во всех главах монографии, представляется удачным и плодотворным.

Первая глава работы «Семантические предпосылки превращения числительных в особую часть речи» (стр. 4—41) содержит доказательную реконструкцию древнейшей семантической динамики славянских числительных. Магистраль развития проходила здесь через значения совокупности, количества, и, наконец, числа. Семантически несходные слова, включившись в общую цепь развития, выровнялись, встали в один семантический ряд, соответствующий натуральному ряду чисел. Обстоятельное и тонкое рассмотрение этого процесса делает данную главу лучшим из существующих семасиологических этюдов славянских числительных.

Отметим, однако, что А. Е. Супрун рассматривает здесь лишь порядковые числительные, производные от них числительные-существительные типа *пять* (кстати, и структурный и семантический аспекты их образования от порядковых рассмотрены очень убедительно, хотя и не в главе о словообразовании, см. стр. 7—8), числительные-прилагательные *два*, *три*, *четыре*, а также сово-

купность существительные типа *копа* и разделительные прилагательные типа *дъвоий*. Поэтому полученная картина семантической динамики имеет некоторые черты вторичности.

Ведь существовали еще дославянские, полученные из индоевропейского праязыка несклоняемые числительные. Автор вполне логично предполагает, что они в праславянском некоторое время даже сосуществовали с новыми отвлеченными количественными именами типа *пять* (стр. 11). Вместе с тем людям тогда уже известен был в какой-то своей части натуральный ряд чисел, который не мог не выражаться в языке (ср. стр. 81). Поэтому можно думать, что его выразителями и были старые несклоняемые числительные.

Если это предположение верно, то праславянский язык уже в древнейший период своего существования содержал систему числительных — примитивную, убогую, но первичную. И могло бы оказаться весьма поучительным подробное рассмотрение семантических связей этой первичной системы славянских числительных с реконструированной А. Е. Супруном старой, но все же вторичной системой числительных.

Это рассмотрение, вероятно, помогло бы также выяснить отношение старых несклоняемых числительных к частям речи. Ведь, как хорошо показал исследователь, появившиеся в некоторых современных славянских языках новые несклоняемые числительные (и генетически и типологически, правда, отличные от старых) не становятся наречиями, остаются внутри числительных как особой части речи (стр. 210).

В этой главе целесообразно было бы рассмотреть причины семантических различий структурно тождественных (по происхождению, но не по современному функционированию) образований *четверть* и *пять*. Вопрос можно сформулировать и иначе: почему слова типа *пять* вытеснили старые несклоняемые числительные, а слова *три* и *четверть* не вытеснили старые числительные *три* и *четыре*.

Древнейшее семантическое развитие

славянских порядковых числительных становится не совсем понятным, если сопоставить два следующих высказывания А. Е. Супруна об этом разряде слов: «слова эти содержали в себе значение ч и с л а, но не количества» (стр. 14; так и на схеме, стр. 15) и «значение этих слов — не число, а отношение к числу» (стр. 20).

Несколько недооценивает ученый способность числительных субстантивироваться. Названия цифр (*жирное восемь*) и оценок (*круглое пять*) — это все-таки не числительные, а существительные. Заключение, что подобная функция «не приводит их (числительные. — Ю. К.) к сколько-нибудь яркой и полной субстантивации» (стр. 29—30), не представляется убедительным. Полная субстантивация не есть полное уподобление существительному. Последнее при субстантивации, собственно, не достигается никогда. Акт субстантивации является свершившимся при получении некоего минимума свойств существительных (прежде всего синтаксических свойств), а не максимума этих свойств. Впрочем, в других местах работы А. Е. Супрун уже без оговорок рассматривает случаи, «когда происходит субстантивация числительного» (стр. 159).

Во второй главе «Словообразовательная система числительных и превращение их в особую часть речи» (стр. 42—91) рассмотрены наиболее значительные словообразовательные перестройки числительных, происшедшие в славянских языках уже в период их раздельного существования. Здесь и в последующих главах убедительно показано, как «противоречие между семантической спаянностью и грамматической разобщенностью числительных» (стр. 89) вело к преодолению этой разобщенности, как наличие избыточности во многих названиях чисел вело к их сокращению, стяжению (стр. 49). Глава насыщена удачными наблюдениями, свежими мыслями. Ср. обоснование падежа элемента *две* (а не *два*) в русск. *двенадцать* (стр. 51—52) и мысль о том, что внесистемные образования проникли в состав числительных на границах словообразовательных групп (стр. 72—73).

Один из выводов этой главы звучит так: «словообразование здесь принимает весьма и весьма специфические формы» (стр. 89) и даже еще решительнее: «словообразование в обычном смысле слова не присуще числительным» (стр. 90). Однако это в общем справедливое замечание не снимает, а лишь усложняет задачу ограничить в числительных словообразование от лексикологии, с одной стороны, и от морфологии (формообразования), с другой. Подобное ограничение достигается не всегда. Например, обзор числительных на стр. 72 явно лексикологичен. Информация об утрате склонения некоторыми числительными в сло-

вацком языке (стр. 66—67) — это уже морфология. Соответствующий материал, впрочем, есть и в морфологической главе книги.

Отметим попутно, что подобных полных или, чаще, неполных повторений в работе много. Нельзя сказать, что они не нужны. Но их объем можно было бы резко сократить с помощью ссылок на соответствующее место монографии. Для этого внутри глав работы, вероятно, следовало бы ввести более мелкие деления. Такая дозировка, «параграфизация» работы, конечно, облегчила бы ее использование. Своеобразный план-пересказ, данный в содержании (стр. 229—232), восполняет этот пробел лишь частично.

Трудно разделить точку зрения А. Е. Супруна на вопрос о продуктивности словообразования числительных. Поскольку существует положение, что все считаемое непродуктивно, а числовой ряд бесконечен, т. е. не может быть сочтен «до конца», то «значит, принципиально, никогда способы образования числительных не станут непродуктивными» (стр. 80). Однако названный критерий непродуктивности неверен. Не составляет труда сосчитать все образования на *-навт* (типа *акванавт*) или *-ход* (типа *атомоход*), но это ничуть не доказывает их непродуктивности. И главное не это. Скажем, в русском языке есть девять числительных на *-надцать* (от *одинадцати* до *девятнадцати*). Пусть бесконечен ряд все возрастающих составных числительных, которые оканчиваются на 11—19. Количество числительных на *-надцать* от этого не меняется — их по-прежнему остается девять. Ведь для образования составных числительных они берутся уже в готовом виде, а не образуются вновь. И поскольку новообразований нет, русские числительные на *-надцать*, как, впрочем, и почти все словообразовательные средства числительных во всех славянских языках, уже давно стали непродуктивными. Дело не в считаемости, а именно в отсутствии новообразований.

Мысль А. Е. Супруна о нейтрализации в числительных противопоставления производимого и воспроизводимого (стр. 81) представляется общей и поэтому неточной. Строительный материал, составные элементы числительных типа *пятьсот семьдесят три миллиарда четыреста сорок два миллиона семьсот тридцать пять тысяч девятьсот пятьдесят семь* не производятся: они берутся в готовом виде, будучи давно известными в языке, иными словами, они воспроизводятся. А сама комбинация этих составных элементов всегда производится, образуется, даже если она раньше кем-либо и употреблялась. Точно так всегда производится любое предложение (если это не цитата) при воспроизводстве его элементов — слов. Таким образом, нейтрализации нет: составные числительные воспроизводятся на

парадигматической оси и производятся на оси синтагматической.

Мысль автора о том, что в горизонтальной системе числительных «нет каких-то особых числительных суффиксов» (стр. 88), как будто бы отрицается наличием собирательных типа русск. *пятеро*, польск. *pięcioro*. Нужно, несомненно, принять точку зрения, что элемент *-ep/-or* извлечен по аналогии из основы *четывер-* (стр. 83—84). Но это — история. А ведет себя элемент *-ep/-or* в современных славянских языках как суффикс: он обладает чисто деривационной функцией и не изменяется.

Эти соображения позволяют считать собирательные числительные новыми словами, а не новыми формами (ср. стр. 90), в отличие, например, от лично-мужских числительных, четко выражающих значение именно грамматической (а не словообразовательной) категории и имеющих многочисленные другие признаки формы, а не слова. Заметим сразу же, что обстоятельно описанная А. Е. Супруном в следующей главе полифункциональность собирательных числительных в большинстве славянских языков (стр. 113—117 и др.) свидетельствует о том же: здесь мы имеем дело со словообразованием, а не формообразованием. Показательно, что автор, практически доказавший эту мысль, в своих теоретических построениях с ней не соглашается.

Отметим еще, что нет, по сути, никаких доказательств ни в пользу связи числительных второго десятка с двадцатеричным счетом, ни, тем более, в пользу заимствования этих числительных (стр. 47), равно как и известных в некоторых славянских языках числительных третьего десятка с предлогом «между» (стр. 48).

Видеть в древних названиях чисел 20, 30 и т. д. «операцию умножения» (стр. 61) — значит несколько осовременивать их семантику. Старые образования типа *трие десяте*, несомненно, понимались так же, как *три ведра*, а не как 3×10 . Язык без операции умножения, более примитивным путем нашел форму выражения чисел 20, 30 и т. д., и уже потом оказалось, что эта форма может быть обоснована операцией умножения.

В третьей главе «Изменения в формообразовательной системе славянских числительных» (стр. 92—140) автор выясняет основные тенденции в перестройках форм числительных, рассматривает вопрос о причинах этих тенденций. Отметив, что «наиболее универсальной категорией формообразования славянских числительных» является категория падежа (стр. 121), ученый констатирует, что внутри этой категории «наиболее стойким является противопоставление прямых и косвенных падежей» (стр. 138). Глава ценна не только своими обобщениями, но и оригинальными интерпрета-

циями. Ср. хотя бы взгляд А. Е. Супруна на формы единственного и множественного числа числительного *сто* в восточнославянских языках как на алломорфы единых падежных форм (стр. 100).

В главе практически не рассмотрен такой важный для выделения числительных в особую часть речи процесс, как потеря категории рода числительными-существительными (*пять* и след.). Трудно согласиться с автором, что русск. *девятью* можно отнести к числу несклоняемых (стр. 131). Форма косвенных падежей *девятию* фонетически не отличается, конечно, от формы *девятью*. Но сила письменного склонения здесь такова, что независимо от фонетики слово *девятью* психологически склоняется и в устной речи. В этом его отличие от белор. *дзевянюста*, которое не имеет письменных форм склонения и поэтому не склоняется, так сказать, не только фонетически, но и психологически.

Форма творительного падежа от укр. *п'ятот* не *п'ятистами*, как ее называет А. Е. Супрун (стр. 129), а *п'ятьмастами* или *п'ятьюмастами*. Поэтому неверна и вся мысль о том, что в украинском языке названия сотен выработали общую основу косвенных падежей. Такая основа появляется лишь в просторечии, но не в литературном языке.

В четвертой главе «Изменения в системе синтаксических свойств числительных» (стр. 141—193) А. Е. Супрун подробно рассматривает способы сочетания числительных с существительными, прилагательными и глаголами-сказуемыми. Поскольку у числительных, отмечает автор, «многие морфологические оппозиции стираются», то тем самым «центр тяжести в грамматической характеристике числительных сосредоточивается на их синтаксических свойствах» (стр. 141).

Любопытны две предложенные А. Е. Супруном типологические группировки славянских языков, основывающиеся на характере связей числительных с существительными (стр. 154—155) и на способах согласования сказуемого с количественным подлежащим (стр. 190—193). Эти группировки в какой-то мере напоминают генеалогическое членение славянских языков, но не совпадают с этим членением. Жаль, что опыт подобной типологической классификации проделан только на синтаксическом материале.

В данной главе, как и в некоторых других местах своей книги, А. Е. Супрун настойчиво проводит мысль: «Числительные еще не в достаточной мере выкристаллизовались в особую часть речи» (стр. 150); «Процесс превращения числительных в особую часть речи продолжается» (стр. 155) и т. д. Эта мысль не представляется вполне точной. С одной стороны, несомненно, что грамматическая специфика числительных продолжает возрастать. Но, с другой стороны, если числитель-

ные только превращаются в часть речи, значит, они ею еще не вполне стали. Однако числительные уже давно стали особой частью речи, что отлично показано в монографии А. Е. Супруна, и нынешние грамматические процессы в числительных лишь усиливают их отличия от других имен. Это уже факт не превращения и в часть речи, а развития части речи. Впрочем, для отдельных слов может совершаться и сейчас самое настоящее превращение в числительные, что происходит, например, с русским существительным *тысяча*. Но здесь речь идет о втягивании в систему числительных тех слов, которые раньше числительными не были.

Книга завершается «Заключительными замечаниями о становлении числительных особой частью речи» (стр. 194—216), в которых суммированы основные результаты исследования А. Е. Супруна. Автор называет главные противоречия в системе числовых названий, явившиеся двигателями развития, обсуждает основания того или иного пути развития. В целом этот итоговый раздел хорошо показывает, как и почему числительные стали особой частью речи.

Будущие исследования, можно думать, как-то дополнят, уточнят ответ на эти вопросы, а также скажут точно, когда и в какой последовательности (или все сразу) числительные становились отдельной частью речи. Вообще, неизученного в области славянских числительных еще много. Именно этим автор и оканчивает свою работу. Так, помимо капитального изучения числительных в отдельных славянских языках хотелось бы видеть работы с более детализированными, так сказать, поформными межславянскими сопоставлениями, работы с широким несла-

вянским типологическим фоном, работы по лингвистической географии славянских числительных.

Однако независимо от этого монография А. Е. Супруна составляет, вместе с другими его работами, важный этап в изучении славянских числительных. Данная монография — лучшая из существующих работ по славянским числительным. Книга А. Е. Супруна содержит на обложке знак старого числа тьмы, то есть 10 000. В связи с этим можно сказать, что после выхода этой книги нечисловой смысл слова *тьма* адресовать истории числительных уже нельзя.

Рецензируемая книга написана ясно и выразительно, хорошим языком. Стилистические погрешности здесь большая редкость (например, «являющиеся проявлениями» на стр. 58, не совсем удачное образование *уединоображение* на стр. 202). В книге имеется, к сожалению, некоторое количество опечаток, в том числе и искажающих смысл. Так, во фразе «Числительные второго десятка с изменяемым первым компонентом» (стр. 56) пропущено важное «не», нужно: «с неизменяемым первым компонентом». Ряд опечаток есть в приложенном к монографии списке литературы (ср. например, нумерацию работ Л. Н. Дровниковой) — важнейшем библиографическом пособии по славянским числительным.

В целом книга А. Е. Супруна — ценное приобретение отечественной славистики. Выработанные ученым методы исследования могут быть использованы при сопоставительном описании других частей речи в славянских языках. Создание таких описаний представляется одной из актуальных славистических задач.

Ю. А. Карпенко

НОВИСАДСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

Нови Сад — один из центров развития филологии и лингвистики в Югославии. За новисадскими периодическими изданиями Матицы сербской («Летопис», «Зборник за филологију и лингвистику», «Зборник за књижевност и језик», «Зборник за друштвене науке» и философского факультета («Годишњак философског факултета») внимательно следят специалисты во всех странах, где ведутся исследования по югославистике. Особое место среди новисадских изданий занимают «Прилози проучавању језика» (№ 1, 2, 3, 4) — ежегодное издание кафедры южнославянских языков философского факультета, которое начало выходить с 1965 г. под редакцией профессоров П. Ивича, Р. Коларича и А. Младеновича. Целиком отданные начинающим исследователям, «Прилози» стали школой подготовки молодых лингвистов Югосла-

вии, работой которых руководят ведущие языковеды страны — профессора П. Ивич, П. Джорджич, Р. Коларич, М. Ивич, А. Младенович. В статьях, публикуемых в этом издании, проявляется не только научная приверженность кураторов молодых исследователей, но — и это главное — планомерный выбор исследуемых аспектов и проблем. Это обеспечивает изданию актуальную тематику исследований, новый и добротный материал, изложенный с применением новейших или испытанных традиционных методов исследования. Отсутствие ученой амбиции у авторов так же благоприятно сказывается на качестве публикуемых работ.

В выпущенных четырех номерах «Прилози» выступило около 30 авторов. Треть из них опубликовала по нескольку статей. До сих пор «Прилози» помещали статьи только по сербохорватскому язы-

ку (лишь одна работа Ангелины Манчев в № 3 посвящена описанию болгарского говора на территории Югославии). В статьях охвачены почти все важные области сербокроатистики: диалектология (современная и историческая), фонетика, морфология, лексика, словообразование, синтаксис современного языка, стилистика, язык памятников, детская речь, аргументация. Рассматриваются также теоретические вопросы языкознания, проблемы двуязычия и некоторые другие.

Среди исследований по сербохорватской диалектологии (большинство их выполнено под руководством проф. П. Ивича) выделяются описания говоров отдельных местностей: в их числе описание *М. Гркович* (№ 4) говора с. Лукова Куршумлийского района косовско-ресавской диалектной зоны. О косовско-ресавских говорах до сих пор нет большого обобщающего труда, что связано с недостаточной изученностью отдельных местных говоров. Всестороннее, хотя и краткое исследование *М. Гркович* расширяет наши знания об этой интересной диалектной группе. О двух фонетических особенностях черногорского пшерецкого говора говорится в статье *Л. Петровица* (№ 1). Автор рассматривает рефлексы редуцированного и соотношение *л* и *ль* с точки зрения языковых изоглоссов, показывающих направление миграционных передвижений. *М. Гркович* исследовала просодические явления в системе существительных в говоре с. Чумича (№ 3) и употребление падежей в одном из говоров Центральной Шумадии (№ 4). Большое исследование об изменении групп согласных — процессах ассимиляции и диссимиляции — в говорах штокавского диалекта сделано *Г. Павлович-Стаменкович* (№ 4). Употребление падежей в говоре Реваца (Черногория) посвящена статья *М. Пижурич* (№ 3). Интересна работа *С. Зайцевой* (СССР) о специфической чакавской (славянской) лексике (№ 3). На большом, основательно разработанном материале доказывается тезис, выдвинутый в науке давно, но до сих пор не получивший основного обоснования — о специфичности чакавских говоров (прежде всего крайних северо-западных) в лексическом отношении. Ценный вклад в диалектологию представляет собой работа *И. Баотича* (№ 2), который путем проверки наличия определенных диалектных черт уточнил южную границу икавских по-савских говоров, описанных несколько десятилетий назад С. Ивичем.

Историческая диалектология представлена тремя статьями американского исследователя *А. Албина* (№ 2, 3, 4), проходившего стажировку на кафедре новисадского факультета. В них анализируется язык писателей XVIII в. воеводинской и шумадийско-воеводин-

ской диалектных областей — Давида Милошевича, Стефана Раича, Савы Текелий, в сопоставлении с современными говорами этих областей. Статьи *А. Албина* дают надежный материал по истории северных штокавских диалектов. Они продолжают исследования проф. *А. Младеновича*, под руководством которого работал *А. Албин*, о языке писателей довуковского периода.

Большое место в изданиях выпусках «Прилози» занимают работы по топонимике и ономастике. Микротопоними отдельных областей и местностей посвящены статьи: *Д. Петровица* — о микротопонимах в южной Бачке (№ 1) и Никшичевом Поле (№ 2), *Л. Наранчич* — о микротопонимах в районе с. Долян в северной Далмации, *С. Драпича* — о микротопонимах в районе нескольких сел Баната. Об участии суффикса *-ište* в образовании старых и новых топонимов Югославии пишет в своей статье *В. Михайлович* (№ 1). «Прилози» содержат интересные материалы к патронимическому словарю Югославии. Это исследования имен, фамилий, прозвищ жителей г. Нови Сад (*М. Ладжевич*; № 4); Баната (*С. Джачич*; № 2), Воеводины (*И. Михайлович*, № 1, 2). Любопытна статья *В. Михайловича* (№ 4) о жепских именах, образованных от названий растений, цветов и т. п. и широко представленных в сербохорватском языке.

К сожалению, мало места в рецензируемом издании занимает язык древних памятников письменности. Лишь в статьях *В. Еркович* — ученицы проф. П. Джорджевича — рассматриваются вопросы графики, лексики, правописания (с применением статистического метода) памятников письменности XIII—XIV вв. (№ 1, 3, 4).

Разнообразны по тематике исследования по современному языку. Здесь выделяются работы *И. Ерковича* (№ 1, 2) о звуковой и просодической структуре моносиллабических слов. Автор устанавливает все возможные комбинации гласных и согласных в моносиллабе и находит определенные зависимости просодии от консонантной структуры слова. Проблема дистрибуции окончаний *-a* и *-u* в род. мн. у существительных второго склонения в зависимости от групп согласных на конце слова и от происхождения слова рассматривается в работе *А. Манчев* (№ 3). Частотность употребления в текстах отдельных классов глаголов исследуется в статье *М. Йоич* (№ 4).

Проблеме продуктивности словообразовательных типов прилагательных с суффиксами *-ов/-лив* посвящена работа *Я. Шакича* (№ 1). Им же составлена аннотированная библиография (124 названия) по словообразованию в сербохорватском языке (№ 2). Лексический и словообразовательный анализ сербо-

хорватских названий ветров (несколько десятков названий) дан в статье *В. Михайловича* (№ 2).

Из работ по лексике отметим статью *С. Джанича* о названиях частей телеги в Банате (№ 4) и любопытный словарь воровских слов и выражений *Д. Влайковича* (№ 2). В статье *Я. Мелвингер* «Теория лингвистического поля в семантике» (№ 2) делается попытка применить структурный метод «морфосемантического поля», разработанный французским исследователем П. Гиро, к изучению семантики и лексикологии. В ней определяются стилистические поля слова *život* в поэтическом тексте.

Синтаксические исследования велись под руководством проф. М. Ивчи по разработанной ею методике. Это работы *М. Радовановича* — об употреблении падежей в языке у загребского писателя Виши Стахуляна (№ 4), представляющая интерес для выявления особенностей западного варианта литературного языка, *Т. Батистич* — о конструкции *y +* локатив (№ 3) и *Г. Вукочич* — о дистрибуции двух вариантов предлогов *испод/под*, *изнад/над*, *испред/пред* (№ 2) и о некоторых функциях инструментала без предлога (№ 3). Синтаксический анализ структуры двух стихотворений с применением статистического метода Р. Якобсона представлен в статье *С. Васильева* (№ 1).

Во всех четырех номерах «Прилози» опубликованы статьи школьных учителей *М. Микеш* и *П. Влахович*, которые под руководством проф. Р. Коларича занимаются проблемой двуязычия у детей венгерского происхождения, обучающихся сербохорватскому языку.

В статьях исследуются вопросы интерференции в процессе одновременного усвоения венгерского и сербохорватского вокализма и консонантизма, анализируются грамматические категории и синтаксические структуры в речи двуязычных детей (№ 1, 2, 3, 4). В одной статье *П. Влахович* рассматривается вопрос о генезисе первых слов и предложений в детской речи (№ 1).

Вне указанных рубрик лежит статья *М. Чанадановича* (№ 2), в которой автор пытается теоретически осмыслить предмет и методы науки с точки зрения марксистско-ленинской теории диалектического и исторического материализма. Автор касается также вопроса о влиянии социальных условий на развитие языка.

Несколько лет назад мы уже отмечали полезную инициативу кафедры южнославянских языков Новисадского факультета, основавшей печатный орган молодых лингвистов — «Прилози проучавању језика» (см. «Советское славяноведение», 1966, № 6). Вышедшие из печати четыре выпуска этого издания показывают, что «Прилози» на деле стали школой подготовки национальных (и не только национальных) кадров сербскохорватистов под руководством ведущих ученых Югославии. Разнообразие проблем, которые рассматриваются в работах молодых лингвистов, и высокий уровень исследовательских работ делают «Прилози» проучавању језика» необходимым источником нового материала для всех, кто занимается сербохорватским языкознанием.

Р. В. Булатова

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1970 г.
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Экономика, экономическое сотрудничество

А лам п нев П., Ш пр я ев Ю. Теоретическое наследие В. И. Ленина и практика экономического сотрудничества социалистических стран. *Вопр. эконом.*, 1970, № 4.

А н с и м о в а И. П. Материальное стимулирование сельскохозяйственного производства в трудовых кооперативных земледельческих хозяйствах Болгарии. *Уч. зап. Моск. гос. заоч. пед. ин-та*, 1970, вып. 26.

А н с и м о в а И. П. Особенности производственного кооперирования крестьянских хозяйств в социалистических странах. *Уч. зап. Моск. гос. заоч. пед. ин-та*, 1970, вып. 26.

А р т а м о н о в Б. В. Судостроение Польской Народной Республики. *Бюл. иностр. коммерч. информ.*, 1970, март, № 28.

Б о я р о в С. По пути экономической консолидации. (Об экономической политике КПЧ в связи с решением январского пленума). *Эконом. газ.*, 1970, № 11.

Б у д к и н В. С., К а л и н и ч е н к о В. I. Рада Економичној взаимодопомоги — втілення ленинських ідей інтернаціоналізму. *Питання політ. економії*, 1970, вип. 64.

Варнавский А. Н. Научные исследования в Югославии по воспроизведению животных. «Животноводство», 1970, № 3.

Герш А. Народная Польша отмечает славную дату. (О социалистическом соревновании на предприятиях промышленности строительных материалов в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина и 25-й годовщины победы над фашизмом). Строит. материалы, 1970, № 4.

Гудков В. И., Лейфман Г. Е. Плодотворное сотрудничество (стран — членов СЭВ в области промышленности строительных материалов). Строит. материалы, 1970, № 4.

Голобокая А. П. Экономическое сотрудничество стран мировой системы социализма с развивающимися государствами. Уч. зап. Моск. гос. заоч. пед. ин-та, 1970, вып. 26.

Гула В. Задачи экономического строительства в Чехословакии. «Новое время», 1969, 19 марта.

Демченко В. П. Аграрні перетворення — важлива ланка соціалістичної перебудови сільського господарства країн РЕВ. Питання політ. економії, 1970, вип. 64.

Деятельность Совета Экономической Взаимопомощи. Бюл. эконом. информ. (СЭВ), 1970, № 1.

Достижения народного хозяйства Чехословацкой Социалистической Республики за 25 лет. Вестн. статистики, 1970, № 4.

Доценко А. П. Створення матеріально-технічної бази соціалістичного сільського господарства в Народній Республіці Болгарії. Питання політ. економії, 1970, вип. 64.

Иров Н. О финансировании и кредитовании капитальных вложений в европейских странах СЭВ. План. хоз-во, 1970, № 3.

Квочкин М. П. Преобразование болгарской деревни. Вестн. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя, філасофія, эканоміка, права, 1970, № 1.

Клочко В. П. Основні напрямки вдосконалення планування і керівництва сільським господарством європейських країн РЕВ. Питання політ. економії, 1970, вип. 64.

Книжка Я. Речной транспорт Чехословацкой Социалистической Республики. Реч. транспорт, 1970, № 4.

Кормнов Ю. О развитии международной специализации производства (стран — членов СЭВ). План. хоз-во, 1970, № 3.

Кулигин П. Бюджетное регулирование экономических процессов в промышленности стран СЭВ. План. хоз-во, 1970, № 3.

Кульчицкий Г. Крепнет экономика стран социализма. (Данные о росте

экономики в 1968—1969 гг.) Междунар. жизнь, 1970, № 4.

Кучерявенко П. X. Характер сільськогосподарських виробничих кооперативів та їх переваги перед індивідуальними господарствами у ІНР. Питання політ. економії, 1970, вип. 64.

Лесечко М. Братское сотрудничество стран — членов СЭВ — воплощение идей ленинизма. Эконом. газ., 1970, № 16.

Максаковский В. П. Сдвиги в развитии сырьевой базы нефтегазовой промышленности социалистических стран зарубежной Европы. Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та, 1970, № 297.

«Мировая социалистическая система — воплощение идей ленинизма». Междунар. научн. конференция. 27—30 янв. 1970 г., Москва. (Обзор выступлений.) Междунар. жизнь, 1970, № 3.

Митропольский Ю. О., Шелов В. М. Розвиток теорії цілісних коливань та її застосування. У міжнародна конференція з нелінійних коливань у Києві (26 авг.—5 сент. 1969 г.). Вісн. АН УРСР, 1970, № 3.

Михайловський В. І. Хімізація — важливий фактор інтенсифікації сільськогосподарського виробництва в країнах — членах РЕВ. Питання політ. економії, 1970, вип. 64.

Могучая поступь экономики стран — членов СЭВ. Цифры и факты. Коммунист Узбекистана, 1970, № 3.

Мордасов В. По ленинскому пути. Перестройка сельского хозяйства и заготовки сельскохозяйственных продуктов в социалистических странах. Закупки с.-х. продуктов, 1970, № 4.

Нелюбов Б. Ф. Радянсько-болгарське економічне співробітництво та розвиток сільськогосподарського виробництва НРБ. Питання політ. економії, 1970, вип. 64.

О развитии производства молока и молочных продуктов в странах — членах СЭВ в 1966—1968 гг. Бюл. эконом. информ. (СЭВ), 1970, № 1.

Пекшев В. Ленинские принципы внешнеэкономической политики Советского Союза. «Новое время», 1970, № 14.

Петров В. С. Творче здійснення лєнінського кооперативного плану в болгарському селі. Питання політ. економії, 1970, вип. 64.

Плотников К., Александров А. Претворение ленинских идей о финансах в социалистических странах. Финансы СССР, 1970, № 4.

Почкаева М. Ленинские принципы межгосударственных экономических отношений и международное право. (Статья касается социалистических стран.) Научн. зап. Всесоюз. акад. внешн. торговли, 1970, вып. 17.

Прымов И. Ленинский кооператив-

ный план в Болгарии. Проблемы мира и соц-ма, Прага, 1970, № 3.

Птичкин Н. Братское сотрудничество стран СЭВ — подтверждение жизнеспособности ленинских идей. Внешн. торговля, 1970, № 4.

Розвиток виробництва овочів у Народній Республіці Болгарії. Вісн. с.-г. науки, 1970, № 3.

Рокитко А. І. Місце сільського господарства в системі народного господарства соціалістичних країн. Питання політ. економії, 1970, вип. 64.

Рябушкин Т. Закономерности расширенного воспроизводства в социалистических странах. План. хоз-во, 1970, № 4.

Самков М. А., Сербиновский Г. В. Ленинские принципы интернационализма и творческие связи энергетиков стран социализма. Пром. энергетика, 1970, № 3.

Самурзин А. Братские связи (О вкладе советского Казахстана в дело развития экономического и научно-технического сотрудничества СССР и ЧССР). Парт. жизнь Казахстана, 1970, № 3.

Семянко В. І., Уржынські К. П. Ленінські ідеї аб ахове праці і здароуя працоуных (на матеріялах сацялістичних країн). Весті АН БССР. Сер. громад. наук, 1970, № 2.

Сербиновский Г. В., Ковалкин А. С. Вопросы обмена электроэнергией в Европе. (Содержится материал о социалистических странах). Энергохозво за рубежом, 1970, № 1.

Сиротин В. П. Экономическое содержание межгосударственной специализации производства и соотношение процессов общественного разделения труда и специализации производства социалистических стран. Уч. зап. Рыбин. вечерн. технол. ин-та, Ярославль, 1970, вып. 3.

Смолянова В. В. Тенденції в зміні пропорції «промисловість — сільське господарство» в країнах РЕВ. Питання політ. економії, 1970, вип. 64.

Советско-чехословацкое сотрудничество (О подписании соглашения об оказании помощи со стороны СССР в строительстве Пражского метрополитена и другой технической помощи Чехословакии). «Правда», 1970, 1 мая.

Станев С. Ленинские принципы организации статистики в социалистических странах. Вестн. статистики, 1970, № 4.

Стоичков Г. Развитие и достижение болгарского речного судоходства. Реч. транспорт, 1970, № 4.

СЭВ — сотрудничество равных. «Наука и жизнь», 1970, № 4.

Терехов В. Социализм в наступлении. (Развитие экономики стран—членов СЭВ в 1969 г.) Эконом. газ., 1970, № 12.

Годоров И. Плюс электрификация (Об успехах развития энергетики в НРБ) Эконом. газ., 1970, № 15.

Токарь М. И., Каган М. Ю. Гидроэнергетическое строительство в Болгарии. Энергохозво за рубежом, 1970, № 1.

Усенко Е. Т. Сотрудничество стран—членов СЭВ и социалистический интернационализм. Сов. гос-во и право, 1970, № 4.

Фаддеев Н. Под флагом экономического сотрудничества. (О принципах организации, целях и задачах СЭВ). «Советы депутатов трудящихся», 1970, № 3.

Фрумкин М. Болгарские машины. (О производстве электро- и автопогрузчиков объединения «Балканкар»). Автомоб. транспорт Казахстана, 1970, № 2.

Хвостов Б. Н. Международное значение ленинского кооперативного плана. Уч. зап. Моск. кооп. ин-та, 1970, вып. 2.

Хвостов Б. Торжество кооперативного плана Ленина (в социалистических странах). Сов. потреб. кооперация, 1970, № 3.

Цеденбал Ю. Торжество ленинских идей пролетарского интернационализма (О социалистической, политической, экономической и научно-технической интеграции). «Коммунист», 1970, № 6.

Черный А. І. Економічна допомога Радянського союзу Народній Республіці Болгарії в перші роки соціалістичної революції (1944—1947 рр.). Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 1.

Шевчик Л. Я. Галузеві виробничі об'єднання в ПНР. Питання політ. економії, 1970, вип. 62.

Шишанков В. Мировая социалистическая система. Проблемы хозяйственной интеграции. Полит. самообразование, 1970, № 3.

Шишкин П. І. Економічна реформа в сільському господарстві Народної Республіки Болгарії та її значення. Питання політ. економії, 1970, вип. 64.

Шопа Е. Речной транспорт Польской Народной Республики. Реч. транспорт, 1970, № 4.

Экономическое сотрудничество стран—членов СЭВ. Бюл. эконом. информ.(СЭВ), 1970, № 1.

Экономическое сотрудничество братских народов. (Статистические данные о странах—членах СЭВ). Полит. самообразование, 1970, № 3.

Яковлева Е. Изменение структуры занятости в странах СЭВ. Вопр. эконом., 1970, № 4.

2. Государственное строительство и право.

Баграмов Э. А. Диалектика национального и интернационального в условиях социализма. Вопр. философ., 1970, № 4.

Брайкофф Е. Предыюбилейные дни в Польше. (О подготовке к праздни-

ванию ленинского юбилея). «Советы депутатов трудящихся», 1970, № 3.

Гельфер М., Рашковская М. Закон Народной Республики Болгарии об исполнении наказания (1969 г.). Сов. юстиция, 1970 № 6.

Гомулка В. Гарантия наших побед. (О влиянии идей ленинизма на польскую действительность.) «Правда», 1970, 31 марта.

Горачек В. Четверть века в союзе с братьями по классу. (Чехословацкая народная армия — союзник Советской армии и армий братских стран.) Коммунист Вооруж. Сил, 1970, № 8.

Гусак Г. Актуальность ленинских идей о государстве и демократии. «Правда», 1970, 15 апреля.

Гуськов А. Годовщина Февральской победы. (К 22-й годовщине победы народно-демократического строя в Чехословакии). «Новое время», 1970, № 9.

Драгойчева Ц. Ленинская забота о женщине. (О борьбе болгарских женщин за политические права в буржуазной Болгарии и положение женщины в социалистической Болгарии.) Парт. жизнь, 1970, № 6.

Дыбков С. Вечно живое учение. (О роли идей Ленина в деле строительства социалистического хозяйства республики). Эконом. газ., 1970, № 15.

Живков Т. В. И. Ленин и союз рабочего класса с крестьянством в борьбе за социализм. «Коммунист», 1970, № 6.

Живков Ж. Под развернутым знаменем ленинизма. (О влиянии Ленина на развитие революционного движения и строительство социализма в Болгарии). Вопр. истории КПСС, 1970, № 3.

Кадар Я. Ленин — теоретик и организатор строительства социализма. «Правда», 1970, 9 апреля.

Коуцкый В. Свободной Чехословакии — 25 лет. «Агитатор», 1970, № 8.

Лукинская С. Д. Основные особенности государственного совета как новой формы коллегиального главы государства. (Из опыта зарубежных социалистических стран). Сб. асп. работ Свердл. юрид. ин-та, 1969, вып. 9.

Любимський Л. О. Народна Армія нової Польщі набуває крила. (До 25-річчя Військово-повітряних сил Польської Народної Республіки), Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 1.

Мацусович Я. В. О четырех переводах на польский язык работы В. И. Ленина «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме». Вестн. Ленингр. ун-та, 1970, № 2, История, яз., лит., вып. 1.

Михеинко М. Новый Криминально-процессуальный кодекс Польской Народной Республики (Вступил в силу в январе 1970 г.). Рад. право, 1970, № 2.

Мольдон А. И. Об основных этапах развития социалистического госу-

дарства. Научн. зап. Ин-та повышения квалификации преподавателей обществ. наук при ЛГУ, 1970, вып. 1.

Мотылев Л., Плешков А. Государственное страхование в Польской Народной Республике. «Финансы СССР», 1970, № 3.

Мрозовская К. Женщины все активнее участвуют в жизни страны (Польша). «Женщины мира», 1969, № 4.

Олейник И. Ленинское учение о переходе к социализму и современности. План. хоз-во, 1970, № 4.

Орешкин А., Горчаков А. Ленинский юбилей в странах социализма. (О подготовке к юбилею). Междунар. жизнь, 1970, № 3.

Раковский С. Н. Внешние миграции и изменения национального состава населения социалистических стран зарубежной Европы (1945—1966 гг.). Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та, 1970, № 297.

Раковский С. Н. Некоторые проблемы внутренних миграций населения в Югославии. Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та, 1970, № 297.

Свобода Л. Будущее принадлежит социализму. (Оценка 25-летнего периода социалистического строительства Чехословакии и перспектив ее дальнейшего развития.) «Правда», 1970, 5 мая.

Сурко В. Торжество ленинских принципов. (Развитие марксистско-ленинского атеизма в социалистических странах.) «Людина і світ», 1970, № 4.

Тончев С. Союзник болгарских коммунистов. (К 70-летию Болгарского земледельческого народного союза.) «Новое время», 1970, № 13.

Торжество идей социализма. Чрезвычайные и полномочные послы социалистических стран в Москве отвечают на вопрос нашего корреспондента: «Как ленинские идеи претворяются в жизнь в их странах?» «Огонек», 1970, № 16.

Якубовский И. Боевое содружество армий стран социализма. «Коммунист», 1970, № 5.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

А. К. Т. До 50-річчя Косівського повстання. Укр. ист. журн., 1970, № 4.

Аморт Ч. Ленин в Праге. «Проблемы мира и социализма». Прага, 1970, № 6.

Андреевская Е. А. Балканы в планах французской буржуазии накануне первой мировой войны. Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та, 1969, т. 307.

Бейліс О. С. Роль Георгія Димитрова і Василя Коларова у становленні марксистсько-ленинської історичної науки в Болгарії та у вивченні проблем національно-революційної боротьби в

епоху Відродження. Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 2.

Бейліс О. С. Сучасна болгарська марксистська історіографія про соціально-економічний розвиток Болгарії в епоху національного відродження. Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 1.

Белоусов Н., Янев К. Ленінська «Искра» в Болгарії. (О распространении материалов «Искры» в Болгарии и роли Бакалова и Загубанского в транспортировке газеты в Россию). «Новое время», 1970, № 11.

Белякевич І. І. Антивоєнні виступи в 1-й Польській стрілецькій дивізії на Південно — Західному фронті влітку 1917 року. Укр. слов'янознавство, Львів, вип. 1.

Белякевич І. І. З історії боротьби польської прогресивної громадськості Західної Галичини на захист В. І. Леніна в серпні 1914 р. Укр. слов'янознавство, Львів, вип. 2.

Борис В. О. Про програму «Співдружності польського народу» (30-е годы XIX в.). Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 1.

Віриний М. Сліди ведуть до Пороніна. (О пребывании В. И. Ленина в Поронине в 1914 г.) «Вітчизна», 1970, № 4.

Волькович Л. Ю. До питання про передумови відродження соціалістичного руху у Королівстві Польському після розгрому партії «Пролетаріат», Укр. слов'янознавство, Львів, 1970.

Выродов И., Руркин В. Пражская наступательная операция. Факты и цифры. (К 25-летию освобождения Чехословакии). Восн.-ист. журн., 1970, № 5.

Гановский С. Ленин и история философии. Научн. докл. высш. школы. Филос. науки, 1970, № 2.

Еремечко А. И. Победная весна. (Воспоминания о боях за освобождение Польши и Чехословакии). «Дощ», Ростов н/Д, 1970, № 5.

Жамойдо Г. «Пражани ніколи не забудуть...» (О музее В. И. Ленина в Праге). «Прапор», Харків, 1970, № 4.

Жученко І. Я. Бойова взаємодія радянських і чехословацьких воїнів і партизанів. Укр. іст. журн., 1970, № 5.

Інгльот С. У Вроцлавському університеті. (Обзор работ по истории польского крестьянства XVI—XIX вв.) Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 1.

Ісаєвич Я. Д. До питання про діяльність Львівського братства в галузі міжслов'янських культурних взаємин у XVI—XVIII ст. Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 1.

Калениченко П. М. Висвітлення радянською та польською історіографією теми «В. І. Ленін і польський робітничий рух», Укр. іст. журн., 1970, № 3.

Калениченко П. М. Сурмінська В. С. З історії взаємовідносин В. І. Леніна з російським революціоне-

ром Б. Д. Вігілевим у Західній Галичині. Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 2.

Камбуrow Г. Братание между русскими и болгарскими воинами в годы первой мировой войны. Военно-ист. журн., 1970, № 6.

Катаев Н. А. Великая Октябрьская социалистическая революция и приход к власти в Болгарии Земледельческого Союза. Вопр. теории гос-ва и права, Саратов, 1968, вып. 1.

Кацаркова В., Калицын М. Симпозиум «Балканский город XV—XIX веков» (Москва, 29—31 марта 1969 г.). «Народы Азии и Африки», 1970, № 1.

Келембетова В. По ленінських місцях у Польщі. Нар. творчість та етнографія, 1970, № 2.

Кеменова А. Бузудук — Дукла — Прага. По страничкам архивных документов. (О боевом пути чехословацких воинов, сражавшихся в рядах Советской Армии.) «Новое время», 1970, № 19.

Кезченко А. Ф. Зовнішньополітичні відносини так званої «другої» Чехословацької Республіки (жовтень 1938 р.—15 березня 1939 р.). Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 1.

Коваль В. С. Питання про західний кордон України на конференціях голів урядів СРСР, США і Англії в роки Великої Вітчизняної війни. Укр. іст. журн., 1970, № 5.

Ковальський В. Т. Інститут історії польсько-радянських відносин Польської Академії наук. (Структура Інститута і діяльність в 1959—1968 гг.) Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 2.

Ковба Ж. М. З історії чеської еміграції на Україну. Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 1.

Коротынский Г. Народы призвательны освободителям. (Роль Советского Союза в освобождении Польши.) «Агитатор», 1970, № 8.

Крылов Н. И. Великая освободительная миссия. (Об освобождении Советской Армией Центральной и Юго-Восточной Европы.) «Новое время», 1970, № 18.

Кульчицкий В. С. Крайова шкільна рада — знаряддя національного гноблення трудящих Галичини (1867—1918 рр.). «Проблеми правознавства», 1970, вип. 15.

Лановик Б. Д. До питання про розвиток цукрової промисловості Західноукраїнських земель на пешому етапі загальної кризи капіталізму. «Питання історії народів СРСР», Харків, 1970, вип. 9.

Левіцська С. Й. Участь польських письменників у боротьбі за звільнення Леніна на початку першої світової війни. Вісн. Київського ун-ту, 1970, № 12.

- Любимський Л. О. Конференція польських радянських істориків, посвяченна боевому содружеству советских и польских вооруженных сил в борьбе с гитлеровской Германией. Минск, 9—13 июля 1969 г. Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 2.
- Манусевич А. О. Варшавском восстании 1944 г. «Новая и новейшая история», 1970, № 3.
- Мірзаєв А. Економічне становище Болгарії напередодні першої світової війни. Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 1.
- Мірзаєв А. Революційна боротьба робітничого класу Болгарії під керівництвом БРСДП (т. с.) у роки першої світової війни. Укр. іст. журн., 1970, № 5.
- Мірошніченко І. М. Роль ленінських ідей пролетарського інтернаціоналізму в ідеологічній роботі комуністів по вихованню воїні в Першій Польській Армії (травень 1943 — серпень 1944 рр.) Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 2.
- Мовчан С. П. Питання історії Комуністичної партії Югославії в роботах Філіпа Філіповича. Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 2.
- Мовчан С. П. Ф. Філіпович — виданий борець за справу комунізму (до 50-річчя заснування КП Югославії) Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 1.
- Надь К. Великая битва за свободу. (О роли народов Югославии в победе над фашизмом.) «Правда», 1970, 15 мая.
- Наливайко Д. С. Західноєвропейські історико-літературні джерела про визвольну війну українського народу 1648—1654 рр. Укр. іст. журн., 1969, № 126.
- Огицький Д. Константинопольські собори 869—870 і 879—880 років та церковна сучасність. Православний вісн., Львів, 1970, № 2.
- Олексюк М. М. Прогресивна преса Західної України про В. І. Леніна. Укр. іст. журн., 1970, № 4.
- Петряєв К. Д., Чухрій П. Г. В. І. Ленін про особливості історії південних і західних слов'ян на початку ХХ ст. Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 2.
- Пиллер Я. Исторический рубеж. (К 25-летию освобождения Чехословакии.) «Новое время», 1970, № 19.
- Повч М. П. Боротьба Закарпатської крайової організації КПЧ за створення діного фронту трудящих в 1933 р. Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 1.
- Пресс-конференция в посольстве ЧССР (по случаю 25-летия со дня освобождения Чехословакии Советской Армией от гитлеровских оккупантов). «Правда», 1970, 25 апреля.
- Прус Е. Тут був Ілліч. (О местах в Польше, связанных с пребыванием В. И. Ленина.) «Прапор», Харків, 1970, № 4.
- Решетников Л. П. З історії сільськогосподарської комуні ім. Д. Благоева. Вісн. харк. ун-ту, 1970, № 51. Сер. історії КПРС, вип. 6.
- Сідельников С. І. Про V конференцію істориків-славістів. (Мінск, январь 1968 г.) Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 1.
- Сидоров С. В великом освободительном походе. Рассказывают участники боев за освобождение стран Европы. «Пограничник», 1970, № 9.
- Собчак Я. Спів робітництво польських соціал-демократів з В. І. Леніним у центральному органі РСДРП — газеті «Социал-демократ» (1908—1909 рр.). Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 2.
- Сокальський В. Коліївщина. (До 200-річчя народного повстання на Правобережній Україні проти соціального і релігійного гноблення у ХVIII ст.). Православний вісн., Львів, 1970, № 2.
- Стеблій Ф. І. Коліївщина в оцінці польської суспільно-політичної думки кінця ХVIII — першої половини ХІХ ст. Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 1.
- Тамбовцев Г. Г. Боротьба болгарської компартії за мир і дружбу с СРСР (1929—1944 рр.). Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 2.
- Теодорович І. М. В. І. Ленін і питання незалежності Польщі в період довоєнного імперіалізму. Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 2.
- Теодорович І. М. Спроби антирадянської змови США і держав Антанти з Німеччиною та Австро-Угорщиною за рахунок слов'янських народів Центральної і Південно-Східної Європи (листопад — грудень 1917 рр.). «Українське слов'янознавство», Львів, 1970, вип. 1.
- Ундасьнов І. Ленін — вождь міжнародного комуністичного руху. (О роли В. И. Ленина в сплочении революционных партий в период создания Коммунистического Интернационала.) Полит. самообразование, 1970, № 3.
- Хвостов В. М. Возникновение второй мировой войны. (Материалы о Мюнхенском соглашении.) «Новая и новейшая история», 1970, № 2.
- Хоменко І. Л. Ленінські дні на Закарпатті (1924—1938 рр.). Укр. іст. журн., 1970, № 4.
- Чернявський Г. Й. Рух солідарності трудящих капіталістичних країн з революційною боротьбою болгарського народу в 1925—1929 рр. Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 1.
- Чернявський Г. Й. Створення Робітничої партії в Болгарії — приклад

творчого застосування Болгарською Комуністичною партією ленінської ідеї поєднання легальних і нелегальних форм боротьби. Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 2.

Чорній В. П. Економічне становище трудящих мас Болгарії в 50—70 рр. XIX ст. Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 2.

Чорній В. П. На черговому симпозіумі славістів. (Тема: «Генезис капитализма, национально-освободительное движение и формирование национальной культуры славянских народов (конец XVIII в. — 70-е годы XIX в.) Январь 1969 г.) Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 2.

Штеменко С. Гордость освободителей. (Об освобождении Советской Армией стран Центральной и Юго-Восточной Европы.) Воен.-ист. журн., 1970, № 5.

Ю. М. П'ята наукова міжвузівська конференція істориків-славістів Радянського Союзу. (Харьков, 3—6 февр. 1970 г.). Укр. іст. журн., 1970, № 5.

2. Языкознание.

Андел В. П. Віддіслівні абстрактні іменники чеської мови у порівнанні

з іншими слов'янськими мовами. «Мовознавство», 1970, № 3.

Захаревич Е. А., Леоновичова З. Т., Лилич Г. А. К вопросу о переводе произведений В. И. Ленина на славянские языки. (Анализ переводов на болгарский, сербохорватский и чешский языки работы В. И. Ленина «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?») Вестн. Ленингр. ун-та, 1970, № 8, История, яз., лит., вып. 2.

Моторний В. А. Ювілейний семінар Загребського університету, посвящений проблемам сербохорватського язика и югославської літератури, Авг. 1969 г. Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 2.

Мурзаев Э. М. Топонимические наблюдения в Болгарии (Обзор). «Топонимика», 1970, вып. 4.

Петряев К. Д. Деякі актуальні питання радянського слов'янознавства. (Некоторые проблемы историографии германо-славянских отношений.) Укр. слов'янознавство, Львів, вип. 1.

Петряев К. Д. Слов'янознавство в Одесі. Укр. слов'янознавство, Львів, 1970, вип. 1.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторический преглед», 1970, № 1—2

Ж. Натан. Влияние ленинских идей на развитие болгарской исторической науки; А. М. Шнитман. Димитрий Благоев о Ленине и ленинизме; Б. Григоров. С именем Ленина в борьбе против фашистской диктатуры в Болгарии; Д. Тишев. В. И. Ленин и борьба болгарских крестьян за социализм; Н. Белоусов. В. И. Ленин, Коммунистический Интернационал и болгары (1919—1923 гг.); Н. Димов. Ленинские идеи в Профинтерне и болгарские революционные профсоюзы; М. Д. Дыхан. Болгарская советская партийная школа в Днепропетровске и Одессе — очаг марксистско-ленинского просвещения (1924—1930 гг.); П. Шопов. Владимир Ильич Ленин и Соединенные Штаты Америки; Хр. Христов. В. И. Ленин и национально-освободительное движение в колониальных и зависимых странах.

«Литературна мисъл», 1970, № 1

З. Петров. Ленин и проблемы литературного наследия; Г. Цанев. Сочинение В. И. Ленина в неизвестном болгарском переводе; А. Анчев. Гео Ми-

лев о Ленине и советской литературе; В. Кунчев. Эстетические идеи Ленина и Георгий Димитров о революционных процессах в литературе; Г. Димов. Тодор Павлов — воинствующий теоретик искусства и литературы.

«Български език», 1970, № 1

А. Селимски. В. И. Ленин и некоторые проблемы языкознания; Р. Русинов. «Философские тетради» В. И. Ленина и некоторые вопросы синтаксиса; Р. Мутафчиев. Лингвистическое исследование в свете синхронического и диахронического анализа; Э. Селян. Задачи современной научной информации в области языкознания; Л. Андрейчин. Произношение и транскрипция белорусских имен; Э. Пернишка. О факторах, определяющих степень семантической близости слов в синонимическом ряду; Й. Симеонов. Сегментно-аспектологический анализ глагольных синтагм типа *ядох — изядох*; Д. Димов. Об одном пренебрегаемом болгарском суффиксе; М. Младенов. Диалектные тексты из района Ихтимана; Р. Русинов. О неологизме *лениниада*; Т. Бояджиев. *Лениниада — лениниана*; Л. Андрейчин.

Нефтепереработателен, а не «нефтепереработателен»; К. И в а н о в а. Больше внимания при употреблении числительных!

«*Език и литература*», 1970, № 1

25 лет на службе славистической науки; П. Ф и л к о в а. Могучий, правдивый и свободный ленинский язык; Б. Ц е н к о в. Академик Тодор Павлов о взаимоотношении философии и эстетики; Р. Р у с и н о в. Восклицательные предложения в современном болгарском языке; Н. А п т о н о в. Александр Блок и «Двенадцать»; Г. В ы л ч е в. Лужина в нашей печати (со второй половины XIX в. до второй половины XX в.); М. О д р а н. Этимологические заметки. Форма *котка* (*мачка, мях*), *вретиче* и их варианты в славянских языках; С. Т о я н о в. О выражении «не е край».

«*Kwartalnik Historyczny*», 1970, № 2

В. Д. К о р о л ю к. Основные этапы развития раннефеодальной государственности у восточных и западных славян; Я. В о й т а с и к. Накануне карловицкого трактата; Г. М е н ц е л ь. Начало организации Западной Галиции в 1795—1796 гг.; М. В ж о с е к. Польский демократический союз в Минске (Белоруссия) в 1917 г.; Е. К у м а н е ц к и й. Московская конференция по вопросу разоружения 1922 г.; Л. Х а с с. О социальных причинах майского переворота.

«*Z pola walki*», 1970, № 1

Постановление Центрального Комитета ПОРП по поводу празднования 100-летия со дня рождения В. И. Ленина от 15 ноября 1969 г.; Г. С л а б э к. Владимир Ленин и крестьянский вопрос; А. М а н у с е в и ч. Ленин и польская

социал-демократия в 1912—1914 гг.; М. М э г л и ц к а я, В. Т о п о р о в и ч. Ленин и поляки в III Интернационале; Р. В о й н а. Ленин и партия мелкобуржуазной демократии (1917—1923); М. В а л ь д е н б е р г. Ленинская критика идеологии социал-демократизма в послеоктябрьский период. Ф. Т ы х. К вопросу о ленинской модели революции; В. Б у л а т. Ленин и польский вопрос в России; Я. С о б ч а к. Контакты Ленина с поляками — попытка периодизации; Л. С м о с а р с к и й. Ленинская постановка национального вопроса и польское рабочее движение в 1914—1918 гг.; Л. К е щ и н ь с к и й. Ленинская тактика по отношению к профсоюзам и КПРП в 1918—1923 гг.; Я. Т о м и ц к и й. Вопрос ленинского лозунга диктатуры пролетариата и межвоенная ППС; Г. С е р о ц к и й. Ленинская тактика союзов и соглашений и политика ППР.

«*Slavia Orientalis*», 1969, № 4

А. П о п п е. Сказание о Борисе и Глебе. Обстоятельства и время создания (часть II); П. Л е в и н. Русские переводы «Гофреда» в лекциях по поэтике XVIII в.; А. П о з д н е е в. Тургенев и Гете; С. К о з а к. Украина в творчестве Теодора Томаша Ежа; В. М а н ь ч а к. О падении еров в древнерусском языке; М. Р у т к о в с к а я. Опыт сравнения функций глагольных приставок в русском и польском языках (на материале морфем в-).

«*Historický časopis*», 1970, № 2

М. С у х и. Пентаполитана накануне восстания Штефана Бочкая; Я. Т к а д л е ч к о в а В а н т у х о в а. Из проблематики чешско-словацких отношений после австро-венгерского соглашения (1867 г.).



О КУРСЕ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР

В 1969 г. в «Советском славяноведении» были опубликованы статьи харьковских и ленинградских историков о преподавании истории славян в высшей школе. Из всего комплекса славяноведческих дисциплин история, очевидно, находится в вузах в самом выгодном положении. Что же касается славянских литератур, то они, как специальная дисциплина, изучаются далеко не во всех университетах (имеются в виду, разумеется, не специальные славянские отделения, а отделения русской, украинской и белорусской филологии); в пединститутах же вообще им не уделяют должного внимания. Как правило, лишь отдельные отрывочные сведения из истории славянских литератур включаются в общий курс зарубежной литературы. Ясно, что при этом нет никакой возможности показать процесс развития литератур славянских народов.

Вот лишь один показательный пример. В разделе о романтизме есть некоторые сведения о чешских и польских романистах, но обойден романтизм южнославянский. Если ранее в программе было два-три абзаца о Караджиче, то теперь они исключены. Ни слова не говорится о Негоше и его «Горном венце». Литературы южных славян XIX в. вообще слабо представлены в программе. Нет ни Радичевича, ни Якшича, ни Змая. Нет Глишича. Между тем программа по русской литературе предполагает, что студент должен знать «Песни Западных славян» Пушкина и статьи Чернышевского о «Песнях разных народов» Берга. Программа по украинской литературе требует знания книги М. Старицкого «Сербські народні думи та пісні», «Поему по білу сорочку» Ивана Фрашко и «Вілі-посестри» Леси Украинки. Совершенно очевидно, что специалисту по русской, украинской или белорусской литературе необходимо знание литератур зарубежных славян, глубокое понимание особенностей их развития, своеобразие взаимосвязей.

Есть два пути включения истории славянских литератур в вузовское преподавание. Первый — расширение славянской разделов в общем курсе зарубежной литературы. Второй — как было сказано, создание самостоятельного курса истории славянских литератур. Хотя

первый путь имеет довольно долгую традицию, он менее приемлем, ибо не позволяет показать особенности славянских литератур, выделить то, что их объединяет. Литературы славянских народов как бы растворяются в общем курсе.

В свое время акад. А. И. Белецкий говорил об актуальных проблемах построения «будущей синтетической и сравнительной истории славянских литератур, которые будут рассматриваться на фоне мирового литературного процесса»¹. Речь, по сути, шла о региональном аспекте изучения мировой литературы. Об этом, опираясь на положения А. И. Белецкого, говорила И. Г. Неупокоева в своем докладе на дискуссии о взаимосвязях и взаимодействии литератур². Вопрос о соотношении той или иной группы исторически связанных между собой литератур с мировым литературным процессом чрезвычайно важен для правильного определения задач вузовского преподавания, в частности, для решения вопроса о месте курса истории славянских литератур в системе филологических дисциплин.

Курс истории славянских литератур должен решать важные задачи. Главными из них являются, на мой взгляд, следующие:

1. Дать студентам необходимые сведения об историко-литературном процессе в славянских странах, о закономерностях развития славянских литератур. Думается, однако, что курс не должен быть перегружен информационным материалом. Ведь студенты имеют сейчас в своем распоряжении солидные руководства по болгарской, чешской и польской литературам, большое количество монографий об отдельных писателях. (Правда, нет общего учебника. Вопрос

¹ О. І. Білецький. Українська література середніх слов'янських літератур. Київ, Вид-во, АН УРСР, 1958, стор. 48.

² См.: И. Г. Неупокоева. Некоторые вопросы изучения взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур. В сб. «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. Материалы дискуссии 11—15 января 1960 г.». М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 23—24.

о его издании, о принципах его построения нуждается в специальном обсуждении).

2. На материале славянских литератур поставить и решить некоторые важные теоретические вопросы, в частности, о региональном аспекте изучения литератур, о славянской литературной общности, об особенностях взаимосвязей и взаимодействия славянских литератур.

3. Особое внимание следует уделить русско-славянским, украинско-славянским и белорусско-славянским литературным связям. Замечу, что необходим теснейший контакт между преподавателями курса истории славянских литератур и преподавателями русской, украинской, белорусской литератур. К сожалению, в этих курсах проблемам межславянских литературных связей не уделяется должного внимания. Даже при комментировании соответствующих текстов не обращают внимания на славянскую проблематику. Программы не нацеливают на это.

4. Одна из задач курса истории славянских литератур заключается в том, чтобы показать их вклад в мировую литературу.

Курс истории славянских литератур представляет дополнительные возможности и для ознакомления студентов с историей славянской филологии. Это тоже очень важный момент.

Необходимость предлагаемого курса связана и с потребностями школьного преподавания. Учащиеся наших школ должны получать сведения о славянских писателях. Между тем они их не получают. Учителя не готовы к тому, чтобы их давать.

Думается, что вопрос о введении курса славянских литератур должен быть решен. В связи с введением его встанет вопрос о программе, о принципах ее построения. Очевидно, проект программы может быть подготовлен сотрудниками сектора литературы Института славяноведения и балканистики АН СССР и преподавателями наших ведущих вузов.

М. Гольберг

ЗАЩИТА ДИПЛОМНЫХ РАБОТ НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

В нынешнем году кафедра истории южных и западных славян исторического факультета МГУ выпустила 37 молодых специалистов (в том числе по истории Польши — 12, Югославии — 10, Болгарии — 8 и Чехословакии — 7).

Тематика дипломных работ довольно разнообразна. Для новейшей истории это вопросы внешней политики и международных отношений (этим проблемам посвящено относительное большинство работ), внутривнутриполитическое положение и движение Сопротивления в славянских странах в годы второй мировой войны, положение рабочего класса и деятельность рабочих советов в Югославии в послевоенный период (работа студента П. Канделя «Возникновение и первый период деятельности рабочих советов в Югославии» признана одной из лучших), промышленное развитие Словакии в 1945—1960 гг.

История славянских народов в XIX в. представлена прежде всего традиционными проблемами: национально-освободительное и общественное движение в южнославянских землях, в связи с этим — характеристика взглядов и деятельности виднейших представителей этого движения, демократическое и социалистическое движение на польских землях, в среде польской эмиграции, политика России и позиция русской демократической общественности по отношению к южнославянским народам (1860-е годы), положение болгарского крестьянства. Из области проблем, которые советская исто-

риография обошла своим вниманием, следует назвать такие темы, как «Социально-экономическое положение чешских крестьян в конце XVIII — первой половине XIX в.» и «Роль Ф. Л. Челаковского в чешском национальном Возрождении».

Несколько работ посвящено периоду с XVI по XVIII в. В них нашли освещение: внешняя политика и внутривнутриполитическая ситуация польского государства конца XVI — начала XVII в., развитие общественной мысли (работы о М. Рее, Паисии Хилендарском и Д. Обрадовиче), положение крестьянства и крестьянское движение в Чехии в первой половине XVIII в.

Из этого обзора можно видеть, что в истекшем учебном году кафедра не подготовила ни одного специалиста по истории раннего и развитого феодализма. Это объясняется, главным образом, объективными условиями — недостаточной подготовленностью студентов в области знания древних языков.

Что же касается положительных сторон в деятельности кафедры, то к числу таковых следует отнести постоянную заботу о том, чтобы каждая работа представляла собой самостоятельный вклад в историческую науку, и соответственно тому — строгий критерий оценки студенческих трудов с точки зрения их научной ценности.

Подбор тем осуществляется таким образом, чтобы каждая работа могла или ввнести в научный оборот новый материал, или содержать в себе новый аспект тра-

диционной проблемы. Естественно, что при оценке дипломных работ студентов учитывается умение аргументировать свои выводы, а не безусловная «правильность» этих выводов (т. е. их совпадение с позицией, занимаемой научным руководителем или кем-нибудь из авторитетных предшественников дипломанта).

Студенты кафедры нередко используют в своих дипломных работах архивные материалы, как отечественные (работы студенток Чулкиной и Астафьевой из истории чехословацко-советских отношений, Павлушиной о П. Сцегенном, Трегубова о болгарском крестьянстве), так и зарубежные. Кафедра командировала за границу троих отлично успевающих студентов, которые вполне оправдали возложенные на них надежды. Прежде всего необходимо отметить работу Н. Бухарина «Польская социалистическая мысль 1877—1882 гг.», заслужившую самую высокую оценку как научного руководителя И. М. Белявской и рецензентов на кафедре, так и профессора Варшавского университета Ж. Кормановой, руководившей стажировкой Бухарина в ПНР. В частности, в отзыве проф. Корманова отмечала, что дипломант «создал собственную оригинальную концепцию генезиса и этапов развития польской социалистической мысли в ее самый начальный период». Весьма плодотворные результаты дала поездка в Чехословакию Алексашкиной и Досталь. Написанные ими работы из истории чешского крестьянства находятся вполне на уровне современных достижений науки, свидетельствуют об отличном умении работать с разнообразными по характеру и разноязычными источниками, о критическом подходе к литературе.

Другие студенты обращаются к источникам, недавно опубликованным (работы по новейшей истории), несправедливо забытым (работа Гореловой над хроникой И. Бельского) или недостаточно изученным. Очень большой интерес на кафедре вызвала защита дипломной работы Билунова «Публицистика Л. Карвелова в русской периодической печати», сумевшего самостоятельно выявить ранее не известные публикации и убедительно опровергнуть некоторые выводы своих предшественников, а также логично увязать источниковедческое исследование с оценкой взглядов Карвелова.

Те из студентов, которые работали с хорошо известными и, казалось бы, всесторонне оцененными материалами, оказались в более трудном положении. Однако и в этих условиях некоторые из них сумели представить к защите работы, свидетельствующие о наличии исследовательских способностей. В качестве наиболее ярких примеров можно назвать работы Аблазовой «Балканский союз 60-х годов. XIX в. и Россия», Челлини «Внешняя политика Чехословакии в период Генуэзской конференции», Нефедовой «Программа и деятельность организации „Люди Польский“ (30—40 годы XIX в.)». Принимая во внимание трудность задач, стоявших перед молодыми исследователями, рецензенты нашли возможным простить слишком большой объем работ.

Помимо требований к содержанию работы, к ее языку и оформлению, кафедра придает большое значение и тому впечатлению, какое производит сама защита. Во вступительном и заключительном слове, которое предоставляется студенту, отлично обнаруживается, насколько дипломант владеет материалом. В последнее время кафедра отказалась от ранее существовавшего обычая выслушивать в обязательном порядке мнение научного руководителя о работе; вследствие этого возросла ответственность самого дипломанта и расширилось поле для проявления его индивидуальности. Практика показала, что пока далеко не все студенты овладели искусством отстаивать свои убеждения в устной диспуте, однако есть в этом смысле и положительные примеры. Так, успех защиты Прохвиной в значительной степени обусловило то благоприятное впечатление, которое оказало на присутствовавших ее обстоятельное и одушевленное творческим волнением заключительное слово.

Большинство студентов получило отличные и хорошие оценки, а студенты Алексашкина, Досталь, Челлини, Билунов, Аблазова, Кандель, Бухарин и Нефедова — рекомендации в аспирантуру. Мы надеемся, что в лице выпускников этого года отечественное славяноведение получит знающие и способные молодые кадры.

Е. Макова

КОЛЛОКВИУМ ПО ОНОМАСТИКЕ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛЕНИНСКОМУ ЮБИЛЕЮ

6 мая 1970 г. в связи со 100-летней годовщиной со дня рождения В. И. Ленина, коллектив научных сотрудников, занимающийся изучением собственных имен различных видов, отдела теоретического и прикладного языкознания Лейп-

цигского университета им. Карла Маркса проводил научный коллоквиум на тему «Значение советской ономастики для изучения собственных имен различных видов в Германской Демократической Республике».

Э. Эйхлер (Лейпциг) сделал сообщение о значении советской ономастики для теории собственных имен различных видов, опираясь на новейшие советские публикации. Он особенно подчеркнул, что исследование собственных имен различных видов следует рассматривать не столько как чисто лингвистическую область науки, сколько как смежную дисциплину, в которой связаны друг с другом лингвистический, исторический и географический аспекты. Исследования в этой области ведут к постановке новых проблем.

И. Шультгейс (Лейпциг) выступил с докладом о проблеме социально обусловленных вариантов собственных имен и разработке этой проблемы в советской ономастике, которая может дать значительный толчок изучению собственных имен разных видов в синхронном плане в ГДР.

Г. Вальтер (Лейпциг) посвятил свое выступление сущности языковой и, особенно, ономастической информации и проанализировал разные компоненты информации на конкретных примерах собственных имен. Вопросы, связанные с прагматическим аспектом исследования собственных имен различных видов, стояли в докладах на первом плане.

Во всех трех докладах неоднократно особо была подчеркнута тесная связь между собственным именем и обществом, признание которой в советской ономасти-

ке играет исключительную роль. Дискуссия ясно показала, что в теории собственных имен разных видов требуется выяснить еще целый ряд терминологических вопросов.

С. Кёрнер (Борна) сделал сообщение о псевдонимах Ленина и о причинах их возникновения, а также о том, какое воздействие имя, отчество и фамилия Ленина (Владимир; Ильич; Ульянов; Ленин) оказали на процесс номинации в Советском Союзе, сопроводив его большим количеством иллюстраций.

Й. Кавель (студент Университета им. Карла Маркса) исследовал образование русских названий жителей населенных пунктов, возникших в советское время, и представил доклад, который имеет большое практическое значение для преподавания русского языка в ГДР. Из продуктивных в настоящее время суффиксов *-цы* и *-чане* последний, видимо, получил особое значение, так как благодаря ему устраняется возможная омонимия или полифункциональность (например, название *кировцы* используется как для обозначения жителя города Кирова, так и для члена бригады имени Кирова).

Участникам коллоквиума была предложена отпечатанная на гектографе выборочная библиография (60 названий) советских исследований собственных имен за 1967—1969 гг.

И. Шультгейс

О РАБОТЕ СЕКТОРА ЗАПАДНО- И ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ ПАН

Сектор западно- и южнославянских литератур Института славяноведения ПАН в своих коллективных трудах — а именно о них пойдет речь — разрабатывает в первую очередь вопросы сравнительного литературоведения. Поэтому основным предметом исследования считаются здесь проблемы взаимоотношений и связей славянских литератур, причем интерес представляют как двусторонние литературные контакты, так и изучение широкого культурного и литературного фона всего славянского мира, а также европейской литературы.

Для того, чтобы иметь возможность приступить к такой работе, нужно было собрать необходимые материалы и документы, которые послужили бы исходным пунктом для осуществления научных начинаний в этой области. Мы располагали лишь очень неполной библиографией польского славяноведения Эдмунда Коллодейчика, изданной в 1911 г. в Кракове, в которой учтены только самые важные материалы, опубликованные до 1908 г. Учета западно- и южнославянских рукописей, находящихся на территории Польши, не проводилось никакого.

В связи с этим целому коллективу ученых пришлось посвятить много лет кропотливой работы, чтобы создать базу, которая была бы необходимым исходным пунктом для широких сравнительных исследований. Была обработана картотека и микрофильмотека рукописей и корреспонденций западно- и южнославянского происхождения. Эта работа проводилась по трем этапам.

Первый этап представляет собой учет, микрофильмирование и обработку рукописей и корреспонденций западно- и южнославянских авторов в польских библиотеках. Этот этап можно считать уже оконченным. Поиски проводились в 28 польских публичных библиотеках, однако не во всех из них были обнаружены интересующие нас материалы. В результате этих поисков было зарегистрировано несколько тысяч писем, преимущественно чешских, датированных второй половиной XIX в. На учетных карточках алфавитного каталога, составленного по фамилиям авторов писем, отмечены следующие данные: автор письма, адресат, дата, язык письма, краткое содержание, шифр библиотеки, в которой находится

оригинал, а также шифр микрофильма, хранящегося в секторе западно- и южнославянских литератур Института славяноведения ПАН. В целях облегчения работы составлен второй каталог по фамилиям адресатов, чтобы можно было легко установить, с кем данный польский адресат состоял в переписке. Кроме того, обработана тематическая картотека, включающая несколько тысяч названий, которая касается содержания корреспонденции западно- и южнославянских авторов, находящихся в библиотечных фондах. Для того чтобы такие важные источники, как корреспонденция, стали доступными всем славистам, в 1962 г. был издан «Перечень писем западно- и южнославянских авторов в польских библиотеках». Кроме того, зарегистрировано несколько сот рукописей — в основном чешского происхождения, самые старшие из которых датируются XIV в.

Следует отметить, что в работе по регистрации писем часто встречались большие трудности, поскольку нередко в библиотечных каталогах авторы и адресаты писем фигурировали как неизвестные, так что приходилось заново устанавливать их фамилии.

Мне лично пришлось убедиться в том, что только незначительная часть корреспонденции — столь важного источника сведений для каждого историка литературы — сохранилась до наших дней. Большая часть ее уничтожена, — и не только в результате исторических событий. Порой обладатели той или иной переписки ликвидировали письма, не передавали ее библиотекам и т. п. Таким образом, лишь незначительный процент корреспонденции понадал в общедоступные коллекции. Чтобы впредь предотвратить такое положение вещей, мы решили обратиться к большинству польских писателей, поэтов, переводчиков, а также ко многим ученым с просьбой предоставить нам письма западно- и южнославянских авторов с целью их микрофильмирования. Так возникли фонды, насчитывающие несколько тысяч микрофильмовых кадров и карточек каталога. Эти письма были обработаны таким же способом, как и письма из фондов публичных библиотек. Однако эти микрофильмы, в отличие от микрофильмов первой части, в настоящее время не являются общедоступными, поскольку здесь речь идет о людях ныне здравствующих. Их выдают только в исключительных случаях с согласия владельца оригинала. Эти материалы собираются скорее на будущее, когда они приобретут несомненную ценность, ибо — а я в этом уверен — только некоторый процент их сохранится и попадет в публичные библиотеки.

Наиболее трудоемкой является работа в государственных архивах, так как здесь приходится перерывать буквально тонны бумаги. Значительно продвинулась

работа по регистрации материалов, касающихся западных и южных славян, во Вроцлавском воеводском архиве, в Архиве древних рукописей (Archiwum Akt Dawnych) в Варшаве, в Торуньском архиве и др. Регистрация документов этого рода продлится еще долгие годы. Возможно, над этим еще потрудятся внуки современных славистов.

Уже четыре года сектор западно- и южнославянских литератур занимается тщательным отбором материала для большой библиографии польского славяноведения межвоенного периода, в которой будут приняты во внимание не только литературоведческие вопросы, но и проблемы, касающиеся всех гуманитарных дисциплин. До настоящего времени обработано около 650 названий журналов самого разнообразного профиля. В первую очередь, конечно, славистические издания. Из-за огромного количества материала весь объем этой библиографии не представляется возможным опубликовать, однако, она послужит в качестве документальной базы для внутреннего пользования. Что же касается литературоведческой библиографии, которая систематически пополняется в процессе обработки материала и составляет в хронологической последовательности в рамках конкретных наименований журналов, расположенных в свою очередь в алфавитном порядке, — то издание ее планируется осуществить.

Лишь на основе этой подготовительной работы можно было приступить к научным исследованиям аналитического характера, которые следует расценивать как начало обширной научной программы по созданию обобщающих трудов о межславянских литературных взаимосвязях. Я назову здесь только изданный в 1969 г. том исследований, посвященный польско-чешским и польско-словацким литературным связям, созданный при взаимном сотрудничестве с чешскими и словацкими коллегами. Он содержит статьи по проблемам польско-чешских и польско-словацких литературных связей на протяжении нескольких веков. Такого же типа том, касающийся польско-лужицких литературных связей, появится в 1970 г. Здесь еще значительно степень международного сотрудничества: в книге будут помещены статьи, написанные на семи языках. Находится в печати также том «Польско-болгарские литературные связи», а четвертый сборник этой серии — «Польско-югославские литературные связи» — в настоящее время проходит редакционную обработку.

Начата работа над публикацией материалов о восприятии в Польше произведений славянской литературы с тематикой, касающейся второй мировой войны, и произведений польской литературы с этой же тематикой — в отдельных славянских странах. Первую часть подго-

тавливают историки литературы из Института славяноведения ПАН, вторую — слависты из СССР, Чехословакии, ГДР, Болгарии и Югославии.

Коллектив нашего сектора уже обсудил основные установки и тезисы обобщающего труда по вопросам польско-чешских и польско-словацких литературных связей с 90-х годов прошлого века до 1939 г. Кроме того, Институт славяноведения издает совместно с Институтом языкознания и литературы Чехословацкой АН (*Ústavem jazyků a literatur CSAV*) и Институтом мировой литературы и языкознания Словацкой АН (*Ústavem svetovej literatury a jazykú SAV*) Бюллетень историков западносла-

вянской литературы, целью которого является координация работ историков западнославянской литературы. Редакция «*Pamiętnika Słowiańskiego*» — журнала, посвященного проблемам литературоведения западных и южных славян, тоже входит в Институт славяноведения ПАН.

Каждый год мы организуем научные сессии, посвященные выдающимся деятелям западно- и южнославянской литератур, в которых принимают участие заграничные гости. На 1971 г. запланирована сессия, посвященная творчеству Франгишка Галаса.

Ежи Слизицкий

ЭММА ИЛЬНИЧНА ЧУДИНОВСКИХ

В ночь с 19 на 20 апреля 1970 г. не стало молодого исследователя-слависта, старшего преподавателя кафедры всеобщей истории Ивано-Франковского педагогического института канд. ист. наук Эммы Ильичны Чудиновских.

Родилась Э. И. Чудиновских 16 мая 1936 г. в г. Свердловске. Высшее образование получила на историческом факультете Уральского университета (1953—1958 гг.). В 1958—1960 гг. работала ассистентом кафедры всеобщей истории Уральского университета. В 1960—1963 гг. аспирантка при этой же кафедре (руководитель проф. М. Н. Сюзюмов). Одновременно Эмма Ильична работала в Свердловском педагогическом институте, где вела занятия по истории средних веков и латинскому языку.

С октября 1965 г. и до конца своей короткой жизни Э. М. Чудиновских работала в Ивано-Франковском педагогическом институте, где читала курс лекций по истории средних веков. В 1968 г. она успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Торговля далматинских городов с центральным и восточным Средиземноморьем в конце XIII — первой половине XV в. (по материалам Трогира, Дубровника, Котора)».

Определив свои научные интересы в отрасли югославской медиевистики, Э. И. Чудиновских успела опубликовать

несколько статей и сообщений¹, получивших положительные отзывы в советских и зарубежных периодических изданиях. Лекции Э. И. Чудиновских, особенно по истории славянских стран, вызывали большой интерес у студентов. Благодаря ее усилиям значительно расширилась работа над славистической тематикой в студенческом научном кружке.

Память об Эмме Ильичне Чудиновских, пытливом исследователе истории славян, талантливом педагоге всегда останется в сердцах всех, знавших ее.

Я. С. Мельничук

¹ Э. И. Чудиновских. Греческие портулаки как источники по истории торговых путей центрального и восточного Средиземноморья XV—XVI вв. Сб. «Античная древность и средние века» вып. 3. Свердловск, 1965; е е же. Торговая деятельность населения далматинских городов в XIII—XIV вв. Там же; е е же. Торговые компании Трогира — Котора в конце XIII—XIV вв. по данным нотариальных актов. Сб. «Вопросы истории славян», вып. 2. Воронеж, 1966; е е же. Развитие торговых связей далматинских городов в XIII—XIV вв. Ученые записки Пермского гос. ун-та. им. Горького, № 143, исторические науки. Пермь, 1966.

УКАЗАТЕЛЬ
СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ
В ЖУРНАЛЕ В 1970 г.

Статьи

Азбелев С. Н. Отзвуки Куликовской битвы в сербском и русском фольклоре	№ 6
Андрюшин Е. Н. Восприятие Д. Благоевым ленинского учения об империализме	№ 1
Базилевич Л. И., Верещагин Е. М. Славистические проблемы в научном наследии Л. В. Щербы	№ 1
Богомолова Н. Возрождение классицистских тенденций в польской поэзии начала XX века	№ 4
Валев Л. Б. Ленинизм и строительство социализма в Народной Республике Болгарии	№ 2
Воронков И. А. Изучение истории зарубежных славян в Московском университете	№ 5
Гибанский Л. Я., Зеленин В. В. СССР и борьба югославских трудящихся за народную республику	№ 6
Греков И. Б. О первоначальном варианте «Сказания о Мамаевом побоище» Дашкевич В., Ковальский В. Т., Лопатнюк С. Опыт периодизации истории польско-советских отношений 1917—1968 гг.	№ 4
Димов Н. К вопросу о тактике единого фронта в деятельности БКП (1921—1925 гг.)	№ 2
Достян И. С. Из истории русско-сербских связей в начале XIX в.	№ 5
Дыбо В. А. Фрагмент праславянской акцентной системы (Ударение прилагательных с суффиксом <i>-ъk-</i>)	№ 5
Жуков Е. М. Некоторые проблемы развития мировой социалистической системы (К вопросу о становлении коммунистической формации)	№ 3
Зув Ф. Г., Клеванский А. Х., Конобеев В. Д. Ленинизм и пути исторического развития зарубежных славянских народов	№ 2
Зюкина Т. Е. Забастовочное движение в Сербии накануне Балканских войн	№ 1
Илич Д. В. И. Ленин о положении в Сербии в первой мировой войне	№ 2
Ильина Г. Я. Проблематика экспрессионизма в современном югославском литературоведении	№ 6
Исусов М. Структурные изменения в экономике Болгарии (1944—1947 гг.)	№ 4
Кандель Е. Ф. Энгельс и социалистическое движение в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 80—90-х годах XIX века	№ 6
Карпенко Ю. А. Лингвистика — география — история (Проблемы топонимического этимологизирования)	№ 4
Клепикова Г. П. О некоторых южнославянских-севернорусских лексических параллелях.	№ 3
Королук В. Д. Особенности становления феодализма и формирования славянских раннефеодальных государств и народностей в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе	№ 5
Костюшко И. И. В. И. Ленин о пролетарском интернационализме	№ 2
Лещиловская И. И. Роль города в формировании хорватской национально-освободительной идеологии в первой половине XIX века	№ 4
Маньковская Г. Л. О национальной локализации в художественном переводе	№ 5
Марков Д. Ф. В. И. Ленин и проблемы художественного синтеза в революционных литературах XX века	№ 2
Марьяна В. В. Первый опыт создания пролетарского государства в Чехословакии	№ 4
Марьяна В. В., Мурашко Г. П. Социально-экономические перемены в чехословацкой деревне накануне кооперирования	№ 1

Моторный В. А. Из истории чешской литературной ленинианы . . .	№ 2
Мыльников А. С. К вопросу о положении и культурно-политической роли чешского города побелогорского времени . . .	№ 4
Наумов Е. П. Пути и тенденции экономического развития Сербии в XIII—XIV вв.	№ 3
Недорезов А. И. Четверть века борьбы за социализм (К 25-летию освобождения Чехословакии от фашистской оккупации и установления народно-демократического строя)	№ 3
Никольский С. Сюжет и жанр пьесы К. Чапека «Дело Макропулос» .	№ 3
Пиволуска Я. Словацкое движение Сопротивления и Советский Союз (1939—1945)	№ 1
Плотникова О. С. Об имперфективации в словенском литературном языке	№ 1
Прокофьева Д. С. Царская цензура и польская литература второй половины XIX — начала XX века	№ 1
Пшигоньский А. Варшавское восстание 1944 года	№ 3
Свирида И. И. Ленинская тема в изобразительном искусстве Польши .	№ 2
Славин Г. М., Сумарокова М. М. В. И. Ленин и сербская социал-демократия в период Балканских войн и первой мировой войны	№ 2
Соколянская Г. П. К вопросу об историзме трилогии Вл. Реймонта «1794 год»	№ 6
Станкевич В. Издание произведений В. И. Ленина в народной Польше в 1945—1968 гг.	№ 2
Струкова К. Л. Из эпистолярного наследия П. Д. Драганова	№ 4
Тауфер И. Заметки к переводу поэмы о Ленине	№ 2
Фрейденберг М. М. Далматинское крестьянство XIII—XIV вв. (По данным из Далматинской Хорватии)	№ 5
Шабловская И. Исторический роман в чешской литературе Сопротивления	№ 1
Шахова Л. Г. Художественный характер в романе Димитра Димова «Табак»	№ 1
Яжборовская И. С. Проблема русско-польского революционного союза у В. И. Ленина и польских социал-демократов	№ 2
Янакиев М., Котова Н. В. О некоторых принципах эдиционной палеославистики	№ 6

Публикации

Бэлза С. К истории русских переводов Мицкевича	№ 6
Ендакова В. М., Сумарокова М. М. Документы Димитрия Благоева	№ 6
Контакты В. И. Ленина с деятелями революционного рабочего движения зарубежных славянских стран	№ 2

Люди, события, факты

Карасев В. Г. Старая фотография заговорила	№ 1
Кишкин Л. С. О судьбе бродяжнических материалов	№ 5
Королюк В. Д. Поэзия Болеслава Лесьмяна в графике А. Е. Голяховской	№ 3
Львова Е. Творчество Васла Захариева и традиции национального Возрождения	№ 5
Прокофьева Н. И. И. Шипкин о чешских художниках	№ 6

Памятники славянской культуры

Попов Г. В. Русская икона из Национального музея в Белграде	№ 6
---	-----

Критика и библиография

Барсукова В. В., Мартынова Г. А. Новое издание «Сербскохорватского русского словаря» И. И. Толстого	№ 5
Булатова Р. В. Новисадский лингвистический ежегодник	№ 6
Волков А. Монография о «Войне с саламандрами» Карела Чапека . . .	№ 5
Гибянский Л. Я. Положение Югославии в 1945 г. в документах американских дипломатических публикаций	№ 1
Дмитриев П. А. М. Стевановић. Савремени српскохрватски језик . .	№ 5
Журавский А. И. Исследование о древнем белорусско-украинском письменном языке	№ 5
Злупко С. Н. Idee Lenina — źródło przyjaźni narodów	№ 6
Исаевич Я. Д. Монография по славянскому лингвистическому изучению . . .	№ 5

Йованович Н. Borivoj Pajović — Milorad Radević. Bibliografija o ratu i revoluciji u Jugoslaviji	№ 5
Кавко А. Зенон Клишко. Варшавское восстание	№ 1
Каждан А. Васил Гюзелев. Княз Борис Първи	№ 6
Калениченко П. М. Andrzej Slisz. Prasa polska w Rosji w dobie wojny i rewolucji (1915—1919)	№ 3
Кацова И. А. «Българо-руски научни връзки XIX—XX век. Документи»	№ 3
Карпенко Ю. А. А. Е. Супрун. Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи	№ 6
Клепикова Г. П. С. Стойков. Лексиката на банатския говор	№ 1
Козьменко И. Сборник статей и материалов к 90-летию освобождения Болгарии	№ 6
Королюк В. Д. Советское византиноведение и проблемы истории славяно-византийских отношений	№ 6
Лещенко П. А. Книга о дружбе двух братских народов	№ 5
Лещиловская И. И. Современная югославская историография иллиризма	№ 3
Л. К. Pzispěvku k dejinam umění	№ 1
Л. К. VI Mezinárodní sjezd slavistů v Praze 1968	№ 6
Малевиц С. А. Новые исследования по истории марксистско-ленинской мысли в Польше	№ 6
Мельничук Я. С. Michał Komarzyński. Polska w polityce gospodarczej Wersalu (1661—1715)	№ 6
Молок Ф. А. Яркие страницы из истории движения Сопротивления на Остравщине	№ 1
Молок Ф. А. Книга о деятельности прогрессивного учительства в Чехословакии	№ 6
Москаленко А. Е. Полезнейшее начинание	№ 3
Мыльников А. Новая публикация чешской лирической поэзии XVII века	№ 6
Папченко А. М., Смирнов И. П. Марина Цветаева. Письма к А. Тесковой	№ 4
Перцигер И. «Dokumenty Komunistycznej partii Polski 1935—1938»	№ 1
Петров Ф. «Братская дружба, всестороннее сотрудничество»	№ 1
Петухов В. К. Издание трудов П. А. Ровинского в Югославии	№ 6
Поц И. И. Новое славистическое издание на Украине	№ 5
Прокофьева Д. «Ruch Literacki», 1968—1969	№ 5
Ревзич И. J. Vachek. Dynamika fonologického systému současné spisovné češtiny	№ 3
Резонов П. И. Густав Гусак. Свидетельство о Словацком национальном восстании	№ 1
Смирнов Ю. Журнал «Македонски фолклор»	№ 3
Смирнов Ю. И. Albert B. Lord. The Singer of Tales	№ 1
Софропова Л. Источники истории польской материальной культуры	№ 3
Стецкевич С. П. Н. Ольшевский. Рижский мир	№ 5
Стецкевич С. М. P. Kaleniczenko. Polacy w Rewolucji Październi kowej i wojnie domowej na Ukrainie 1917—1920	№ 4
Фрейдзон В. И. J. Šidak, M. Gross, J. Karaman, D. Šepić. Povijest hrvatskog naroda g. 1860—1914	№ 5
Фрейдзон В. И. Талантливое исследование югославского историка	№ 6
Хорев В. J. Urbańska. Radziecka powieść rosyjska w Polsce w latach 1933—1939	№ 5
Черных М. «Ruch Komunistyczny w Polsce. 1918—1968»	№ 5
Шевчук В. И. «Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения (конец XVIII — начало XX в.)»	№ 6
Шульга И. О. Ставорский. Словацко-польско-українське прикордоння до XVIII століття	№ 5
Яжборовская И. «Uprawnienie i odbudowa przemysłu w Polsce (1944—1948)»	№ 4
Библиография	№ 1, 3—6

Научная жизнь

Блинова Т. П. К 25-летию социалистической революции в Болгарии	№ 1
Блинова Т., Маковецкая Т. Сессия, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, в Институте славяноведения и балканистики АН СССР	№ 5
Валев Л. Б. Научная сессия в Софии, посвященная 25-летию социалистической революции в Болгарии	№ 1

Г. М. Научная сессия, посвященная 25-й годовщине освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков	№ 5
Гольберг М. О курсе истории славянских литератур	№ 6
Леньшина М. Ленинские чтения	№ 2
Л. Н. В Институте славяноведения и балканистики АН СССР	№ 4
Лукач Д. Институт современной истории в Белграде	№ 5
Львов А. С. Симпозиум, посвященный 1100-летию глаголицы	№ 3
Макова Е. Защита дипломных работ на кафедре истории южных и западных славян	№ 6
О золотых медалях имени Карла Маркса	№ 4
Ольшанский П. Научная сессия в Кракове	№ 4
Рехович Г. Силезский научный институт в Катовицах	№ 3
Сидельников С. И., Чернявский Г. И. V межвузовская научная конференция историков-славистов	№ 4
Слизиньский Е. О работе сектора западно- и южнославянских литератур Института славяноведения ПАН	№ 6
Созин И. В. Юбилей кафедры истории южных и западных славян МГУ	№ 3
Созин И. В. Защита диссертации в МГУ	№ 5
Шахова Л. Защита диссертации	№ 3
Шультгейс И. Коллоквиум по ономастике, посвященный Ленинскому юбилею	№ 6

Некрологи

Бернштейн С. Б. Памяти профессора Стойко Стойкова	№ 3
Виноградова А. Памяти А. Гушавы	№ 1
Королюк В. Д. Любовь Вячеславовна Разумовская	№ 1
Мельничук Я. С. Эмма Ильинична Чудиновских	№ 6
Толстой Н. И. Академик В. В. Виноградов	№ 1

CONTENTS

- E. Kandel*. F. Engels and the socialist movement in the countries of Central and South-Eastern Europe in the 80—90-ies of the XIX century. *L. Ja. Gibianskij*, *V. V. Zelenin*. The USSR and the struggle of the Yugoslav working people for the People's Republic. *I. B. Grekov*. On the initial variant of the «Tale of the Mamai Fray». *G. Ja. Ilyina*. On the problem of expressionism in modern Yugoslav literary studies. *G. N. Sokolyanskaya*. On the historicism of Wl. Rejmont's trylogy «The Year 1794». *S. N. Azbelev*. Repercussions of the Battle of Kuli-kovo in Serbian and Russian folklore. *M. Janakiev* (Bulgaria), *N. V. Kotova*. Certain principles of the editorial paleo-slavistics 3

PUBLICATIONS

- V. M. Endakova*, *M. M. Sumarokova*. Documents by Dimitri Blagoev. *S. Belza*. From the history of the Russian translations from Mickiewicz 65

PEOPLE, EVENTS, FACTS

- N. Prokovjewa*. I. I. Shishkin on Czech painters 74

MONUMENTS OF SLAV CULTURE

- G. V. Popov*. The Russian icon from the National Museum in Belgrade 81

BIBLIOGRAPHY

- S. N. Zlupko*. Idee Lenina — źródło przyjaźni narodów. *V. D. Koroliuk*. The Soviet Byzantine studies and the problems of the history of Slavic-Byzantine relations. *A. Kazhdan*. Васил Гюзелев. Княз Борис Първи. *F. A. Molok*. A book on the activities of the progressive teachers in Czechoslovakia. *I. Kozmenko*. Collected papers and materials to the 90th anniversary of Bulgaria's liberation. *V. I. Freidzon*. A talented study by a Yugoslav historian. *S. A. Malevich*. New studies on the history of the Marxist-Leninist thought in Poland. *A. Mylnikov*. A new publication of the Czech XVII century lyrical poetry. *V. K. Petukhov*. The publication of P. A. Rovinsky's works in Yugoslavia. *Ja. S. Melnichuk*. Michał Komaszynski. Polska w polityce gospodarczej Wersalu (1661—1715). *V. I. Shevchuk*. «Czech-Russian and Slovak-Russian literary relations (the end of the XVIII th—the beginning of the XXth century)». *L. K. VI Mezinárodní sjezd slavistů v Praze 1968*. *Yu. A. Karpenko*. A. E. Suprun. Slavic numerals. Formation of numerals as a part of speech. *R. V. Bulatova*. The Novi Sad Linguistic year-book. 84

B i b l i o g r a p h y

- The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1970 (continued). The contents of foreign periodicals 111

SCIENTIFIC LIFE

- M. Gol'berg*. On the course in the history of Slavic literatures. *E. Makova*. The defense of dissertation theses on the chain of the history of Western and Southern Slavs. *I. Shultheiss*. A working meeting on onomastics devoted to the Lenin anniversary. *Jerzy Słiziński* (Poland). The work of the department of the western and southern Slavic literatures of the Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of sciences 118
- Ja. S. Melnichuk*. Emma Ilyinichna Chudinovskikh 123
- Index of the articles and materials published in the magazine in 1970 124

Технический редактор *Э. В. Филиппова*

Сдано в набор 11/VIII—1970 г. Т-14764 Подписано к печати 14/X—1970 г. Тираж 1175 экз.
 Зак. 1619 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 11,2 Бум. л. 4 Уч.-изд. листов 13,3

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Б ОРДЫНКА

Л 34/38 КВ 40

ТОЛСТОМУ И И

70891

1-12

Цена 1 руб.

Индекс 70891

*Принимается подписка
на журналы издательства «Наука»
на 1971 год*

Название журнала	К-во № в год	Подписная цена	
		годовая	полугодовая
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ			
Азия и Африка сегодня	12	3—60	1—80
Вестник древней истории	4	9—60	4—80
Вопросы языкознания	6	7—20	3—60
Известия Академии наук СССР Серия литературы и языка	6	5—40	2—70
Известия Академии наук СССР Серия экономическая	6	7—50	3—75
Известия Сибирского отделения Академии наук СССР			
Серия общественных наук	3	2—10	
История СССР	6	7—20	3—60
Латинская Америка	6	6—00	3—00
Народы Азии и Африки	6	9—60	4—80
ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА			
Новая и новейшая история	6	6—90	3—45
Русская литература	4	4—00	2—00
Советская археология	4	10—00	5—00
Советская этнография	6	10—80	5—40
Советское славяноведение	6	6—00	3—00
Советское государство и право	12	8—40	4—20
США — экономика, политика, идеология	12	7—20	3—60
Экономика и математические методы	6	7—50	3—75
Экономика и организация промышленного производства	6	6—60	3—30

Подписка на перечисленные журналы принимается без ограничений в пунктах приема подписки «Союзпечать», отделениях связи, городских и районных узлах связи, на почтамтах, а также общественными распространителями печати на предприятиях, в учреждениях и организациях.